

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный
журнал

10. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство территориального развития, национальной политики и массовых коммуникаций ЧР.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2009 г. Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_azi@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

23.10.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ДЕНЬ ГОРОДА

Эдильбек ХАСМАГОМАДОВ. *Грозный – центр мира*.....2

Дукуваха АБДУРАХМАНОВ. *Человек и эпоха:*

Рамзан Кадыров. Отрывки из книги.....8

Адиз КУСАЕВ. *Баллада о Заводском районе.*

К 120-летию Грозненской нефтяной промышленности. Отрывок из поэмы.....12

К 10-ЛЕТИЮ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА ЧР

«Моя задача не остановить войну, а покончить с ней навсегда...» С Исмаилом МУНАЕВЫМ беседует Иса ОКАРОВ.....5

ЮБИЛЕЙ

Абузар АЙДАМИРОВ. *Дороги моей жизни.*

Автобиографический очерк.....13

ПОЭЗИЯ

Умар ЯРИЧЕВ. *Выжил*. Стихи.....23

Малика ХАМИДОВА. *Ца лаьа*. Стихаш.....61

Муса БУХАДИЕВ. *Нохчалла*. Стихаш.....62

ПРОЗА

Вахид ИТАЕВ. *Белый конь*. Повесть.....25

ДРАМАТУРГИЯ

Абу ИСМАИЛОВ. *Эдал*. Драма в стихах. Продолжение.

Начало в № 9. Перевод с чеч. автора.....49

ГОЧДАР

Екатерина ГАБАШВИЛИ, *Тинин хелхар*. Дийцар.

Гуьржийн маттера годчинарг
МАРГОШВИЛИ Султан.....57

VI СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ СЕВЕРНОГО КAVKAZA

Молодые литераторы встретились в Грозном.....63

Насрудин ЯРЫЧЕВ. *Поэты*. Стихи.....65

Айгюн МАМЕДОВА *Стежки-дорожки, или Путешествие по родным местам*.....67

Вадим КЕРАМОВ. *Эти закаты отблески света...* Стихи.....72

Мадина АБДУЛВАГАПОВА. *Моя чеченская война*.
Рассказ.....74

Зураб БЕМУРЗОВ. *Этюды*. Стихи.....77

Елена МИЛОСЕРДОВА. *Быть мышкой*. Стихи.....79

Николай РЕДЬКИН. *Веселые лоси*. Рассказ.....81

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Ангелина ЯРОСЛАВЦЕВА. *Рикошет*. Стихи.....85

РЕЦЕНЗИЯ

Муса БАГАЕВ. *Этнопедагогика и чеченцы*.....87

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Ваха РАСУМОВ. *Чеченские народные танцевальные песни*.....91

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Новые писатели.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Роза МЕЖИЕВА. *Источник вдохновения*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Эдильбек Хасмагомадов

Грозный – центр мира

Грозному в этом году исполнилось 195. Для города возраст небольшой – в мире (в том числе и на Кавказе) есть города, история существования которых насчитывает не одну тысячу лет.

С другой стороны, у городов, как и у людей, у каждого своя судьба, своя история. Судьба Грозного изначально связана с судьбой Чечни и чеченского народа, но связана совсем не просто. Грозный – один из множества российских городов, которые возникали на окраинах как пограничные крепости, а затем оказывались в глубине территории быстро расширяющегося государства. Крепость Грозная закладывалась как опорный пункт вновь создаваемой Сунженской линии, стратегическая задача которой состояла в том, чтобы отрезать чеченцев от ингушей, а Притеречную Чечню – сплошной системой крепостей и казачьих станиц отделить от основной чеченской территории.

Словом, крепость Грозная создавалась для того, чтобы разделить Чечню и чеченцев, а затем покорить их. Она олицетворяла враждебную силу и являлась, по сути, чужеродным элементом, насильно водворенным в центр чеченских земель. Естественно, что чеченцы всеми силами пытались воспрепятствовать строительству крепости. Со всей ответственностью можно утверждать, что Грозный водворился в центре Чечни «железом и кровью».

Свое военное значение крепость Грозная утратила очень быстро. Уже в 40-е годы XIX столетия путешественники, побывавшие здесь, были разочарованы ее состоянием – крепость Грозная имела совсем не грозный вид. Кавказская война еще не закончилась, а крепость уже превратилась в глубокое провинциальное захолустье, и основным занятием ее населения было сельское хозяйство и мелкая торговля. Приобретение статуса города в 1878 году мало что изменило в жизни Грозного. Хотя в известном смысле ему повезло, что он вообще сохранился как поселение – множество крепостей Кавказской линии исчезли без следа. Сегодня далеко не все профессиональные историки могут указать, например, где находились крепости Преградный Стан, Злобный Окоп, Внезапная.

Но, даже получив городской статус, Грозный не открылся для Чечни и чеченцев. «Туземцам», не состоящим на военной или гражданской службе, по-прежнему запрещалось селиться в городе.

Первое преобразование Грозного связано с началом промышленного подъема, вызванного открытием богатых месторождений нефти и прокладкой Владикавказской железной дороги. Город стремительно растет, требуя все больше рабочих рук. Эта потребность удовлетворяется, по большей части, за счет притока населения из центральных районов страны. Чеченцы из близлежащих селений получают, в основном, временную неквалифицированную работу – это так называемые чернорабочие, выполняющие работу, требующую больших физических усилий. Но проходит совсем немного времени и появляются первые настоящие промышленные рабочие из числа чеченцев. В то же время появляется и растет социальный слой предпринимателей и людей «свободных профессий», формирующийся в значительной мере из среды чеченского офицерства.

К началу Первой мировой войны в Грозном постоянно проживает до 3-х тысяч чеченцев, вовлеченных во все слои городского общества, от рабочих до

Фото Л. Адамс

нефтепромышленников. Так Грозный начинает создавать в чеченском обществе новые социальные слои, прямо заинтересованные в дальнейшей интеграции Чечни в российское экономическое, политическое и культурное пространство. По сути, во многом благодаря Грозному был запущен механизм социальной и культурной модернизации чеченского общества.

Вполне естественно поэтому, что чеченцы с самого начала оказались в гуще событий обеих революций 1917 года и последовавшей затем общероссийской Гражданской войны. Во время знаменитых стодневных боев за Грозный чеченские отряды во главе с Асланбеком Шериповым принимают самое активное участие в обороне города от белоказаков, прочно удерживая северный участок фронта. Прошло сто лет после основания Грозного, и теперь внуки чеченцев, сражавшихся за то, чтобы разрушить этот город, ценой жизни защищали его.

В дальнейшем значение Грозного в жизни чеченского общества будет только расти. В советское время здесь располагались органы власти Чеченской Автономной области, а в 1925 году город официально стал столицей Чечни. Советская власть проводила активную социальную политику, имевшую целью создание социальных слоев (прежде всего промышленных рабочих) из местного населения, которые должны были стать ее опорой. Этой же цели должна была послужить и так называемая «культурная революция».

Все это не означает, что Грозный мгновенно открылся для чеченцев – вплоть до конца советской власти сохраняется его определенная обособленность от Чечни. Преобладание русскоязычной грозненской партийной организации привело к тому, что главные позиции в республиканской партийно-советской номенклатуре принадлежали русским и русскоязычным партийным функционерам, а чеченские «товарищи» оказались на второстепенных должностях. Стремление сохранить преобладающее влияние грозненской парторганизации и ограничить амбиции чеченской номенклатуры привели к введению административных преград для свободного поселения чеченцев в Грозном и ряде прилегающих к городу станиц.

Тем не менее, еще в 20-е годы чеченцы становятся составной частью городского населения. Это положение будет быстро восстановлено после возвращения чеченцев из депортации. По данным переписи 1989 года, в Грозном постоянно проживает более 120 тыс. чеченцев. На самом деле, их больше, поскольку десятки тысяч жителей близлежащих сел работают в городе и лишь вечером возвращаются в свои села. Плюс тысячи студентов, обучающихся в городских вузах и учебных заведениях.

Для Грозного последних двух десятилетий советской власти характерен особый характер межнациональных отношений – многонациональные компании молодежи были здесь нормой. Чеченцы в подавляющем большинстве даже в городе соблюдали традиционные национальные обычаи, но это не приводило к обособлению от соседей. В Грозном все так жили – русские, чеченцы, ингуши, армяне, евреи и многие другие – все вместе гуляли на свадьбах и вместе скорбели на похоронах близких и друзей, без различия национальностей.

О значении Грозного в жизни чеченского общества говорит тот факт, что в обыденной жизни его никогда не называли официально Соьлжа-Г'ала, а говорили просто: Г'ала (город). И это несмотря на то, что городской статус имели Гудермес, Аргун, Урус-Мартан и Шали. Грозный для чеченцев теперь «свой» город, и это представление только закрепилось в результате двух прошедших войн. Предложение перенести столицу в Гудермес было отвергнуто даже без обсуждения, и послевоенный Грозный отстраивают с любовью и размахом как настоящую столицу, лицо Чеченской Республики и гордость ее народа. В Грозном построены не только новые административные здания и жилые кварталы, не только престижные «высотки», но и важнейшие объекты сферы образования и культуры: здания университета и нефтяного института, Национальная библиотека и Национальный музей, Мемориал Славы и картинная галерея им. А.А. Кадырова.

Без Грозного невозможно представить современную Чеченскую Республику, и как раз именно в этом заключается смысл фразы, столь популярной сегодня: «Грозный – центр мира». Грозный, действительно, центр мира для чеченцев и Чеченской Республики, это наше окно в окружающий мир. За время своего существования Грозный во многом изменил чеченское общество и изменился сам. Построенный как крепость, чтобы разделять чеченцев, он сегодня объединяет их, став центром политической, экономической и культурной жизни Чеченской Республики.

Действительно, Грозный – центр мира.

К 10-летию выборов Президента ЧР**«Моя задача не остановить войну, а покончить с ней навсегда...»**

На инаугурации

5-го октября 2003-го года чеченский народ встал на путь мира и возрождения, избрав сильного и надежного лидера, который дал измученным войнами чеченцам надежду на мирную и созидательную жизнь в правовом государстве. Владимир Путин и чеченский народ сделали правильный, мудрый выбор – за короткое время руководства Чеченской Республикой Ахмат-хаджи успел сделать немало в борьбе с ваххабизмом и экстремизмом, с беспределом военных и в налаживании мирной жизни в регионе.

Собрав вокруг себя верных соратников, он стал отстаивать интересы и права родной республики, словом и делом бороться с силами, не желавшими, чтобы в Чечне погасло пламя войны.

Воспоминаниями о событиях до и после выборов, непосредственно повлиявших на избрание Ахмат-хаджи на пост главы республики, о его личности, о соратниках поделился непосредственный участник этих событий, известный ученый-фольклорист, кандидат филологических наук, заведующий сектором фольклора Академии наук Чеченской Республики МУНАЕВ ИСМАИЛ БУЛАЧЕВИЧ.

– В июне 2000-го года только что избранный Президент РФ Владимир Путин назначил Ахмат-хаджи Кадырова Главой Администрации Чеченской Республики. На ваш взгляд, чем был определен выбор? Ведь желающих занять этот пост было немало как среди чеченцев, так и среди представителей других национальностей? Какие события внутри Чечни и за ее пределами способствовали этому?

– Как нам известно, затянувшийся на десятилетие военно-политический конфликт на территории Чечни, вызванный захватом власти генералом Дудаевым и его последователями, грозил перекинуться и на другие близлежащие регионы России. Немало этому способствовал и клич не отличавшегося особой трезвостью мышления Ельцина, брошенный после развала СССР автономным республикам: «Берите суверенитета столько, сколько переварите!» Все это угрожало целостности Российского государства, и дальнейшее промедление в решении «чеченского вопроса» не сулило ничего хорошего ни для чеченского народа, ни для России.

Ахмат-хаджи первым осудил грандиозную провокацию, совершенную Басаевым и его последователями вторжением в Дагестан и разжиганием там нового очага войны между братскими чеченским и дагестанскими народами. Ведь в Дагестане в то время, в начале второй контртеррористической кампании, находилось около 250-ти тысяч беженцев из Чечни. Трудно себе представить, что ожидало бы Кавказ в случае осуществления Басаевым и его ваххабитами своей авантюры: это сотни тысяч беженцев, братоубийственная война, отпадение Северного Кавказа от России и так далее.

Ахмат-хаджи Кадыров, еще будучи муфтием Чечни, не имея за собой никакой вооруженной силы, открыто, смело выступил против ваххабитов и их губительной для ислама, надуманной и провокационной идеологии. Это был казавшийся со стороны безумным вызов воина-одиночки целой армии. Ведь они заправляли буквально всем и вся в тот период так называемого «правления Масхадова». И сам Масхадов был управляем ими. Приведу конкретный пример.

В городе Гудермесе выступление Ахмат-хаджи было настолько ярким и убедительным, настолько он реально показал их подлинное лицо, раскрыл лживую сущность их псевдоидеологии, что постановлением большинства алимов и жителей на этом городском сходе было решено изгнать ваххабитов из Гудермеса. Если бы не активное вмешательство и противодействие Масхадова и его окружения, дело шло к полному выдворению ваххабитов с чеченской территории еще до начала второго вторжения федеральных войск в Чечню.

В те дни рядом с отцом ковался характер будущего преемника и продолжателя дела Ахмат-хаджи, его сына, нынешнего главы республики, Рамзана Кадырова, который уверенно продолжает курс отца.

– Что отличало Ахмат-хаджи от предыдущих временных руководителей-назначенцев, например, Кошмана и других? Сказывалось ли на работе Ахмат-хаджи отсутствие специального технического, экономического или другого образования, которое желательно иметь руководителю, чтобы быть осведомленным в различных вопросах?

– О работе и профессионализме любого руководителя говорят за него результаты его деятельности. Наглядный тому пример – работа нынешнего главы республики Рамзана Ахматовича Кадырова, блестящие результаты его руководства. Мы имеем сегодня один из красивейших городов в России, отличные дороги, самую большую мечеть в Европе, посмотреть и помолиться в которой съезжаются мусульмане со всех регионов и стран. Можно прогуляться по городу в любое время ночи, не беспокоясь. Перечислять можно долго, что сделано...

Видимо, Всевышний и дает это «образование» кому надо. И Ахмат-хаджи был уникальной личностью, универсалом в этом отношении, наделенным Всевышним даром лидера, мудреца. Конечно, без компетентных, преданных соратников одному, даже очень одаренному руководителю, пришлось бы трудно. Надо уметь создавать «команду», быть психологом, чувствовать людей, и это ему удавалось.

– Расскажите немного о людях, окружавших Ахмат-хаджи, их вкладе в его дело, взаимоотношениях, личных качествах.

– Быть в окружении такого руководителя, как Ахмат-хаджи Кадыров, в условиях войны, ежедневной «охоты» за ним – это, как говорится, ежедневно «смотреть смерти в лицо». Много погибло людей из его окружения, особенно родственников. Ведь Ахмат-хаджи, будучи еще муфтием республики, ездил почти без охраны. Я сам видел огромную воронку, когда его попытались в очередной раз взорвать. Тогда погибло четыре человека из его окружения, а он каким-то чудом остался жив, даже не получив серьезной раны.

Одной из ярких личностей в команде Кадырова был Хусейн Исаев, одаренный руководитель, ученый, доктор экономических наук, спортсмен, имевший «черный пояс» по каратэ. У них с Ахмат-хаджи были самые доверительные отношения, и, несмотря на то, что разница в возрасте между ними была не слишком большая, он относился к Хусейну по-отечески, и это было взаимным. Они оба погибли на боевом посту, отдав свои молодые жизни за мир в Чечне (Дала г'азот къобалдойла церан).

В Хусейне была одна отличительная черта характера – он был нетороплив в

выводах, был внимателен к любому оппоненту и вникал в суть дела до конца. И приняв решение по данному вопросу, проводил в жизнь, не отступая и не меняя его. Многие соратники Ахмат-хаджи и сегодня работают, помогая его сыну Рамзану в деле восстановления и развития Чеченской Республики. Если я назову только некоторых, боюсь обидеть других. Ведь многие положили жизни, потеряли близких.

– Как Вы считаете, хотя история и не терпит сослагательного наклонения, останься тот же Кошман или был бы кто другой, какой сегодня была бы республика?

– Трудно загадывать даже в обратном направлении. Но ясно одно, что, будь у нас другой лидер, мы в духовно-нравственном развитии не продвинулись бы так далеко вперед, по сравнению с отдельными регионами России. Можно с уверенностью сказать, что нигде в России так не процветает исламская культура и национальные традиции, как в Чечне. То, что Ахмат-хаджи был из семьи потомственных алимов и встал во главе возрождающегося после долгого засилья коммунистического атеизма и двух войн чеченского народа – это преназначение Божье. Но мы не отстали и в социально-экономическом развитии республики: строятся объекты промышленности, агропромышленные предприятия, горнолыжные базы, газифицированы высокогорные аулы и т.д.

Скажу и о Николае Кошмане, с которым я работал с октября 1999-го года. Он немало сделал для республики в то время. В том, что город Шали не был подвергнут тотальному разрушению в 1999-ом году – в основном, заслуга Кошмана. При нем в короткий срок было восстановлено железнодорожное сообщение «Грозный – Гудермес», он добился призыва чеченской молодежи в железнодорожные войска, но, к сожалению, начинание это быстро свернулось. Я сам сопровождал Кошмана в поездках по разрушенным объектам Грозного. Он, почти без охраны, надев резиновые сапоги, ходил по развалинам Чернореченского водозабора, пытаясь хотя бы временно наладить водоснабжение столицы.

Но Ахмат-хаджи был представителем народа, знал его проблемы и чаяния. Другие кандидаты на пост президента тоже были чеченцами, но никто из них не прошел такой путь рядового вместе со своим народом, через все войны, никто не потерял столько близких на этом пути. Отмечу одно качество его характера, которое редко встретишь в других руководителях, – он всегда брал ответственность на себя, даже и не за свои поступки, если нужно было.

– Исмаил Булачевич, Вы ученый, занимаетесь чеченским фольклором, хорошо знаете наши илли, сказания, легенды. Вызывал ли в Вашем сознании какие-нибудь ассоциации образ Ахмат-хаджи, его поступки?

– Он, как мудрый и честный человек, как истинный ученый-богослов, знал, чувствовал ответственность за народ, за Отчизну, которую возлагает на него этот пост. В нем не было ни малейшего тщеславия. Во всех наших героико-эпических песнях «Илли» в критические для народа времена люди приходят к героям своего края с просьбой возглавить народ, страну на борьбу с внешней или внутренней опасностью, и отказать нельзя этому призыву народа. Лидер не самовыдвигался, народ знал своих героев и ставил их впереди себя, когда над страной нависала опасность. Адин Сурхо, Таймин Бейбулат, Мадин Жаммирза – их много в чеченском фольклоре, а история наша богата борьбой с внутренними и внешними поработителями.

Ахмат-хаджи только после долгих уговоров выставил свою кандидатуру на этот пост. Это символично и ассоциативно.

Чеченский народ, как в старые, добрые и героические времена, выдвинул вождя.

Беседовал Иса ОКАРОВ

День города

Дукуваха Абдурахманов

5 октября в Чеченской Республике масштабно отмечается несколько праздников: 195-летие города Грозного, День учителя, День молодежи. В этом номере публикуем отрывок из книги Д. Абдурахманова о политике, благодаря деятельности которого стало возможным столь стремительное послевоенное восстановление и развитие нашей республики, руководителя, который уже вошел в анналы новейшей истории как человек, возродивший нашу любимую столицу.

Человек и эпоха: Рамзан Кадыров

Отрывки из книги

В истории человечества иногда появляются люди, которым Всевышний дает уникальный шанс решать судьбы своего народа, определять вектор его развития на многие столетия вперед. Одни из них ввергают свои государства в длительные войны с соседними странами, создавая великие империи и растворяя в них свои народы, другие неумелым правлением и расточительством приносят своей земле нищету и разорение. И только немногие из них своим бескорыстным служением и жертвенностью приводят свой народ к благоденствию и процветанию. Именно к ним относится Рамзан Кадыров, который из руин и пепла за удивительно короткое время погасил пожар войны, воздвиг города и села и вселил надежду в сердца людей.

Благодаря героическим усилиям Первого Президента Чеченской Республики Ахмат-хаджи Кадырова, чеченский народ увидел свет в конце тоннеля, но путь к нему казался еще очень долгим и тернистым. Возможно, этот путь к миру и был бы таким долгим и мучительным, если бы Всевышний снова не проявил Милость к чеченскому народу и на политической арене не появилась еще одна яркая, выдающаяся личность, наделенная такими же качествами истинного лидера, какими обладал его отец.

Именно эта преемственность в стремлении к достойной цели, в силе духа, в безграничной любви к своему народу и готовности пожертвовать собой ради его благополучия и обеспечила Рамзану Кадырову грандиозные успехи в возрождении республики и всеобщее признание.

Созидательное начало проявилось с первых же шагов его в должности Председателя Правительства ЧР. Молодой и энергичный политик, хозяйственник превратил всю республику в большую строительную площадку. «Нет следам войны!» – этот лозунг с большим скепсисом воспринимали многие политики, полагавшие, что на восстановление республики уйдут десятилетия.

Однако шаг за шагом, поражая воображение даже самых ярких оптимистов, Рамзан Кадыров в невероятно короткие сроки менял облик городов и сел лежащей в руинах Чечни. Не дожидаясь финансирования восстановительных программ, изыскивая всеми возможными путями необходимые средства, беря на себя огромную персональную ответственность, он поднимал полуразрушенную республику и стал всенародным любимцем.

Российское руководство выразило доверие чеченскому лидеру, признав в нем сильного, волевого политика и государственного деятеля с большим будущим.

Россия получила самого молодого и энергичного регионального руководителя, решительно нацеленного на возрождение республики и укрепление ее позиций в ряду других субъектов Российской Федерации.

Одно из главных достижений Рамзана Кадырова – это доверие, которое он обеспечил по отношению к себе и со стороны народа, и со стороны федерального центра. Очень важно, что это доверие распространилось и на тех людей, которые обманным путем и различными обещаниями оказались вовлеченными в ряды экстремистов, а сегодня вернулись к мирной жизни. Налицо – всеобщая поддержка жителей республики, оказываемая своему лидеру.

Это отчетливо видно в ходе многочисленных встреч Рамзана Ахматовича с общественностью. И это действительно уникальное явление, когда народ и его лидер столь уважительно относятся друг к другу.

Внешнеполитическая деятельность Рамзана Кадырова особо подчеркивает его феномен, его авторитет политика. Дипломатический прорыв, осуществленный им в ближневосточном направлении, с одной стороны, говорит о блестящих способностях чеченского лидера как дипломата, с другой стороны, это знак особого доверия, оказываемого руководителю субъекта политическим руководством страны.

В самой же республике его авторитет беспрецедентен, ибо не имеют прецедента его дела, его успехи как неутомимого хозяйственника и дальновидного политика.

У чеченцев не принято демонстрировать свои чувства, но здесь, как говорится, особый случай – к Главе Чеченской Республики и стар, и млад, люди самых разных взглядов и убеждений относятся с благоговением и не скрывают своих эмоций. Поражает и восхищает, помимо всего прочего, его удивительное трудолюбие. В течение одного дня, вернее суток, он может оказаться в самых разных уголках республики, принять участие в открытии очередного завершенного объекта, провести встречу с активом района, ознакомиться с проблемами того или иного села, подбодрить и обрадовать своим посещением и подарками детей-инвалидов.

Ему удалось больше, чем это в принципе было возможно: республика восстановлена, в ней прочно утвердилась мирная жизнь, а по некоторым показателям регион вырвался вперед относительно других субъектов России. Строительство в республике поражает своими темпами и размахом.

В Чечне куда лучше обстоят дела с правопорядком, чем в иных регионах, что не раз отмечалось руководством страны. На фоне очевидных тенденций к бездуховности в современном мире в чеченском обществе активно идет процесс духовно-нравственного возрождения и укрепления национальных и общечеловеческих ценностей.

Рамзан Кадыров – еще один пример того, что роль личности в истории может быть безгранично большой, определяющей. Он изменил мир вокруг себя, и это коснулось не только Чеченской Республики. Прочное закрепление Чечни в конституционном пространстве России – это благо не только для чеченского народа, но и для всех народов Северного Кавказа и для России в целом.

И может быть, именно в таких региональных лидерах, решительных, энергичных, упорно добивающихся своих целей, Россия сегодня нуждается как никогда, ведь сильные и процветающие регионы – это сильное и процветающее государство.

О Рамзана Кадырове можно говорить много. Без усталости. Достаточно просто мысленно окинуть взглядом происходящее вокруг, чтобы осознать глубину и силу этой личности, чтобы вновь поражаться его деяниям, его неукротимой энергии, его благородной поступи по истерзанной чеченской земле.

Глава Чеченской Республики Рамзан Ахматович Кадыров никого не оставляет равнодушным – ни друзей, ни врагов. Ни в России, ни в мире в целом не было такого прецедента, когда человек за такое короткое время достигал

подобных высот в политической жизни своей страны. Более того, завоевав однозначно лидерство в родной республике, он входит сегодня в число ведущих политических и государственных деятелей Российской Федерации, опередив многих известных и знаковых фигур отечественного истеблишмента.

Рамзан Кадыров обладает харизмой, но это феномен, за которым стоят вполне осязаемые, конкретные и внушительные дела. За последние несколько лет республика неузнаваемо преобразилась. Гудермес без следов войны, восставший из руин и пепла Грозный, помолодевший и похорошевший Аргун, десятки вновь действующих промышленных объектов и производств, уверенно набирающий силу АПК, строительство и ремонт дорог, мостов, больниц, школ, дворцов культуры, библиотек, театров, музеев, успешно функционирующие вузы и сузуы, газификация и электрификация самых отдаленных горных районов, своевременная выплата пенсий и пособий, создание новых рабочих мест – все это сделано за необычайно короткий срок.

Ахмат-хаджи Кадыров, Первый Президент Чеченской Республики, отец Рамзана Кадырова, часто повторял: «Моя цель – не остановить войну, а покончить с ней раз и навсегда». Это были не просто красивые слова. Всей своей нелегкой жизнью и трагической смертью он утверждал на нашей многострадальной земле Мир. История знает немало примеров побед. Но это были победы в войнах. Ахмат-хаджи по праву считается человеком, победившим войну. К сожалению, он не успел увидеть плоды этой победы. Взяв эстафету из рук своего отца, Рамзан Ахматович успешно завершил процесс мирного строительства в нашей республике. К 2005 году военные действия на территории Чеченской Республики фактически прекратились. Остатки бандформирований и международных террористов, прячущиеся в горах, уже не представляют собой дееспособные воинские подразделения, которые могли бы повлиять на расстановку сил в Чечне и на Северном Кавказе.

Заслуги Рамзана Ахматовича Кадырова в военной области достойны специального исследования. Ему удалось сделать то, что не удавалось в свое время сделать ни советским генералам и полковникам, ни ичкерийским бригадным и дивизионным генералам. А именно – создать мобильные, хорошо оснащенные и дисциплинированные боевые отряды, которым по плечу выполнение любых поставленных перед ними задач. Более того, он решительно пресек отдельные поползновения среди военных на анархию и опричнину. Рамзан Кадыров осуществлял военное строительство совместно с руководством МВД РФ исключительно в рамках права и законности. Успешное несение воинской службы в Ливане бойцами из батальона «Юг», одного из его детищ, – наглядное свидетельство того, что мы имеем дело с настоящим полководческим талантом чеченского лидера.

С того момента, как Рамзан Ахматович Кадыров возглавил Чеченскую Республику, в обществе наметился большой духовный подъем. У людей впервые за последние годы появилась уверенность в завтрашнем дне. Народ почувствовал в лице Рамзана Кадырова сильного и решительного лидера. Чеченская Республика видела всяких руководителей, только таких, как Кадыровы, не было никогда – волевых, целеустремленных, принципиальных и в то же время искренних и душой болеющих за народ. Не на словах, а на деле. Глубокие познания в теологии, богатый жизненный опыт и большой авторитет среди простых людей Ахмат-хаджи, помноженные на энергию, молодой задор и пытливый ум Рамзана, образовали тот могучий сплав, о который вдребезги разбивались все невзгоды, свалившиеся за последние 10-15 лет на чеченский народ. Произошло то, что является величайшей редкостью во всей мировой практике – люди поверили власти, начали поддерживать ее и укреплять, ибо только так можно было противостоять безвластию, анархии и беззаконию, которые вконец обескровили нашу республику. Ахмат-хаджи создавал по крупицам не единовластие, а заложил мощный фундамент под институт народовластия, когда каждый гражданин почувствовал заботу и внимание к себе со стороны руководства.

Власть, обращенная к народу, есть неперемное условие зарождения гражданского общества, в котором «человек с ружьем» не выступает в роли вершителя судеб, а строго следует в русле своих прямых обязанностей, т.е. стоит на страже соблюдения законов и на защите интересов простых смертных.

Под руководством Рамзана Ахматовича Кадырова республика уверенно движется по пути возрождения и мирного строительства. Чеченцы на практике показали, что умеют не только хорошо воевать, но и созидать. На наших глазах разрушается, трещит по всем швам имидж чеченца-бандита, чеченца-сепаратиста не только в Российской Федерации, но и во всем мире. Правда и объективность в чеченском вопросе, за которые всегда выступал Ахмат-хаджи, постепенно овладевают умами и душами тысяч людей.

Сегодня в республике полноценно функционируют все ветви власти. Слаженно работает правительство. Большую законотворческую деятельность осуществляет Парламент ЧР. Уверенно набирает темпы судебная-правовая система. Самое главное, несмотря на трудности, успешно решаются социально-экономические проблемы.

С полным основанием можно сказать, что Чечня завершила процесс вхождения в конституционное поле России и навсегда определилась со своим историческим будущим. Величайшая заслуга Кадыровых состоит в том, что они сумели встать над многовековыми заблуждениями чеченцев, которые под воздействием воинственно настроенных вождей полагали, что путь к свободе и независимости для них лежит через вооруженную борьбу и противостояние с Российским государством. Кадыровы на практике доказали, что все обстоит наоборот.

В союзе с Россией, в едином политическом, социально-экономическом и культурном пространстве с ней чеченский народ может рассчитывать на достойное место под солнцем. Для этого нужно было иметь не только политическую мудрость, дальновидность и холодный прагматический расчет, но большое личное мужество и железную волю. Единая Россия и мирная Чечня – политическая формула, выведенная В.В. Путиным и А.А. Кадыровым, которые на рубеже третьего тысячелетия фактически спасли Российское государство от возможного распада, постигшего некогда могучий Советский Союз.

Рамзан Кадыров построил мощный социально-экономический фундамент под эту формулу, делая ее незыблемой.

Рамзан Ахматович Кадыров – сильная, незаурядная личность, динамичная, разносторонняя и интересная. Отличный семьянин, заботливый сын, верный друг, щедрый и жизнерадостный человек. Ценит юмор, увлекается спортом, всячески поддерживает культуру и искусство, находит время для научной деятельности, занимается благотворительностью... Все это удивительным образом сочетается у него с требовательностью, строгостью и принципиальностью. Порой он резок и категоричен. Но отходчив. Если был в чем-то не прав, не постесняется признать свою ошибку и исправить ее. Всегда стремится поступать по справедливости. Истинно верующий. Соблюдает неукоснительно все предписания ислама. Готов первым протянуть руку оппоненту. Но не прощает лицемерие и предательство. Во всем идет до конца. Не признает половинчатых решений, полунамеков и интриг. Прямой. Открытый. Доступный. Порой его сравнивают с вулканом, лавиной. Работает, не жалея ни времени, ни сил. Не приемлет кабинетный стиль руководства. Всегда с людьми, всегда в гуще событий.

С таким руководителем, политиком от Всевышнего, Чеченскую Республику ждет великое будущее.

Адиз Кусаев

Баллада о Заводском районе

Отрывок из поэмы

Район рабочий – Заводской...
Сейчас представить сложно,
Как тут бурлил поток людской,
Дышали трубы мощно.

И удивляя день-деньской
Всех к созиданью тягой,
Стоял на вахте Заводской
Район, как работага.

Звала дороги полоса
В сиянье остановок,
Стояли всюду корпуса
В сплетеньях установок.

И там – завод. И – вон. И – вон...
Слагай любому оду –
Работал Заводской район,
Мужая год от года.

И было множество забот,
Но в слаженном порыве
Работы ни один завод
Не знал тут сбоя, срыва.

Делами славя город мой,
И гордый этим очень,
Всегда на вахте Заводской
Район стоял рабочий.

Профессий, было, всех не счесть
И славных достижений.
Рабочую ценил он честь
И мудрость постижений.

Ухожен был он в меру сил –
Цветы, аллеи, стяги,
И с гордостью всегда носил
Спецовку работаги.

Былой район рабочий наш
Я вспоминаю ныне,
Как фантастический пейзаж,
Явившийся в пустыне.

Он обеднил вид городской,
В пучине пав военной,
Район рабочий Заводской,
Что вахту нес бесменно.

Юбилей**Абузар Айдамиров**

В октябре этого года в Чеченской Республике отмечают восьмидесятилетие со дня рождения патриарха и классика чеченской литературы Абузара Айдамирова. Хотя, по рассказам самого Айдамирова (об этом он пишет и в своем биографическом очерке, который мы приводим ниже), точной датой его рождения является год 1929-ый.

Абузар Айдамиров является одним из первых чеченских прозаиков и поэтов, обратившихся в своих произведениях к духовному и историческому прошлому своего народа. Его монументальный литературный труд – трилогия исторических романов «Долгие ночи», «Молния в горах» и «Буря», повести «Калужский пленник», «Один день судьбы», «Сердце матери», «Подвиги Геросолты», научно-историческое исследование «Хронология истории Чечено-Ингушетии», а также многие рассказы и стихи – заслуженно закрепил за ним

неофициальное звание летописца истории чеченского народа.

К юбилею великого писателя мы начинаем публикацию автобиографического очерка «Дороги моей жизни» – уникального документа истории и эпохи, который впервые на страницах журнала «Вайнах» выходит в свет.

Дороги моей жизни

Автобиографический очерк

В 1944 году, когда нас ставили на учет в спецкомендатуру в Казахстане, без всякого спроса, годом моего рождения записали 1933-й. Эту дату впоследствии внесли и в паспорт.

Фактически я родился осенью 1929 года. Был хилым, болезненным ребенком, даже родители потеряли надежду, что я останусь живым. А я выжил, дожил до 70 лет.

Родился я в с. Мескеты Ножай-Юртовского района ЧИАССР в крестьянской семье. Отец мой, Айдамиров Абдулхаким, 1877-го года рождения. Мать Айдамирова Яхарг, уроженка с. Галайты Ножай-Юртовского района, из нашхоевского тайпа.

Дед по отцу, Айдамир-хаджи, сын Баки и его брат Баталш-хаджи, а также и дед по матери Абкар-хаджи дважды совершили паломничество в Мекку. Дед по отцу умер задолго до моего рождения, а дед по матери умер в 1942 году.

Отец мой был арабистом и поэтом-назманчи. Сам сочинял назмы на чеченском и арабском языках и сам исполнял замечательным голосом. Многие суры из Корана он знал наизусть.

После подавления крестьянского восстания в Восточной Чечне в марте 1932 года начались репрессии, и в феврале 1933 года моего отца арестовали, осудили на восемь лет по 58 статье УК СССР. На самом деле он не принимал никакого участия в этом восстании.

Арестовали, осудили его по тайному доносу как образованного арабиста. Он отбыл срок в Мурманской области, вернулся домой 5 марта 1941 года, застал мою мать на смертном одре, она скончалась 8 марта 1941 года, на третий день возвращения отца. В последние минуты жизни матери из комнаты вышли все

родственники, оставив отца с ней одного. Я заглянул в окно. Отец сидел у изголовья умирающей матери. Так, в моей памяти, в первый и в последний раз увидел отца и мать вместе. После нескольких минут она скончалась. Тогда мне было одиннадцать лет.

Первый год после смерти матери я жил у брата. Брат служил в так называемой трудовой армии. По истечении года после смерти матери отца женили. Да смилостивится над ней Аллах, она была злой женщиной и обращалась со мною очень жестоко, но я никому этого не говорил.

В школу я пошел в шестилетнем возрасте. Окончил семилетку в 1943 году. Осенью 1943 года в наше село приехал отряд НКВД. Его штаб разместили в нашем соседстве. Начальник отряда несколько раз вызывал отца в штаб, расспрашивал о его прошлом. Братья отца уговорили его уехать из села, пока не уйдет отряд.

Мы с отцом, мачехой на зиму переехали в с. Гансолчу к двоюродному брату отца по материнской линии. Оттуда нас увезли 23 февраля 1944 года. В день выселения отец лежал тяжело больным.

Нас привезли в поселок Садовый (его называли еще поселок №30) Акмолинского района Акмолинской области Казахской ССР. Там, в колхозе «Сталинская Конституция», все трое работали в крупном огородном хозяйстве. В 1945 году одновременно тяжело заболели отец и мачеха, их положили в поселковую больницу.

Отец поправился, а мачеха полтора года лежала дома, прикованная к постели. От этой дородной женщины остались кожа да кости.

Я ухаживал за ней как за родной матерью, кормил от руки, купал, причесывал. Даже во время таких процедур она проклинала меня всевозможными проклятиями. Потом она умерла. Была у меня и вторая мачеха, добрая. Но когда мы с отцом уехали из Казахстана в Киргизию, она не захотела поехать, осталась там с родственниками.

Первые годы выселения мы не знали о судьбе своих родных.

В 1946 году мы узнали, где они. Узнали, что старший брат Абуезид (Канти) и младшая сестра Белижа в 1944-45 гг. умерли в Куршабском районе Омской области. Старшая сестра Маржан находилась в Лейлякском районе Омской области. Там умерли и два брата отца. Один брат отца и мой брат Абу находились в Караванском районе Джалал-Абадской области.

В июле 1948 года Абу добился для нас разрешения переехать к нему в Киргизию. В то время отец болел. Уроженец из Шовхал-Берды Ножай-Юртовского района Бадагов Али дал нам денег на дорогу, т.е. на билеты. В дорогу мы подготовили жареную пшеничную муку. На самолете долетели до Ташкента, отсюда на поезде приехали до Намангана. Из Намангана до Каравана 70 км дороги мы прошли пешком за три дня. Это были ужасные дни. Эпизоды этих лет я включил в повесть «Кхолламан цхья де» («Один день судьбы»). – Ред.), в которой отец и я проходим под разными именами – Абдул-Азим и Берса, Мата и Мансур...

От последней болезни отец не оправился. Он умер 14 апреля 1949 года в с. Успенковка Караванского района Джалал-Абадской области Киргизской ССР.

В первый год я работал здесь прицепщиком на тракторе, затем учетчиком в полеводческой бригаде. Я хотел учиться. Сделал попытку поступить в восьмой класс Караванской средней школы, но не приняли, поскольку у меня не было свидетельства об окончании семилетки. Оно осталось в Мескетах.

Работая учетчиком, я в 1940-й год пошел учиться в 7 класс русской школы. Тогда мне было почти 20 лет. Я сидел за партой с 14-летними ребятами. До обеда находился на занятиях, после обеда с саженом уходил на поле. Из всех предметов я хорошо знал литературу, историю и географию. По другим предметам учился с натяжкой на тройку. Директор школы заметил мою любовь

к художественной литературе, и после окончания школы назначил меня школьным библиотекарем.

Главный бухгалтер колхоза, татарин, знал меня как дисциплинированного, аккуратного учетчика, уговорил меня перейти на работу в бухгалтерию в качестве счетовода по труду. Через два года я стал его заместителем. Но я хотел учиться. Получить среднее образование, поступить в пединститут, в крайнем случае, окончить педучилище. Единственная моя мечта бала профессия учителя. Чтобы получить среднее образование, в 1952 году я поступил на заочное бухгалтерское отделение Бишкекского сельхозтехникума (г. Фрунзе).

Я окончил пять курсов, но не поехал на госэкзамены, в связи с возвращением на родину. На аттестат зрелости экзамены я сдал экстерном в г. Сулукте. До того я заочно окончил 15-месячные курсы колхозных бухгалтеров в г. Оше.

Как все переселенцы, я сильно переживал наше изгнание с Родины. Наверно, эти чувства у меня были намного сильнее. Меня не покидали горькие думы о судьбе нашего народа. Мне представлялось, что он заключен в огромную тюрьму в степях Казахстана и горах Киргизии под бдительным надзором спешкомендатуры.

В первые годы мы дважды в месяц отмечались в спецкомендатуре, нам запрещалось выезжать с постоянного местожительства без разрешения коменданта. Народ без родины, без письменности, истории, культуры. Все это было у чеченского народа, но через лет 50-100 не будет чеченского народа. Он ассимилируется, забудет свою историю, язык, культуру, обычаи и традиции. Как самобытный народ он исчезнет с лица земли.

Местное население: русские, казаки, киргизы, узбеки и другие – относились к нам доброжелательно, оказывали посильную помощь. Плохих народов нет и не может быть. Но у всякого народа бывают подонки, отщепенцы. Таковых встречали и здесь, особенно среди руководителей партийно-советских, административных и хозяйственных органов. Они бесстыдно обзывали нас «изменниками», «предателями», «фашистами», «бандитами» и т.д. Мои сверстники были равнодушны к таким ярлыкам, но мне они наносили глубокие раны в самое сердце.

В июле 1952 года я написал первое письмо в Москву на имя председателя Президиума СП СССР Шверника Н.М., затем – председателя Правления СП СССР Фадеева А.А. Я просил издать учебники чеченского языка, произведения чеченских писателей, в местах проживания чеченцев в школах ввести преподавание чеченского языка. В Алма-Ате, Фрунзе издавать газеты на чеченском языке, организовать радиопередачи, чеченский театр, ансамбль песни и пляски. При Союзе писателей Казахстана или Киргизии создать отделение чеченских писателей и так далее...

По своей наивности я верил, что они не только ответят на мои письма, но и удовлетворят мои просьбы. Разумеется, они даже не ответили.

Затем я написал письмо заведующему народного образования Грозненской области с просьбой выслать мне книги на чеченском языке. Ответили, что таковых у них нет. Я начал поиски книг, в которых написано о чеченцах. В парткабинете Караванского РК ВКП(б) в томах Большой Советской энциклопедии (1937 г., т. 30) нашел статьи о Чеченской АО, о чеченцах, о Шамиле. Я тайком вырвал эти страницы, стащил журнал «Большевик», №13 за 1950 г. со статьей М.В. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля». Они сохранились у меня до сих пор.

Однажды в 1954 году в книжном магазине райцентра я нашел сборник стихов Р. Гамзатова «Год моего рождения», в котором прочитал стихотворение «Имам». Оно переполнило чашу моего терпения. Я начал серьезно изучать историю чеченского народа и Кавказа. Разумеется, в силу моих возможностей. Но в какой литературе написано об истории чеченского народа? Где достать ее? Я писал письма в Тбилиси, Орджоникидзе, Махачкалу. Но откуда я ничего не получил. Я написал в Институт истории АН СССР и в редакцию журнала «Вопросы истории». Институт прислал мне список некоторой литературы, в

которой написано о чеченцах, а редакция «Вопросов истории» – три журнала, в которых были опубликованы статьи, извращающие борьбу кавказских горцев против царизма в XIX веке. В частности, в журнале №9 1950 года была статья А. Даниялова «Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля», в №10 – статья Н. Смирнова «Шейх Мансур и его турецкие вдохновители».

В 1955 году в районном книжном магазине нашел интересную книгу «Кавказский этнографический сборник», выпуск 1, в которой перечислено огромное число литературы по истории чеченского народа. Я узнал, что эта литература хранится в Государственной библиотеке СССР им. Ленина. Я написал туда письмо, мне ответили, что они за плату высылают копии. Так я получил машинописные копии и микрофильмы А. Берже «Чечня и чеченцы», Г. Властова «Война в Большой Чечне», М. Острогорского «Завоевание Кавказа», М. Ольшевского «Кавказ с 1841 по 1866 год», С. Беляева «10 месяцев в плену у чеченцев», И. Клингера «Два с половиной года в плену у чеченцев», А.П. Свистунова «Очерк восстания горцев Терской области в 1877 г.». Из Тбилиси – сборник документов «Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов».

Из книги Ш.В. Мегрелидзе «Грузия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.», полученной из Тбилиси, впервые я узнал о переселении чеченцев в Турцию в 1865 г. Автор написал несколько строк об обстреле турками из пушек возвращавшихся на родину чеченцев, переселенных в Турцию в 1865 году. При этом сделал ссылку на архивные документы: ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть, оп. 9, д. 14, л. 8–10: «Капитан Зеленый о переселении чеченцев. 28.XII. 1865 г.»

Я начал собирать материалы по этому вопросу, мне стоило огромного труда, чтобы получить копии документов из этого архива, о переселении чеченцев в Турцию в 1865 году.

Заработки мои и моей жены Мухажар в колхозе до последней копейки уходили на эти приобретения...

В извращении исторической правды о борьбе кавказских горцев против царских колонизаторов больше всех старались М. Багиров, А. Даниялов, Н. Смирнов и Ю.Б. Колосов.

Больше всех меня ошарашила статья А. Даниялова:

«Потерпев поражение при Ахульго, – писал он, – в штурме которого вместе с русскими войсками участвовало более 3 тыс. дагестанцев, Шамиль резко изменил ориентацию и стал опираться в дальнейшем уже не на дагестанцев, а в основном на чеченцев. Вместе со своим наибом Ахвердил-Магома Шамиль ушел в Чечню.

Чеченцы называли себя аристократами, господами гор, дагестанцев они считали «мужиками». Шамиль потакал чеченцам в их неприязни к дагестанцам. Поселившись в Чечне, он в 1939 году приказал своим наибам: «Дагестанцев, проникающих в Чечню, обирайте. Если они люди ученые, лишайте их жизни. У пришедших за кукурузой – отбирайте коней...» Шамиль потерял остатки своего влияния в Дагестане и стал опираться уже исключительно на разбойничью аристократию Чечни». (А. Даниялов. Об извращениях в освещении мюридизма и движения Шамиля. «Вопросы истории», 1950 г., №9, стр.10-11).

Своего соплеменника, областного партийного босса, поэтическим словом поддержал поэт Р. Гамзатов:

Что он охранял? Ярмо непосильного гнета,
Черный занавес лжи, унижение, и голод, и страх.
Для посевов – пожары, бесправье и тьму – для народа,
Для змеиных притонов – гнездовья в чеченских лесах,

Так закончил имам двадцатилетие обмана.
И сдыхать он не вернулся уже в Дагестан.
Труп чеченского волка, ингушского змея – имама –
Англичане зарыли в песчаный арабский курган...

(Р. Гамзатов. Год моего рождения. Москва, 1954 г.)

В период культа личности Сталина в работах некоторых историков национально-освободительное движение кавказских горцев в XVIII-XIX вв., даже вопреки оценкам классиков марксизма-ленинизма и исторической правде, объявили «религиозным», «реакционным», «антирусским», «инспирированным враждебными России иностранными державами». Народы же, которые десятилетиями самоотверженно боролись против царизма за свои социальные и национальные права, огульно объявлялись пассивной силой, беспомощной толпой, которая слепо следовала за горской феодально-клерикальной верхушкой, движимой реакционными идеями мюридизма. А руководителей этих движений объявляли «врагами России», «агентами и ставленниками» иностранных держав.

Фальсификации подвергли тогда не только дореволюционное прошлое чеченского народа, но и участие его в революционном движении, его героическую борьбу за власть Советов в годы Гражданской войны на Северном Кавказе и в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Некоторые историки северокавказского региона доходили до таких абсурдных утверждений о том, что чеченцы якобы не участвовали в революционном движении, враждовали с русским народом, являлись помехой для установления дружбы народов и носителями межнациональной вражды на Северном Кавказе, объективно помогали контрреволюции в 1918-1920 гг. Негласно, но упорно распространяли клеветнические измышления о том, что якобы чеченцы в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. изменили социалистической Родине, оказывали помощь фашистским захватчикам и т.д.

Эта фальсификаторская концепция преследовала одну цель – исторически, политически и идеологически обосновать и оправдать в глазах народов СССР и мирового общественности депортацию чеченского народа в феврале 1944 года. В своих суждениях и выводах некоторые историки противопоставляли чеченцев всем другим народам Кавказа как носителей всевозможных «антирусских», «религиозных» и прочих реакционных идей (А.В. Фадеев, А.Л. Даниялов, С.К. Бушуев, Я.Б. Колосов, Р.Г. Гамзатов и другие).

Чтобы не быть голословным, приведу три примера:

«Участие в общей борьбе против реакционного мюридизма сближало народы Кавказа между собой и с русским народом. Наряду с осетинской и кабардинской «милицией», вместе с грузинскими, азербайджанскими, армянскими добровольцами, абхазским ополчением в рядах русской армии действовали и отряды дагестанских горцев... Все народы Кавказа внесли свой вклад в дело разгрома реакционного мюридизма, оказав тем самым большую поддержку вооруженным силам России в ходе Кавказской войны. (А.В. Фадеев. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XII в. «Вопросы истории», 1955 г., №6, стр.77).

Видите ли, на борьбу с мюридизмом вместе с русскими поднялись все народы Кавказа, кроме чеченцев, т.е. чеченский народ был приверженцем и защитником «реакционного мюридизма». По утверждению С.К. Бушуева и Ю.Б. Колосова, когда в 1877 году началась русско-турецкая война, все народы Кавказа вместе с русским народом поднялись против турок, а чеченцы подняли «антирусское восстание»: «Победа над англо-турецкими агрессорами и их пособниками-мюридами была завоевана великим русским народом вместе со всеми народами Кавказа – грузинами, армянами, азербайджанцами, осетинами, кабардинцами, горцами Дагестана, Черкесии, Адыгеи, не принадлежавшими

к мюридам». (С.К. Бушуев. О кавказском мюридизме. «Вопросы истории», 1956г., № 12, стр.78).

«Очагом антирусского восстания явилась здесь Чечня... С самого начала восстания в Чечне остальное нерусское население Терской области (осетины, кабардинцы, кумыки) заняло определенно враждебную позицию по отношению к движению и оказывало большую помощь русским войскам в подавлении восстания... В ликвидации восстания активное участие принимали дружины и части милиции, укомплектованные дагестанцами. В составе Нагорного Дагестанского отряда, направленного на подавление восстания в Чечне, находилось до двух тысяч дагестанцев». (Ю.В. Колосов. Восстание на Северо-Восточном Кавказе в 1477 году и его характер. Автореферат. Москва, 1955 г., стр.14,16).

А ведь в русско-турецкой войне на стороне русских воевал Чеченский полк, который за боевые подвиги был награжден Императорским штандартом!

И вот я, 26-летний бесправный спецпереселенец, заочник бухгалтерского отделения сельхозтехникума, фактически без образования и жизненного опыта, не имея доступа к архивам, Госбиблиотеке СССР, не с кем посоветоваться, по своей наивности твердо решил восстановить историческую правду о чеченском народе, защищать его попорченную национальную честь и достоинство, его человеческие права, голыми руками вступить в схватку с мощной, коварной машиной коммунистической идеологии. Этим решением я сознательно взвалил на свои слабые, хилые плечи колоссальную, тяжелую ношу, которую также сознательно влачил десятки лет, это стоило мне тысяч бессонных ночей, обрек себя на пожизненное физическое, моральное страдание и бедность.

В 1955 году я написал статью от руки в ученической тетради в клетку «О борьбе кавказских горцев против царских колонизаторов в XIX в.», направил ее в редакцию журнала «Вопросы истории». Вскоре мне вернули тетрадку с сопроводительным письмом, разумеется, с отказом напечатать. Я доработал статью, теперь, отпечатав на пишущей машинке, направил ее в журналы «Вопросы истории», «Вопросы философии», «Коммунист», «Преподавание истории в школе», «Советская этнография».

Все отказались напечатать ее. Вот характерный ответ журнала «Преподавание истории в школе»: «Ваша статья «О борьбе кавказских горцев...» не может быть помещена в журнале, так как в ней, несмотря на ряд правильных положений и выводов, вопрос о движении горцев под руководством Шамиля освещен недостаточно обстоятельно и глубоко... Совершенно обойден вопрос о значении присоединения Кавказа к России... Нет и оценки мюридизма и газавата; указания о том, что они были неизбежны, не дает права говорить, что они были сами по себе положительными явлениями...» и т.д.

Но я не думал отступать от своих идей и принципов. Я снова поработал над статьей. Машинистка районной МТС отказалась мне отпечатать ее. Вероятно, районные органы НКВД пронюхали о моей деятельности, запретили ей печатать мои рукописи, я купил себе портативную пишущую машинку. Уже в третий раз предложил статью журналу «Вопросы истории». Это было в марте 1957 года. Уже после возвращения на родину, в октябре 1957 года, наконец, я получил обнадеживающий ответ:

«Уважаемый тов. Айдамиров!

В ответ на Ваше письмо сообщаем, что Вашу статью о характере движения кавказских горцев в XIX веке, в связи с окончанием в журнале дискуссии по этому вопросу, мы не можем опубликовать в целом. Однако в одном из

ближайших номеров журнала будет напечатана итоговая статья по этой дискуссии, в которой частично использован и материал Вашей статьи.

Зав.отделом истории СССР
досоветского периода

М.Е. Соловьев).

В дальнейшем я потерял связи с журналом. Может быть, он сдержал слово, но я не получил номер журнала с этой статьей, возможно, ее вовсе не печатали.

Статья эта 38 лет пролежала в моем архиве, напечатала ее газета «Республика» в июле-августе 1994 г.

Я с детства любил читать художественную литературу. Читал и перечитывал все художественные произведения чеченских поэтов. Из них в моей памяти остался сборник стихов Арби Мамакаева «Теркан тулгеш» с волнами синего Терека на обложке. Почти наизусть знал поэму «Аслагла и Селехьат». Из русских писателей читал и перечитывал переведенные на чеченский язык «Хаджи-Мурата» Л. Толстого, стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей» Н. Островского, «Мать» М. Горького, «Мюнхгаузена», сказки братьев Гримм. У меня с детства было две мечты: работать учителем и стать писателем.

Огромное влияние на меня оказал грузинский писатель XIX в. Александр Казбеги. В середине 50-х годов ко мне попали его произведения в двух томах. Этот великий писатель-интернационалист подтолкнул меня к литературному творчеству.

После ряда неудач опубликовать статью о национально-освободительной борьбе чеченского народа против царских колонизаторов я решил описать эти события художественными средствами. В 1956 году я написал свой первый рассказ «Кьонахалла» («Мужество») – первый кирпич моих будущих исторических романов. В основу рассказа я заложил трагедию Али и Мусхи, которую я услышал от стариков. Их судьбы я связал с борьбой чеченского народа за свою свободу и независимость. Рассказ я послал в редакцию газеты «Кьинхьегаман байракх» («Знамя труда») в Алма-Ате, которая начала выходить там после XX съезда КПСС. Но газета отказалась напечатать его по понятным причинам:

«Кьонахалла» цле йолуш ахь яздина дийцар оха лерана дийшира. Кобртачу декъана и дийцар вон дац. И дийцар дешча, гуш ду исбаьхьаллин произведенеш язъан хьайн некъ ахь тесна бита мегарг цахилар, яздарца говзалла лакхаяккхарехъа, мало ца еш, къахьега дезаш хилар. Вайна ма-хьара, вай тахана Киргизеххый, Казахстанеххый дехаш ду, цундела и тайпа чулацам болуш яздина дийцар цкъачунна газета тле ца тухуш сацадар бакъахъа хетта тхуна.

Литобъединенин
секретарь

З. Джамалханов

22 август 1956 г.».

В то время в редакции газеты работал поэт Магомед-Салих Гадаев, уроженец с. Чурч-Ирзу, из нашего района. Когда я заочно учился на курсах колхозных бухгалтеров в г. Оше, я один раз встретился с ним. Наша беседа продолжалась около часа, но мы прониклись друг к другу глубокой симпатией. Это по его предложению я направил в газету рассказ «Кьонахалла», поэму «Суртана хьалха», стихи «Ненан мотт», «Лермонтовн безамна». Потом я получил от Гадаева два письма:

«К сожалению, я не сумею дать тебе обстоятельного ответа: во-первых, я не историк, а во-вторых, не располагаю временем. Скажу прямо тебе и без преувеличения, что твои письма меня обрадовали до глубины души. Радостно видеть, что нашелся хоть один молодой человек, который решил посвятить часы досуга науке. А у нас почти не было и нет интересующихся науками.

Ты очень удачно подметил, что политическая сущность освободительной борьбы народов Северного Кавказа нельзя определить тем, что ее различные «водители» имели или не имели какие-то связи с другими государствами. Что бы там ни думали или ни делали Шамиль и деятели мюридизма, наш народ боролся за свою свободу, против колонизаторской политики русского царя.

Ты молодец, Абузар: все правильно подметил, правильно растолковал. Продолжай в том же духе!

Твой Магомед-Салих. 11 мая 1956 г.»

«Ненан мотт» литаглонна тлетоха ойла хилла хьавьзира тхо деррига. Амма иза хазза кхачам болуш ца хийти. Лермонтовн хьокьехь ерг юкбаяккхира оха, иза а ледара хийти. Цундела хлинца арайолуш йолчу литаглонна тле ца тухуш йиси уьш. Хьайн стихаш ледара хиларх, цец ма валалахь. Дла ма-воллалу, дика стихаш язлуш ца хуьлу.

Ткъа хьан исторически рассказана члогла реза бу кхузарнаш. Амма кху сохьта хлюьтина йолу положени бахьана долуш, газете ца доккхуш сацийна ду иза. Вай ца глахь, цигахь арадоккхур ду вай иза, ткъа, кхузахь дисар нислахь, и хьан исторически очеркаш книга а йина, арахоьцур ю вай. Не отчаивайся!

Мохьмад-Салахь. 25 сентябрь 1956 шо.»

Таким образом, по политическим и идеологическим мотивам отвергли рассказ «Кьонахалла» и поэму «Сургана хьалха». Последняя тоже была посвящена национально-освободительной борьбе чеченского народа. А остальные стихи отвергли по художественным качествам. Правда, после, в 1957 году, эта газета напечатала «Ненан мотт», «Бералла» и «Лермонтовн безамна».

Летом 1956 года редакция газеты «Знамя труда» предложила мне переехать в Алма-Ату на работу в газете. В октябре я продал дом, скот, вышел из членов колхоза, собрался в Алма-Ату. После всего этого от Гадаева я получил известие о том, что в Алма-Ате ходят достоверные слухи, что партия намерена вернуть на родину репрессированные народы, что скоро должны издать Указ Президиума ВС СССР о восстановлении ЧИАССР, возможно, весной мы вернемся на родину, поэтому не переезжай в Алма-Ату.

Между тем, киргизская семья, которая купила наш дом, торопила меня освободить его. Я решил на зиму поехать в вахтерский город Сулюкта, где жила моя сестра и много мескетинцев. В начале ноября я и Мухажар переехали в Сулюкту. Там, 9 декабря 1956 года, родилась наша старшая дочь Яхийта. До нее у нас родились три сына. Старшие двое в четырехлетнем и двухлетнем возрасте умерли от кори. А третий, десятимесячный, умер при несчастном случае.

В Сулюкте я не поступил на работу, ибо 9 января 1957 года вышел Указ Президиума ВС СССР о восстановлении ЧИАССР, а 11 февраля его утвердил Верховный Совет. Я решил до выезда на родину заниматься литературным творчеством. Здесь я написал повесть «Ненан дог» и рассказ «Старгла», которые вышли в 1961 году отдельной книгой.

В Сулюкте я начал подготовительную работу над будущей трилогией «Долгие ночи», т.е. сбор документальных материалов.

Заочную учебу в Бишкекском сельхозтехникуме я бросил, окончив пять курсов. В одной СШ г. Сулюкта я экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости.

В апреле 1957 года я поехал в Алма-Ату лично поговорить на месте о моих отвергнутых произведениях. В то время при СП Казахстана была создана секция чеченских и ингушских писателей, кажется, ее возглавлял Саидбей Арсанов. В редакции газеты «Знамя труда» я встретился с С. Арсановым, А. Мамакаевым, А. Хамидовым, А. Веджижевым, А. Боковым, Х. Эдиловым, З. Джамалхановым, Р. Ахматовой (М. Гадаева тогда там не было, он уже уехал на родину).

На второй день моего приезда в редакции обсудили рассказ «Къонахалла» и стихи. Участвовали А. Мамакаев, А. Веджижев, А. Боков, Х. Эдилов, З. Джамалханов. По рассказу выступил А. Веджижев, по стихам Х. Эдилов. Оба в пух-прах разнесли мои творения. Я расстроился. Тогда Арби Мамакаев взял мой рассказ, бегло прочитав его, обрушился на А. Веджижева:

«Да это же замечательный рассказ! По сравнению с твоими рассказами, это выглядит как классический шедевр! Ты просто завидуешь!»

Конечно, я знал, что мой первый рассказ никакой не шедевр, что Ахмед во многом прав, однако слова Арби Мамакаева подняли мой дух, вселили в меня надежду, что смогу что-то сделать.

В Алма-Ате я провел неделю, жил все время в семье Зайндина Джамалханова.

Многие чеченские семьи возвращались на родину без разрешения. Получить его мне не удалось. Я послал свои документы в Грозненский пединститут. Конечно, я не собирался поступить в институт, хотел получить вызов на вступительные экзамены. Получив вызов, мы с Мухажар и Яхийтой выехали на родину. Свои вещи мы оставили у сестры, чтобы они потом привезли.

В Мескетях жили аварцы. Из 700 домов, которые были здесь до выселения, сохранилось 170. Наш дом сохранился, но не остались пристройки. В селе уже было около 100 чеченских семей. Аварцы уезжали, чеченцы возвращались постепенно. В селе открыли школу для чеченских детей. Наконец-то осуществилась моя давняя мечта: меня назначили учителем родного языка и истории. Все учителя были с семиклассным образованием, без педагогического опыта. Не было программ, учебников, иные ученики, которые учились в русских школах, имели больше знаний, чем их учителя.

В августе 1958 года меня назначили директором Мескетинской семилетней школы, я поступил на заочное отделение исторического факультета Чечено-Ингушского государственного пединститута.

Я продолжал собирать материалы о переселении чеченцев в Турцию в 1865 году и о восстании в Чечне в 1877 году. Особенно ценными для меня были полученные мною из Госбиблиотеки СССР копии трудов А.П. Берже «Выселение горцев с Кавказа», Г. Дзагурова «Переселение горцев в Турцию», Т. Омкевича «Материалы для описания русско-турецкой войны в 1877-1878 гг.», том IV, в котором были документы о восстании в Чечне в 1877 году.

Я начал писать отдельные главы будущего романа «Долгие ночи». Писал рассказы, небольшие повести. Когда наступил период хрущевской оттепели, я написал повесть «Кхолламан цхъа де» («Один день судьбы»), в которой описал депортацию чеченского народа, трагедию чеченцев в одном горном ауле Киргизии ровно через год, 23 февраля 1945 года. В 1962 году я предложил ее республиканскому книжному издательству, но оно не приняло ее даже для ознакомления с содержанием. Я обращался с письмами к первому секретарю обкома КПСС Яковлеву, в которых просил его о содействии в издании повести. Но мои письма остались без ответа. И эту повесть, как статью и рассказ

«Къонахалла», я положил в архив на долгие годы. Повесть увидела свет только 20 лет спустя. Ее напечатали в «Орге» в 1992 году.

Но дела с изданием моих произведений обстояли в целом хорошо... В начале 60-х годов вышел ряд книг: «Ненан дог», «Винчу лаьмнашкахь», «Лаьмнашкахь серло», «Генарсолтин «хьюьнарш», «Тхан эвлахь». В альманахе «Орга» печатали главы будущего романа «Долгие ночи».

Школу постепенно я поставил на ноги. В районе ее считали самой лучшей. В 1959 году меня приняли в члены КПСС. С того времени вплоть до 1989 года был бессменным членом РК КПСС, депутатом райсовета. В 1963 году окончил исторический факультет ЧИГПИ. В апреле 1964 года в числе первых в республике мне присвоили почетное звание «Заслуженный учитель школы ЧИАССР», в том же году приняли в члены СП СССР.

Таким образом, мои служебные и творческие дела шли хорошо. Однако с 1965 года между мною и партийным руководством сложилась конфликтная ситуация, которая продолжалась более двадцати лет.

В начале 60-х годов КПСС пропагандировала концепцию о том, что малочисленные народы СССР в исторической перспективе обречены к естественной ассимиляции, а их языки – к исчезновению. Как вечная нация останется «великий русский народ», языком межнационального общения – «великий, могучий, богатый русский язык» и русская культура. Эта концепция не только пропагандировала, но осуществлялась постепенно, целенаправленно. В национальных школах постепенно вытесняли национальные языки, вводили обучение на русском языке. В осуществлении в жизнь этой политики особенно рьяно старались партийно-советские органы, деятели просвещения, науки и культуры нашей республики. В Чечено-Ингушетии первыми в РСФСР ввели обучение детей на русском языке с первого класса. Часы родного языка и литературы сократили до минимума. В 9-10 классах преподавание родного языка и литературы вообще отменили. В школах остро не хватало учебников родного языка и литературы. Вообще не издавали наглядных и методических пособий. Около 80% преподавателей в школах были без педагогического образования, половина из них не имела даже среднего образования.

Дети в шестилетнем возрасте поступали в подготовительные классы, где обучались на родном языке. Во втором году в первом классе они проходили ту же программу, теперь на русском языке, т.е. те же буквы, слоги, цифры, которые проходили в подготовительном классе. В связи с этим чеченские дети, чтобы окончить восьмилетку, должны были учиться на год больше, чем в русских школах. В республике не было программ и учебников, составленных с учетом национальной специфики, как в других национальных школах РСФСР. Чеченских детей обучали по программам и учебникам, предназначенным для русских школ. В связи с этим 95 % чеченских детей выпускали из школ безграмотными или малограмотными. Из-за трудностей, искусственно созданных в школах, многие подростки, особенно девочки, до окончания даже восьмилетки бросали школу.

Это было результатом деятельности бездарных, трусливых руководителей Минпроса республики, равнодушных к судьбе подрастающего поколения, вообще к судьбе чеченского народа. Между тем, министр просвещения республики на страницах журналов «Народное образование» и «Русский язык в национальной школе» и других центральных изданий упорно пропагандировал опыт чечено-ингушских школ, утверждая, что обучение на русском языке с первого класса в национальных школах дает положительные результаты. В то же время среди интеллигенции нашли псевдопатриотов, которые предлагали закрыть издания газет на чеченском и ингушском языках.

Продолжение следует.

Умар Яричев**Выжил**

Меня и плющило, и мяло
Катком тирановой судьбы...
С колен подняться не давали,
Хрипело: «Мне нужны рабы»!

Но я из трудной был породы
И, предков заповедь храня,
Не мог расстаться со свободой,
Живущей в сердце у меня.

А мир, как угли в самоваре,
Был словно тлеющий помост –
До лицемерия коварен
И до безумья глух и прот.

Участие? Добро? И Жалость?
Но вместо – подлость и грехи.
И как мне только удавалось
Писать хорошие стихи?!

А я писал... (и отрешенно!)
О вечной правде и добре,
О верных и неверных женах
На их семейном алтаре.

Земных грехах и вере в Бога,
Черновиках своих стихов...
Плохого было слишком много,
Хорошего – на пару слов.

Ни «Мерседеса», ни хоромов.
Жена и старый «Жигули»...
Живу в обычном старом доме,
От суеты пустой вдали...

Любуюсь солнечным восходом...
Ну, словно не был молодым...
Что делал я все эти годы?!
И как остался я живым?!

Всему наперекор

Ну, вот и все... Звучит гудок к отходу.
Из жизни этой (нашей) в мир иной...
Все было, было: боль, любовь и годы
Меня не обходили стороной.

И я (на сердце руку) не в обиде
На то, что было и произошло...
И дай-то Бог,
чтоб в самом лучшем виде
Меня коснулось вечности крыло...

Пылинкою в неведомые дали
Меня уносит ураган судьбы...
Не дай Господь, среди души развалин
Себя не вспомнить и тебя забыть –
О женщина, любимая моя!

Душа

...Душа моя (одна из многих сотен,
Что словно в летаргии тихо спит),
Как птица, что убитая в полете,
Уже мертва, но все еще летит.

Любимая, мне холодно, когда
Весна рождает трепетные звуки,
В апрельском небе светится звезда,
Поют ветра, что я с тобой в разлуке.

Любимая, поверишь? Я согрет,
Когда за вечно мудрым листопадом
В морозной стыни дня потерян след.
И грусть в душе...
но ты со мною рядом.

Где мудрой жизни смысл?
И чья вина,
Что в этом вихре дней,
летающих мимо,
Неоспорима истина одна –
Ты мне дана, пока ты мной любима?!

Мечеть «Сердце Чечни»

То ли с неба она опустилась,
То ль востала из лона земли...
В ней такая незримая сила,
Что ее удержать не смогли

Ни судьбы роковые удары,
Ни безумье циничного зла,
Как загадка священного дара,
Над Чеченской землею взошла.

По ночам в золотистой оправе.
В электрическом мягком огне –
Словно сон в неминуемой яви
Или явь в неминуемом сне.

И бывает же чудо на свете –
Купол тихо парит в полумгле...
О такой не мечтали мечети
На родимой Вайнахской земле,

Где когда-то жестокие драмы
Все сжигали... до каменных плит...
А теперь, словно символ ислама,
Золотой полумесяц горит...

Кто замыслил ее для вайнахов,
Верность светлому долгу храня?!
Да воздастся ему от Аллаха...
От сегодня – до Судного дня!

Сколько света и радостной боли
Для души, что открыта ветрам...
И да будет Всевышний доволен
Теми, кто возводил этот храм.

Распростимся с мучительной болью
Поруганья и горестных дней...
Пусть восходит, как ангелов крылья,
Мирный день над Отчизной моей.

Чтоб сердца успокоились наши
И судьбою могли дорожить,
И от скверны очистились... даже
Ради этого стоило жить.

Так входи же к нам, счастье,
без стука,
Чтоб на мир и покой посмотреть...
В этом самой надежной порукой –
– Вера в Бога и эта мечеть.

Молю, надежда, из немого плена
Былых утрат меня освободи.
«Не уходи!» – вослед кричали стены.
Вослед шептала ночь: «Не уходи...»

Пустое и немислимое что-то
Внезапно между нами пролегло.
Лишь на перилах
лестничных пролетов
Еще хранилось рук твоих тепло.

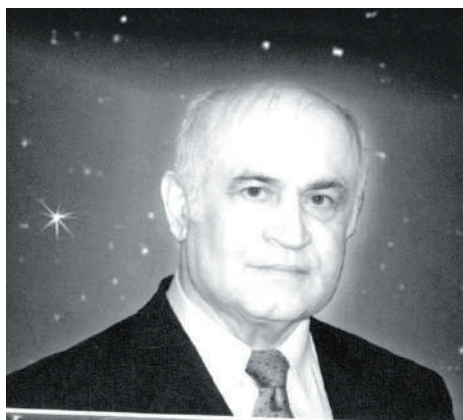
**Батукаевой Асе
из тайпа курчалой**

Ты год за годом, дни за днями
Ждала загадочно меня,
Как солнца луч за облаками,
Как отблеск звездного огня

От красоты твоей душевной
И серой поволоки глаз,
Где плавилась любовь и ревность
В кипенье нежности и ласк.

И только я, почти с порога,
В твой полукняжеский удел,
С такой надеждой и тревогой
Все это скрытно разглядел.

И понял я чутьем поэта:
На век свела одна тропа
Две половины от монеты
Со странным именем – судьба!

*Проза***Вахид Итаев****Белый конь**

Повесть

*Памяти Магомеда Мамакаева*Только победа над страхом
делает человека человеком.*Карлейль*

Это было в конце двадцатых годов прошлого века. Областная прокуратура направила в г. Ростов на юридические курсы Мадаева Муслима и Устинова Николая. Через год, окончив учебу, они вернулись в Грозный. Их зачислили на работу и дали отпуск – десять дней. Как образно выразился их начальник, для семейного базара. Николай поехал в станицу Червленную, к родителям, и Муслим поехал к родителям в село, а оттуда уже в соседнее село к своей любимой тете Деши. Тетя жила вдовой с 15-летним сыном Асхабом. Муж погиб в Гражданскую войну. И природа вокруг того села уж больно была роскошна, а Муслим был великий любитель природы, к тому же поэт, уже много, много написал стихов. Когда он вошел в калитку, Деши, возившаяся в открытой летней кухне, радостно бросилась к нему.

– Муслим! Вот подарок мне от Бога! – вскричала она, крепко обнимая племянника.

– Я приехал на целую неделю. Учебу я закончил. На работу устроился. У меня короткий отпуск. У тебя тут так хорошо! Буду читать, отдыхать и писать.

– Муслим, тебя Бог наградит. Я сейчас одна. Асхаб поехал к деду. Подожди, – Деши побежала в дом, принесла полотенце, мыло и кувшин с водой. – Умойся с дороги, а потом покушаешь и поговорим.

– Нет, я пойду к роднику, – сказал Муслим.

– Хорошо, – Деши отдала ему полотенце и мыло.

Он шел по саду. Сад у тети был большой и полого спускался по пригорку к роднику. В саду было много вишневых деревьев, а сейчас был май, и они буйно цвели, наполняя воздух ароматом. Одним словом, в мире вдохновенно царствовала весна. Весенней силой дышал и ветер, который, как бы озорничая, налетал на сад, хлопал крыльями и сбивал белый цвет с деревьев. Весной были полны и белые облака, легко плывущие по синему небу к своей неведомой цели.

Дойдя до середины сада, он остановился и засмеялся от неизъяснимого радостного чувства. Кругом было белым-бело, и красота мира обещала счастье.

У родника он снял гимнастерку и долго плескал ледяную воду в лицо и на грудь. Он не торопился вернуться в дом, и пока он бродил по саду и ниже по руслу родника, солнце село. Тут он спохватился и скорым шагом вернулся в дом.

– Ты задержался, – сказала Деши, она уже, подоив корову, с ведром шла под навес. – Подожди, я принесу тебе молока, надо процедить.

– Не надо, – остановил он тетю, шагнул к ней, сел на корточки, накинул угол ее фартука на край ведра и долго через ткань пил молоко, наслаждаясь еще не развеявшимся паром.

Пока он пил, Деши, улыбаясь, гладила его по затылку.

– Ах, какое вкусное молоко! – сказал он, оторвавшись от ведра, но, все еще продолжая сидеть на корточках и глядя снизу вверх.

– А ты поживи у меня месяц, будешь утром и вечером пить парное молоко, – сказала Деши.

– Так долго не могу – работа, – развел он руками, вставая. – А вот недельку поживу.

За ужином Муслим много рассказывал тете о Ростове, о своих друзьях, о планах на будущее. Деши слушала племянника, подперев кулачками подбородок, и карие глаза ее сияли лаской. Потом Муслим тут же, под навесом, в свете керосиновой лампы читал Лермонтова, самого любимого автора молодой чеченской интеллигенции. А Деши побежала, не через сад, сада она ночью боялась, а переулком к соседке и подруге своей Сепи. Соседку она застала во дворе и сразу вскричала:

– Для тебя новость, а что в награду мне?

– Если новость – холм, то и награда – холм; если новость – гора, то и награда – гора, – ответила Сепи.

– Муслим приехал, он будет целую неделю гостить у меня. И вот что: шли гонца за своей племянницей, вызови Зару. Муслим – красавец и Зара – красавица, их надо поженить. А план вот какой: когда Зара приедет, то пусть за водой ходит наверх, к роднику. Туда, я знаю, будет ходить и Муслим умываться. Он любит этот родник. Пусть они встретятся случайно у родника. Я уверена, они понравятся друг другу. И весна как раз, смотри, как все цветет. Молодые сердца побегут навстречу друг другу.

– Ну как это возможно ходить за водой наверх, когда свой родник вот он, за плетнем? – сказала Сепи. И в тоне ее звенела скрытая насмешка над нелепой выдумкой подруги.

– У-у-у, какая у тебя бездорожная голова! Чтобы она что-то раскумекала! Обязательно в ней прежде надо протоптать тропинку. Да закидай свой родник землей, навозом – да чем угодно, а Заре скажи, что родник запачкан и ему надо вычиститься. Поняла?

– Ладно, так и сделаю, – сказала Сепи, – немножко опешенная бурным натиском подруги и обиженная на «бездорожье» головы. – А ты дальше не кипятись.

– А если план удастся, что мне тогда? Запомни, мой племянник будет большим начальником.

– Отдам свою телушку за твоего бычка. Моя корова, сама знаешь, молочной, знатной породы, значит, и дочь ее будет такая же, в мать пойдет, – ответила Сепи, чье сердце тоже загорелось на план подруги. К тому же, ей с самого детства нравился Муслим.

– Ах, договорились, – вскричала Деши. – А теперь наш ритуал.

У подруг был обычай или, если угодно, ритуал: закреплять благие дела танцем. И они пустились в пляс: Деши – в мужской танец, Сепи – в женский.

– А сама ты, – остановилась Деши, – ни ногой ко мне. Чтоб и этого твоего длинного носа не было у меня, – подергала Деши за нос Сепи. – А то Муслим догадается, что это мы так все подстроили. Он умный у меня. Ой, я побежала, Муслим один.

О женщины! Какое дать вам имя!

Когда женщины берутся заплести судьбы двух молодых людей в одну и начинают строить козни и планы, то черт, съездившись, сидит в овраге и царапает ногтями лицо, чувствуя себя жалким дилетантом в искусстве плетения человеческих судеб.

На следующий день на закате солнца, встречая коров, Деши и Сепи встретились на выгоне, и Сепи сообщила, что Зара приехала и уже ходила за водой к верхнему роднику.

– Ахха, – потеряла руки Деши, – хорошо. Сеть поставлена, рыбки должны запутаться.

Войдя во двор вслед за коровой, Деши заметила свет в окне Муслима. Тот сидел, низко наклонившись, за книгой. «Нет, к роднику не ходил, зачитался», – решила она. И точно, Муслим к роднику не ходил: Лермонтов не пустил.

Но утром, на заре, он пошел к роднику, захватив полотенце. Он шел по тропинке, отделяющей вишневые деревья от яблоневых, и был уже на середине спуска, как заметил девушку с кувшином, идущую к роднику с противоположной стороны. По первому инстинкту, не отдавая отчета в своих действиях, он шагнул за дерево и остановился. Девушка спустилась, поставила кувшин на плиту, села на корточки. И протянула ладони к струе, падающей с желобка в крохотную заводь. Она ловила в пригоршню опавшие в воду цветки, и когда их набиралось много, выпускала в воду. На лице ее блуждала улыбка, та волшебная улыбка одиночества, когда человек ощущает только себя, свои мечты и Божий мир. Наконец девушка подставила кувшин под струю и, когда он наполнился, подняла его и снова поставила на плиту. Посидела еще некоторое время на корточках, наверно давая кувшину немножко обсохнуть. Потом встала, легко подняла кувшин на плечо и, волнуя гибкий стан, пошла по тропе вверх. Он следил за девушкой, пока она не скрылась. Очнувшись от каких-то неясных дум, спустился к роднику, присел на то место, где только что была незнакомка, и, как она, протянул к струе ладони и стал ловить, подражая девушке, опавшие цветки. Наловил их много, а потом выпустил в воду. Гимнастерку не снял, тут, как понял он, мог открыться чуждому глазу, долго умывал лицо, созерцая вместе с образом незнакомки набежавшие мечты и поэтические облака. Вернулся бодрый и веселый. Выпил большую кружку парного молока, отказался от яичницы, взял из дома книгу, сел под навесом на скамью и принялся за чтение. Деши хищной любопытной птицей вглядывалась в его лицо, но никаких волнений не заметила. Спросить, не встретил ли он кого-нибудь у родника, было никак нельзя. Мог догадаться. «Нет, опять не встретились», – решила с грустью тетя.

Спать Муслим пожелал под открытым небом. Вместе с Деши он перенес из-под навеса к яблоне деревянную кровать, и, пока тетя стелила постель, стоял и смотрел в небо, наблюдая облака и вспыхивающие в их прорехах звезды. Деши пожелала спокойной ночи и ушла в дом. Он снял сапоги, пояс, не раздеваясь, лег поверх одеяла и продолжил смотреть в небо. Скоро облака стали редеть и открылась вся ширь звездного неба. Он был молод, планов было больше, чем звезд, и конечно, он мечтал и о той, вместе с кем и без лестницы смог бы подняться к звездам. Он вдруг вспомнил незнакомку у родника, которую он наблюдал из-за своего укрытия. Некоторое время созерцал ее образ. Нет, ничего сокрушительного та незнакомка не бросила в его сердце. Так, легкие майские мечты, полусказочные дороги. У него была своя любимая звезда, он долго беседовал с ней. Он продолжал беседовать с ней и когда задремал. И вдруг, непонятно почему, спросил ее:

– Кто та девушка, которую я наблюдал у родника?

Звезда улыбнулась и ответила:

– Она твоя суженая.

Как будто электрическая искра ударила в сердце, он вздрогнул, проснулся и долго смотрел на звезду.

– Какая глупость, – сказал он, повернулся на бок и уснул. Но и во втором сне он видел небо, и в этом небе увидел ангела, который улыбался ему и сказал:

– Звезда сказала тебе правду, та девушка – твоя суженая.

Он и от слов ангела вздрогнул и проснулся и уже до самого утра не смог уснуть. Мысли, мечты бились о сердце, как волны моря о берег.

Наступило бледное, потом светлое утро, затем разгорелась заря, а он все лежал и снова и снова вслушивался в слова звезды и ангела.

Деши подоила корову, выпроводила ее за ворота, подошла к нему и положила руку на лоб.

– Вижу, ты не спишь.

– Как ты узнала, что я не сплю? – спросил он, открывая глаза.

– У тебя уши горят, – засмеялась Деши.

– Уши горят? – засмеялся он, трогая одно ухо и понимая, что тетя шутит.

Выпив кружку молока, он отправился к роднику. Дошел до крутого спуска и остановился за белым подвенечным платьем вишни. Он смотрел на противоположный спуск, ожидая оттуда появления незнакомки. Он ждал долго, что-то ему подсказывало, что девушка придет, и она появилась на тропе. Сегодня на ней было другое платье, обсыпанное, как и вишни, белыми цветочками. Она спустилась к роднику, наполнила кувшин, подняла, поставила его на плиту, села на корточки и протянула руки к струе. Все та же загадочная улыбка дрожала на ее губах. Он почувствовал, что сердце его выскочило из груди, побежало к незнакомке и село рядом с ней. Теперь он стоял пустой и холодный, но жадно наблюдал за девушкой.

Наконец она встала, подняла кувшин на плечо и пошла по тропе. А сердце все не возвращалось, видимо, провожало незнакомку до ее порога. Но вот сердце наконец вернулось и гулко застучало в груди. Он шумно вздохнул, помедлил минуту и спустился к роднику. Долго и с каким-то странным наслаждением умывался, каждый раз на лишние мгновения задерживая руки под струей, под которой только что трепетали руки незнакомки.

Тете он не сказал ни слова о девушке, которую уже дважды видел у родника. В сердце его расцвело робкое целомудренное царство, и это царство он уже ревниво оберегал от третьих лиц. Слова звезды и ангела сделали свое дело.

Днем он читал, мечтал, а на вечерней заре отправился к роднику. Незнакомка стояла полусогнувшись, подставив кувшин под струю. Какая-то сила властно толкала его в спину, он быстро спустился.

– Добрый вечер, – поздоровался он.

Девушка вздрогнула от неожиданности, выпрямилась, не ответила на его приветствие. Только вопросительно глядела на него. И молча подняла кувшин на плечо.

– Подожди... Пожалуйста, – попросил он.

– Я с чужими не разговариваю, – сказала девушка.

– Я не чужой. Вчера ночью мне звезда и ангел вместе сказали: утром иди к роднику, встретишь девушку, она твоя суженая, – торопясь и не понимая, почему он это говорит, как будто кто тянул за язык, сказал он.

Незнакомка густо покраснела, не ответила и двинулась в путь. Но через несколько шагов приостановилась, оглянулась через плечо и сказала:

– Кстати, сейчас вечер, а не утро, значит, не про меня говорил ангел.

– Я видел тебя и утром, я стоял вон за той вишней.

Теперь лицо девушки покрыла багровая краска, очевидно, она ужаснулась своей мысли: а не сделала ли я какое-нибудь осудительное движение, когда он там стоял? И, не слушая его просьб, поплыла. И ему, воистину, казалось, что она плывет по воздуху.

Прошло еще два дня. Он утром и вечером ходил к роднику. Приходила и девушка. Он уже знал, что зовут ее Зарой, что она тоже в гостях у своей тети, что сюда к роднику она ходит, потому что из-за оползня там, внизу, у них иссяк родник.

– Спасибо тому ангелу, который сотворил этот оползень, – сказал он. Зара засмеялась и продолжительно поглядела ему в глаза. И любовь двух сердец побежала по одной небесной тропе.

Муслим ничего не говорил тете о Заре, и та никак не могла по виду его догадаться, встретил он ее или нет. Зато Сепи знала все: с первой встречи Зара пересказывала своей тете каждое слово, сказанное ею и Муслимом. Но от Деши

скрывала эту информацию и, встречаясь с последней, говорила: «По-моему, они еще не встретились. Во всяком случае, Зара ничего не говорит. Наверно, Муслим не ходит к роднику. Твой план не работает». Сепи наказывала Деши за ее вечное первенство. «Пусть хвастунишка помучается в неведении», – говорила она себе. Но вдруг вспомнила, что позиция Деши сильнее. «У нее племянник, а у меня племянница, ее племянник может стать большим начальником, и если эта гордячка узнает, что я от нее что-то скрывала, может взбунтоваться и расстроить дело», – испугалась она. Утром она прибежала к Деши.

– Пойдем покажу что-то, – сказала она. Сепи переулком привела Деши в угол своего сада, откуда был виден родник. И Деши увидела Муслима и Зару, со смехом что-то рассказывающих друг другу.

– Ага, попались, рыбешки, план мой удался, – потеряла руки Деши. И соткала короткий танец. Ответный танец соткала и Сепи. Тут же каждая написала оду о достоинствах своих подопечных. И поставили печать: – Женить!

На следующее утро, когда Муслим стоял у зеркала, разглядывая свое лицо и поправляя гимнастерку под широким ремнем, Деши, лукаво глядя на племянника, сказала:

– Муслим, пора говорить последнее и решительное слово.

От неожиданности Муслим на минуту застыл на месте, потом обернулся к Деши и спросил:

– Кому я должен сказать это последнее и решительное слово?

– А той, к которой ты идешь на свидание, – ответила Деши.

Муслим подошел к Деши, обнял ее, долго смеялся. А потом спросил:

– Ну, скажи, откуда ты узнала?

– Ах, Муслим, когда ты родился, я первая вынесла тебя под солнце, вот откуда я и узнала все, – ответила Деши.

– От Солнца?

– Да, от Солнца.

– Последнее и решительное слово – это что за слово?

– Ах, это очень простое слово. Скажи Заре: выходи за меня замуж.

– Допустим, я сказал, а она подхватила подол платья и побежала. А вдруг откажет.

– А ты к этим словам прибавь и другие.

– Какие, например?

– Что ты без нее не сможешь жить. Что такой, как она, нет ни на земле, ни на небе. Что ты богат. Что у тебя в ногайских степях кормится тысячный табун лошадей. Что в городе у тебя огромный дом и набит он персидскими коврами, серебряными и золотыми кувшинами... что ей будут завидовать все. И так далее...

– Ну это же неправда, – засмеялся Муслим.

– Ах, Муслим, какая же это неправда, это священная правда, когда ты ее говоришь девушке, на которой хочешь жениться. Ты даришь ей надежду, а что может быть прекраснее и богаче надежды и какие дни могут быть прекраснее тех дней, когда живешь надеждой? Все обещай, не скупись!

– А когда правда обнаружится, тогда как смотреть ей в глаза?

Деши звонко рассмеялась.

– Тогда это будет другая жизнь. Тогда можешь смотреть ей в глаза с закрытыми глазами. А сейчас говори, как я велю.

Муслим отправился на свидание, смеясь над словами тети, и вовсе не собирался обещать Заре золотые горы, считал это недостойным для себя. Но когда он увидел Зару, ее прекрасные глаза, ее стан, его пронзила мысль: а ведь это сокровище может достаться другому, он не только произнес те слова, которые советовала сказать тетя, но к тысячному табуну лошадей, кормящемуся в ногайских степях, добавил еще два. И прекрасная Зара не устояла, она дала согласие.

Муслим послал гонца в Червленную с короткой запиской: «Николай, скажи. Женюсь». Николай приехал на шарабане вместе с сестрой Аксиньей, одетой, как казак, в черкеску и папаху.

– Никто не должен знать, что я девушка, я молодой казак, – шепнула она Муслиму.

– Хорошо, хорошо, – смеялся Муслим, которому маскарад Аксиньи чрезвычайно понравился. Для непосвященных: одежда и танцы у казаков и горцев одни. А в те годы многие терские казаки знали и чеченский язык. Само собой, знали чеченский язык Николай и Аксинья.

Под вечер вместе с Муслимом к Заре на свидание для смотрин отправились и Николай с Аксиньей. Зара понравилась. И Николай, когда возвращались, говорил:

– Великолепная забунташка! Брать надо! Немедленно брать, – Николай всех красивых и хорошеньких девиц и женщин называл забунташками.

– Да ведь она согласна, – сказала Аксинья-казак.

– А надо делать вид, что она не согласна, должна быть и романтика.

Одним словом, настроение у всех было отличное.

А на вторые сумерки шарабан с Зарой, которым правила Аксинья-казак, понесся по узким улочкам села. А за ним эскорт верховых – Николай, Муслим, Асхаб, вернувшийся от деда, и еще несколько родственников. За селом открыли пальбу, оповещая мир и горы о великом событии. Услышав выстрелы, Деши вбежала в дом, вынесла ружье и тоже пальнула в небо. А потом вместе с Сепи, которая за руку привела свою племянницу к роднику и, как говорится, из рук в руки передала ее Аксинье-казаку, пустились в пляс. Этот танец они заработали честно, ведь они ловко сплели две судьбы в одну. А потом Деши побежала, выгнала своего бычка, позвала Сепи и подала хворостинку – погоняй своего бычка.

– Чего ты торопишься, это же и завтра можно сделать.

– Э, нет, добро хозяина должно быть под его носом. Что будет завтра, знает один Бог. Может случиться землетрясение, наводнение и прочее, прочее.

Была пригнана и телушка. И Деши перед телушкой одна пустилась в пляс. А потом дернула Сепи за длинный нос.

– Эх ты, бездорожная голова!

– Зато в твоей голове семь дорог и все кривые, – не осталась в долгу Сепи.

Три дня бушевала свадьба: три дня с утра до поздней ночи летело над селом: Хорс-тох! – воинственно-задорный возглас очередного танцора. А когда танцевала Аксинья-казак, когда она-он, проводив очередную партнершу до ее места, бросалась к столу тамады и кружилась в великом экстазе, восторгу зрителей не было предела: девушки хлопали стоя, мужчины, соревнуясь друг с другом, стреляли в воздух. Николай в это время пугался за сестру, боялся, что у нее не выдержит сердце.

Через две недели женился и Николай на Наталье Бурлаковой. И свадьба Николая ни страстями, ни буйством не уступала свадьбе Муслима.

Молодая жизнь, красавицы жены, хорошая работа, что еще надо для счастья?

Много чего, оказывается, еще надо. И жизнь показала, что для большого светлого счастья мало быть молодым, мало иметь хорошую работу, молодую жену.

Великая страна, поднятая на дыбы революцией, потом Гражданской войной, потом богоборческими идеями, все еще не опускала копыта. Теперь она ударилась в коллективизацию, гнала всех в общий Котел. А того, кто не желал общего Котла, гнала в Сибирь. Потом со страстью бросилась в репрессии. Тут было найдено великое клише – враг народа. Это обвинение звучало страшно. Стать врагом того народа, который смело отверг самого Бога и поднялся осчастливить все человечество – всех накормить, обути, одеть, утереть все

слезы – да, стать врагом этого народа было страшно, неподъемно для души. И самые сильные, прошедшие, как говорится, огонь, воду и медные трубы – под этим клише, под этим прессом – враг народа – терялись, ломались, брали на себя самое нелепое обвинение. Народ был теперь великой силой, а не Бог. Бог, который целые тысячелетия считался всемогущим, был осмеян и отвергнут. Сила отрицания всех святых давала народу великое вдохновение. Народ творил чудеса в труде. Но творил и жестокие чудеса над собой: гнал себя в тюрьмы, в лагеря, безжалостно расстреливал себя. И было такое ощущение, что этот народ никогда не иссякнет, не ослабеет, что он возьмет не только землю, но и небеса. Все было запредельно.

А в это время летал над страной Дьявол. Он хохотал и кричал в небо:

– Смотри, вот они, сыны Адамовы, эти глиняные горшки, которым я, чистый свет и кавалер звезд, должен был, по желанию Твоему, поклониться. Смотри на них! Века текут, а у них все тот же балаган, кровавый и жестокий. Как они ненавидят друг друга! Как цинично убивают друг друга! Как ненасытно пьют кровь друг друга! А все винят меня. Даже доходят до мышинных мыслей: будто я раскалываюсь на мелких бесенят и подбрасываю в обувь порядочным людям камешки. Ха-ха-ха! Какие мощные мыслители Твои горшки. Да я не только их вонючую рваную обувь, но их тупые, наглые и мерзкие рожи игнорирую. В себе несут заразу, а винят меня. Вот горшки! У соседа на одну овцу больше или рубаха новее – все! Смерть ему! На кого меня променяли, своего лучезарного сына? При всем моем уме, а я умом совсем не швах, не могу понять этого поступка. Я не понимаю эту глиняную философию и не хочу понимать. Я губил и буду губить адамово племя. Эти мерзкие горшки...

Дьяволу можно было ответить хотя бы примерно так:

– И какой же ты дурак, Люцифер. Да, ты был красив, очень красив. Гармония тысячи галактик отражалась в тебе, ведь ты был чистый свет. А чтобы создать Адама, Бог сгустил этот свет, превратил его в глину и вдохнул в него жизнь. Видишь, это целый процесс. В глине, то есть в Адаме, Божественного больше, чем в чистом свете. Глина, тем более Адам, богаче света. Потому Бог приказал тебе поклониться Адаму. Ведь тому, что богаче, не зазорно и поклониться. А ты заартачился: «Да я, да я... я кавалер звезд, а этот глиняный горшок! Я буду губить Твои горшки!» Планета Земля без Адамов не останется. Эх, Люцифер, Люцифер, ты был кургузо горд, гордыня тебя и погубила. Красота – это еще не все. Один из Адамов все твердил: Красота спасет мир! Красота спасет мир! Эх, Люцифер, Люцифер! Горе, горе от кургузой гордыни! Бегай теперь на своих копытах...

Но, конечно, небо величественно молчало.

Муслим и Николай работали, продвигались по службе. В их семьях родились дети. Но начался пожар репрессий. Страх обуял всех. А страх опаснее чумы. Народ стал есть сам себя, мало кто скупился на доносы, на наветы.

Злая очередь дошла до Николая и Муслима. Их арестовали как врагов народа. О, это клише – враг народа! Его придумал сам Дьявол. Это клише было тяжелой свинцовой плиты. Муслим и Николай выдержали и тюремные пытки, и психологическое давление, и голод, и холод – не взяли на себя это страшное обвинение, не признали себя виновными. Их не расстреляли, их приговорили к лагерям. Осенью тысяча девятьсот сорокового года они оказались на пароме, и паром повез их через Каспий.

Одиннадцать человек «политических» охрана разместила у правого борта парома, а уголовников, которых было около сорока человек, у левого борта. День был прохладный и пасмурный, серые волны Каспия играли и смотрели неприветливо. На пароме было много и свободных граждан. Общаться с ними заключенным было строго запрещено. Два охранника то прохаживались по середине палубы, то стояли по углам.

Все «политические» были взрослые люди, кроме одного – Саша Муравьева. Ему не было еще и семнадцати. А зигзаг этот в его судьбе случился по следующей причине. Когда посадили его отца как врага народа, он пришел в НКВД и с юношеской страстью и доверчивостью к взрослым стал доказывать крупному мужчине, сидящему за большим столом, что его отец не виноват, что отец его не враг народа, что это ошибка. И что-то еще говорил, говорил и в запальчивости, не контролируя себя, под конец выкрикнул:

– Папа не виноват, он не враг народа! И Сталин не прав.

– Что?! – грозно крикнул, поднимаясь из-за стола этот крупный мужчина.

– Ах ты, гаденыш, Сталин не прав, а прав твой паршивый отец?! – и схватив со стола большую линейку, ударил ею ребром Сашку по голове. Быстрая струйка крови побежала по лбу, по носу, смочила губы, подбородок и потекла на серую рубашку. Начальник крикнул охрану, вбежали молодцы, и Сашу поволокли. Там уже домолотили, довели до кондиции. И теперь он тоже сидел на пароме, у борта, обхватив руками полусогнутые колени, грустный, опустошенный, держа путь в бездонную Сибирь.

В первых сумерках Муслим заметил, что атамана уголовников охранник повел куда-то. Он вернулся минут через пятнадцать, но уже без охранника. И второй охранник куда-то исчез. Атаман подходил к каждому уголовнику и что-то шептал ему на ухо. Почти все кивали согласно головами, как-то бодро подтягивались и злорадно смеялись.

– Там что-то затевается против нас, братва организуется, – сказал Николай Муслиму довольно громко, чтобы слышали и остальные. Все политические сдвинулись в кучу, чтобы услышать еще раз слова Николая. Он повторил свои слова. Только один Саша сидел по-прежнему, обхватив согнутые колени руками, и ничего не слышал, думал свои думы.

– Не подавайте вида, но будьте начеку, – сказал Муслим. – Мы «политические», враги советской власти, уголовники не враги, а лишь возмутители спокойствия. А Каспий – лучшее место избавиться от врагов.

– Их много, а нас мало, что будем делать? Братве Еськина¹ команда, видимо, сказала, чтобы нас побросали за борт. И наши «концы» уйдут, как говорится, в воду. Где выход? – задал всем вопрос Николай.

– Один выход туда – в холодные воды Каспия, второй... – Муслим молчал секунд пятнадцать. – Второй, – сказал он, – превратиться в зверей. И не просто в зверей, а в таких зверей, которых в природе не бывает, а только в сказках. Зубами и когтями рвать, рычать и выть. Только так можем остаться в живых. И нет, Николай, третьего выхода. Разбуди Сашу и пусть он, когда начнется, убежит и спрячется где-нибудь. Вон швабра стоит, вырви черенок и орудуй.

Николай подошел к Саше, тронул его за плечо, тот поднялся.

– Саша, сейчас будет драка, уголовники пойдут на нас. Это будет жестокая драка. Ты, как начнется, беги и прячься. Видишь, группа туркменов сидит в бараньих шапках. Беги к ним и там спрячься.

Саша посмотрел на братву, потом на товарищей.

– Я... я буду драться вместе с вами, я не трус, – заикаясь от волнения, проговорил он.

– Никто тебя не считает трусом, но тебе рано драться с уголовниками.

– Я буду драться, – повторил Саша.

– Я знал твоего отца, хороший был человек. У тебя братья есть?

– Нет.

– Тебе нельзя рисковать, ты должен выжить и вернуться к матери.

Но атаман братвы уже направился к «политическим». Он шел вразвалочку, большой рот его кривила насмешливая улыбка. Он подошел к Николаю, ткнул пальцем его в плечо и с абсолютной уверенностью в голосе приказал:

– Шинель сними. Она мне нравится.

– Мне тоже, – сказал Николай.

– Отдай, проворнее будешь, – по-чеченски сказал Муслим. Николай не

торопясь снял и протянул шинель. Атаман бросил ее к своим и обратился к Муслиму.

– И твоя фуфайка мне нравится.

Муслим не делал никаких движений и молча смотрел в глаза атаману.

– Ты, параша, оглох, что ли, от страха?! Фуфайку сними, она мне нравится! – взревел атаман и, схватив Муслима грабастой рукой за грудки, дернул к себе.

И, точно зверь, необъятный зверь из сказки, вселился в Муслима, он яростно ударил калганом² в переносицу атамана. Тот даже не застонал, а, как ваточный, сполз к ногам Муслима.

Братва на секунду растерялась после поражения своего атамана, но потом взревела и бросилась на «политических». И началась та драка... впрочем, это была не драка, а битва, которую, несомненно, сняли на свои камеры ангелы и бесы, чтобы, наконец, понять, что это за существо – человек, зверь или нечто высокодуховное. Никто не хотел покоиться в просторной могиле Каспия. Никто не хотел стать пищей для рыб. Но психологическое преимущество было на стороне «политических»: они раньше сознательно «озверели». А братва, в полной уверенности из-за своего количества, что легко побросает «политических» за борт, не успела достаточно «озвереть».

Николай в самом начале, как подсказал Муслим, вырвал черенок из швабры и яростно орудовал им. Замахивался на голову, а бил по ноге, потом уже по голове. Ему казалось, что это какой-то веселый и чудовищный сон. Но удивил небеса Саша, этот мальчик. Он, воистину, превратился в зверя. Он выл, рычал, улюлюкал, бросался на противников и кусал их в щеку, в руку, в грудь и даже в ляжки. Заставлял их дико кричать от боли. Рот его был полон чужой крови. Не выдерживая его безумия, братва шарахалась от него. И большие звери, вселившиеся в «политических», стали одолевать маленьких зверей братвы. Уже несколько уголовников полетело за борт. За борт полетел и атаман, который немножко очухался, поднялся, но, ничего еще не соображая, стоял и качался, обхватив голову руками. Его подхватили и толкнули за борт.

Наконец, прибежала охрана, исчезнувшая вначале, начали стрелять в воздух. Остановили обезумевших людей. Братву отвели подальше. Задумано было ловко. Охрана была уверена, что братва в считанные секунды побросает «политических» за борт. Власть тогда о судьбах «политических» мало заботилась. Но братва подвела, не сработала, как было задумано – «политические» оказали дикое сопротивление. Битва затянулась. А свободный народ и персонал парома все видели. Надо было все остановить.

Через час Муслима повели к начальнику охраны. Начальник, молодой человек, принял Муслима, стоя посередине каюты, несколько мгновений смотрел ему в глаза и, приказав охраннику выйти за дверь, сказал только одну фразу:

– Если выберешься из долгого ада и вернешься домой, приеду к тебе в гости. Примешь гостя?

– Гостя приму, – коротко ответил Муслим.

«Политическим» в этот вечер принесли много хлеба и колбасы, братву же не покормили вовсе – они не оправдали надежд, не избавили власть от врагов.

А часа через два Николай сидел рядом с Сашей, обняв его за плечи, тот плакал и твердил:

– Не хочу быть зверем, я хочу быть человеком.

– Саша, друг мой, когда не дают быть человеком, надо же на время стать и зверем. Но какой ты молодец! Ты рвал их в клочья, как волк овец, – успокаивал Николай.

– Я не хочу быть волком, – всхлипнул Саша.

– Ты, Саша, человек, настоящий человек. Ты сегодня положил живот, то есть жизнь за други своя, как говорится в старой летописи. И Сибирь не победит тебя. Ты вернешься домой.

И началась долгая дорога по кругам ада. Тайга, дальний Север, строительство по вечной мерзлоте железной дороги, ведущей черт знает куда, точнее, и черт не знал, куда ее ведут. Но он радовался мукам людей.

А однажды зимой Муслима повели к начальнику лагеря, и тот сообщил ему страшную весть, что весь чеченский народ депортирован в Среднюю Азию. На улице была метель, Николай стоял в бараке ближе к двери и смотрел в щель, ожидая возвращения Муслима. Наконец он увидел Муслима, тот шел, делая неестественные зигзаги. Он не вошел в барак, а направился к двум чахлым березкам, качающимся вдали под ветром. Николай следил за Муслимом, не задавая себе никаких вопросов о его поведении. Но когда тот дошел до березок и прислонился лбом к стволу одной из них, он быстро вышел в метельное царство и побежал к нему. Муслим рыдал, плечи его неестественно прыгали. Первая мысль, загоревшаяся в уме Николая, была: Зара и дети.

Он молча стоял за спиной Муслима, давая ему возможность слезами смягчить удар судьбы. Но то, что он услышал, когда через некоторое время Муслим обернулся к нему, он и не понял, и не объял душой. Только глубокой ночью, лежа на нарах, не смыкая глаз, он осознал эту трагедию. И страшная боль за своего друга когтисто схватила его сердце. «У-у, какая сволочь!» – простонал Николай. И Муслим, который тоже не спал, слышал эти слова и понял, в чей адрес они сказаны.

Но почему они выжили, почему им удалось из ада вернуться в жизнь? Наверное, потому, что не жили той жизнью, которая окружала их. А жили будущим, созерцали будущее, верили, что нормальное будущее придет. И потому все выдержали, и еще: честь мужская была высока, не хотели бесследно сгинуть в сибирских просторах на радость тех, кто загнал их туда. И они одержали победу над черной судьбой. Вернулись домой. Их реабилитировали, вернули партийные билеты, восстановила на работах. Потекла ровная социалистическая рутина, в хорошем смысле этого слова.

Но Муслиму судьба нанесла еще один жестокий удар: Зара не дождалась его, вышла замуж. До самого освобождения он ничего не знал об этом. Он тяжело переживал ее поступок. Да, это было предательство, предательство его и детей. За детей он переживал больше, чем за себя. Они уже были взрослыми, и не могли не страдать из-за поступка матери. Сын Умар не подавал вида, а может, и не принимал все так близко к сердцу, а вот дочь Тамара смотрела очень часто на отца вопрошающе. И он как будто догадывался, что значит этот немой вопрос – Зара развелась со вторым мужем. И однажды Тамара, когда они сидели за ужином, Умара не было дома, сказала:

– Папа, я хочу, чтобы мама жила с нами. Я хочу жить с отцом и матерью, – почти крикнула она, встала из-за стола и ушла в свою комнату. Он просидел минут пять за столом, слушая острую боль в сердце, потом ушел к себе в кабинет. Через час, пройдя на кухню выпить воды и застав там дочь, он сказал:

– Я хочу верить, что ты этих слов мне не говорила.

– А я их повторяю и буду повторять! – упрямо твердила Тамара. Он не произнес ни слова в ответ и ушел к Николаю. Квартиры их были на одной площадке. Николай сам открыл ему дверь.

– Проходи, Наталья ушла к соседям, посидим одни. Что-то у тебя вид не кавалерийский, ты здоров? – спросил Николай, взглядываясь в лицо Муслима.

– Здоров, – ответил Муслим.

– А почему так низко плывут тучи над твоим сердцем? Да ты говори, потащим вместе то, что валит на нас судьба.

И Муслим рассказал о разговоре с дочерью.

– Как?! – возмутился Николай. – Этому не бывать! Дочь должна жалеть отца, не бить по ране. Должна понимать, что у мужчин есть, помимо всего прочего, еще и честь. Не маленькая уже. И давай начистоту, хватит тебе бобылем ходить. В городе полно красавиц.

– Об этом я и не думаю.

– А зря, даже сухое дерево мечтает о клейких листочках. Тебе надо жениться. Вот вопрос повестки дня. Бунт надо остановить большим бунтом. Придет в дом другая женщина, и этот факт поставит Тамару в угол.

– А мне нужна такая, чтобы смогла запеленать мне сердце... – Муслим не договорил, а только поводит в пространстве руками и добавил: – Да, город полон женщин, а такой, чтобы в сердце запала, я пока не повстречал.

– Смотрел враждебно, в каждой женщине видел предательницу Зару, потому и не разглядел, – сказал Николай.

– С тобой невозможно говорить, пойду, – встал Муслим.

– Понимаю, с умным человеком вообще трудно говорить, с глупым просто: трали-вали, нам сказали, мы сказали, и все такое прочее, – сострил Николай в своем духе.

Муслим покачал головой и засмеялся.

Лежа в кабинете на диване, долго ворочался, Николай задал новое течение мыслям. Да и годы пролетели уже, полвека за плечами. А сколько планов, сколько хочется написать. Да, женщина... Жена... Сказано: нет большего блага, чем чуткая, любимая, любящая и заботливая жена, и нет большего зла, чем жена нечуткая, с пустым сердцем. «Николаю легко сказать. Наталья всегда была верной спутницей. Он через нее смотрит на женщин, а я...»

И кружились, и кружились мысли, и горела душа то здесь, то там. «Ветер доброй судьбы давно, давно дует мимо меня», – заключил он с грустью.

Было начало октября. Днем прошел небольшой дождь, но тучи скоро уплыли, и теперь город был чист и свеж. Выйдя с работы, Муслим увидел свежесть мира, остановился, минуту созерцал площадь, дома, деревья, небо, посмотрел на солнце, которое еще стояло довольно высоко, вздохнул и зашагал в сторону дома, обдумывая главу начатой повести. Но вдруг снова остановился и оглянул мир. Нет, домой не хотелось, уж больно был очарователен вечер. Да и река, небо и клены говорили веселым языком о чем-то таком прекрасном, которое должно быть, хотя пока и нет его в падшем мире. Нет, в квартиру не хотелось, и он пошел берегом Сунжи. По пути был продуктовый магазин, он никогда не был в нем, да и нужды не имел – продуктами занималась дочь. Сейчас, проходя мимо магазина (дверь была открыта настежь), он вздрогнул и остановился. Вздрогнул от еще неосознанной радости. Из двери вырвался женский смех. Смех этот был так чист, так глубок, так искренен, так волшебным дополнял этот очаровательный вечер. Он чувствовал, что смех этот вырвался из глубины чистого сердца. О, он много знал о смехе человеческом. И давно уже судил о человеке по его смеху. Каков смех человека, таков и сам человек. Эту формулу он уяснил четко. Суровая учительница-жизнь научила видеть корни бытия.

Муслим стоял и ждал повторения смеха. Но этого не произошло. Он спросил себя или кого-то: «Кто она, эта хозяйка золотого смеха, мужняя жена, девушка, вдова или разведенка? Если мужняя жена – худо, если девушка, тоже худо. Мои полвека не для девушек. А если... Сердце его немножко сжалось. Да, если вдова или разведена. Да, тогда... – он не dokonчил мысль. – Нет, в любом случае, надо ее увидеть – хозяйку золотого смеха». И его потянуло в магазин. Посетителей не было, две продавщицы в разных углах возились с коробками. На раздавшиеся шаги обе поднялись и посмотрели на вошедшего. Он поздоровался и занялся изучением витрины. Продавщицы снова завозились в своих углах. Муслим заметил, что обе женщины были симпатичные, хорошего телосложения. Одна черноглазая, у второй глаза то ли голубые, то ли цвета морской волны. И что обеим им где-то под сорок.

Он ничего не купил и молча вышел. Но, выйдя, отступил вправо от двери несколько шагов и остановился. Разумеется, он уже для своей судьбы ничего не ждал от этих женщин: при такой красоте и в этом возрасте они, несомненно,

были замужем. Но так хотелось еще раз услышать этот золотой смех. Он стоял, в магазине молчали, но вдруг один голос произнес:

– Писатель.

– Писатель? – удивленно отозвался второй голос.

– А усы точь-в-точь, как у Гитлера, – проговорил первый голос и рассыпал тот самый золотой смех, которого он ждал. И смех этот вторично загипнотизировал и очаровал не только его сердце, но и клены, и реку, и площадь за рекой. Он тронул свои усы. «Как у Гитлера», – пролетело в его голове, но он тут же забыл Гитлера и стоял и слушал. В магазине заговорили уже о другом, ругали какого-то лентяя Ваху, а там и покупатели появились. И он направился домой. Выпил стакан чая, прошел в кабинет, хотел поработать над рукописью. Но не вспыхивала в душе искра вдохновения, а все бегал по сердцу этот золотой женский смех, как ласковый ветер по ковыльной степи. Он пересел на диван, потом прилег и спросил себя: «И почему ты встревожен? Ну смеялась женщина прекрасным смехом! Но она уж точно мужняя жена». С силой отвлекаясь от этих мыслей, стал думать о другом. Но сознание опять вернулось к ней. «Но которая из них смеялась этим смехом – черноглазая или голубоглазая? Как узнаешь? Разве что, вернуться в магазин, рассказать какой-нибудь смешной анекдот». Подтрунил над собой: «О Петрарка, ты ищешь свою Лауру!» И почувствовав, что нет никакой возможности изменить это течение мыслей и картины воображения, позвонил Николаю. Тот поднял трубку.

– Ты дома?

– Нет, в тайге, устроился старателем, вот сейчас сажу на речке, промываю песок и выбираю крупы золота. Где же я как не дома, если я отвечаю из своего аппарата? – Николай, как всегда, был не в меру ироничен.

Муслим засмеялся, он любил эти придирки Николая к своим логическим огрехам.

– Ты занят?

– Занят. Смотрю футбол. Германец прет на Польшу, уже два-ноль.

– В чью пользу?

– В пользу германца.

– Иду.

– Айнц, цвай, драй, – это у Николая означало: вход свободен.

Он вышел на площадку. Держа дверь настежь в свою квартиру, стоял Николай. Муслим вошел, сел в кресло и без интереса уткнулся в телевизор.

– Наталья, это Муслим, – прокричал Николай в кухню.

– Как хорошо, что ты пришел, мы собрались пить чай с малиновым вареньем, – выглянула из кухни Наталья.

– Так подавай все это, – сказал Николай.

Наталья прикатила небольшой столик, уставленный вареньем и печеньем в плетеной вазочке. Принесла себе стульчик, села, налила чай, подвинула чашечку к Муслиму и сказала:

– Мальчики, давайте чаевничать.

– Вид у тебя кавалерийский, видно, вдохновение посетило поэта, – оглядел Муслима Николай.

– Меня сегодня одна женщина обозвала Гитлером, – не отвечая Николаю и неожиданно для себя, сказал Муслим и даже в голове пролетело: «Я же не хотел это говорить, почему сказалось?»

– Ну? Забунташка или так себе? – спросил Николай, подняв одну бровь.

Муслим засмеялся, а потом ответил:

– Думаю, что забунташка.

– Думаешь, а ты что, не видел ее, из-за забора кричала?

– Да особенная, особенная, – снова засмеялся Муслим.

– Тогда о чем печаль? Да и что только не говорят они в наш адрес! Только ты скажи, где произошел конфликт?

– Какой там конфликт, никакого конфликта не было. Зашел в продуктовый

магазин, что на набережной, там были две продавщицы. И когда я вышел, одна вдогон: «А усы точь-в-точь, как у Гитлера», – и засмеялась звонким смехом, – сказал Муслим. Он утаил, что и в магазин зазвал его женский смех.

– Там Асма и Марьям работают, я знаю их, это мои приятельницы. А хохотунья Марьям.

– Твои приятельницы? – удивился Николай.

– А как же, Коля, кругом дефицит, надо же выходить из положения. Да и просто они мне нравятся, особенно Марьям. И красивая, и веселая.

Муслим весь внутри съежился и похолодел, он ждал продолжения. «Говори, говори, – кричало его сердце, – дай информацию, мужняя жена эта хохотунья или свободна?»

А Наталья продолжала:

– Да, и веселая, и красавица, а счастья не дал Бог, детей не дал. Два раза была замужем, и от обоих ушла по этой причине.

Пружина, сжимавшаяся сердце Муслима, ослабела, вместо холода в грудь ударила горячая волна. О ужас, хозяйка золотого смеха не замужем! Он залпом выпил весь чай. Наталья немножко удивленно поглядела на Муслима, но ничего не сказала и молча наполнила чашку... «Но которая, которая из двух хозяйка золотого смеха, черноглазая или голубоглазая?» – летело в голове Муслима. Как легко это было узнать, просто спросить у Натальи – и все. Но ни за какие богатства мира он не сделал бы это сейчас. Кто его знает, почему, но не сделал бы. Может, он хотел, чтобы это была голубоглазая, и боялся, что это может быть не так.

– Это Марьям обозвала тебя Гитлером, она хохотунья. Представляю, когда она заливалась смехом, как лучились ее голубые глаза!

Вот, вот она целебная информация! Значит, голубоглазая. Сердце вскрикнуло, выбежало из груди, оббежало квартал, вернулось и забилося вольно и радостно. Он залпом выпил и вторую чашку чая и встал. Наталья женским чутьем что-то уловила в состоянии Муслима, она смотрела пылливо. Но Николай, весь поглощенный футболом, ничего не заметил.

– Стой, ты куда, – вскричал он, когда Муслим встал. – Тебя слова этой шутницы расстроили? Да ерунда! Вот Наталья, твоя сестра, слово о слово потрется и начинает разворачивать Сунжу. Я ей: Наталья, ты творенье из одного моего ребра, а у меня их двадцать четыре. Не перечь. А она: то ребро, которое Бог взял у Адама, было золотое. Ева сотворена из золотого ребра Адама. Видишь, как они нас с любых позиций побивают камнями.

– Да нет, мне писать нужно.

– А-а, писать, тогда иди.

Войдя к себе, он быстро переоделся, сказал дочери, что прогуляется перед сном и вышел. «Вперед, Петрарка!» – подтрунил он над собой. А сердце кричало на весь мир: «Не мужняя жена! Не мужняя жена!» И тот арктический холод, в котором он пребывал от неизвестности, кто она, теперь заменился в нем теплом юга. Он скоро дошел до магазина и остановился против этого скромного одноэтажного социалистического здания, с зарешеченными окнами, с одной единственной лампочкой, горячей под козырьком над дверью. Но не было теперь для него в этом городе более величественного и красивого здания, чем этот скромный магазин, ведь в нем работала его Марьям, хозяйка золотого смеха. Долго стоял он против магазина. А когда шел берегом реки, то Сунжа, в сущности, небольшая река, казалась ему Волгой, Днепром, Дунаем, а точнее, Тихим океаном. Весь мир расширился и стал необъятным. И все равно он был меньше этого золотого смеха. Он пробродил почти до утра, созерцая пройденные дороги и мечты о будущей жизни. Когда поднялся к себе на площадку, пришлось долго звонить в дверь. Дочь, видимо, устала его ждать и уснула. Наконец дверь открылась и появилось заспанное лицо дочери.

– Я обдумывал один сюжет, – оправдываясь, сказал он.

– Я поняла, – ответила дочь, – тебе подогреть чай?

– Нет, дай только воды.

Когда с наслаждением вытянулся на диване, тут же уснул. Спал без сновидений, да по-другому и быть не могло, ведь для снов он ничего не оставил, все передумал, все перемечтал.

А вечером после ухода Муслима между Николаем и Натальей затеялся следующий разговор.

– Ты ничего не заметил?

– Заметил, третий гол в ворота Польши.

– Ах, Николай! Ну что в этом футболе? – с досадой проговорила Наталья.

– В футболе что? Детство! В футболе – детство. Кто смотрит футбол, тот смотрит свое детство. А кто не хочет смотреть свое детство? Все хотят. Все человечество. Кроме... – Николай не закончил мысль, а покрутил рукой над головой.

– Ну, хорошо, хорошо, смотри свое детство. Я про Муслима.

– Что о нем?

– Как он сидел, как он пил чай. Да он, по-моему, и не знал, что он пьет. И меня не видел, хоть и смотрел на меня.

– Думаешь, заболел? – тревожно спросил Николай.

– Нет, но что-то другое.

– Что-то другое. Он же писатель. Налетело, наверно, это... как это называется, вылетело из головы...

– Вдохновение, ты хочешь сказать?

– Да, да, это самое. Он всегда такой, когда на него налетает это самое – вдохновение.

– А по-моему, это что-то другое.

– Ну, если не то и не другое, а что-то третье, давай про это третье после футбола. Лады?

Через некоторое время Николай позвал:

– Наталья, бал окончен, германец одолел шляхту. Иди, расскажи свою сказку. Только, пожалуйста, сразу быка за рога, а не крути вдоль по набережной.

Наталья вошла в зал и, глядя на Николая, вздохнув, сказала:

– Беру быка за рога: Муслим влюблен.

Николай поднял бровь и спросил:

– В кого? В облака, в луну?

– Ах, Коля. С тобой так трудно говорить!

– Ну еще бы, я человек умный и требую всегда конкретики, а вы долго плетете миражи, пока скажете что-нибудь вразумительное.

– Он влюблен.

– В женщину? В забунташку?

– Но почему ты решила, что он влюблен?

– Мне сердце подсказывает.

– Ах, сердце. Да, сердце – объект серьезный, особенно женское, – улыбнулся Николай.

– Но вот посмотришь, что я права.

– Да если окажешься права, я эту красавицу, что разможила любовью сердце Муслима, посажу на плечи и пробегу вместе с ней три раза вокруг Грозного.

– Ох, Коля, но все сложно, жизнь сложна. Тут дети. Тамара хочет, чтобы Муслим вернул Зару. Дети хотят быть с родителями.

– Наталья! Наталья! – сурово повторил Николай. – Не причисляй эту идею, не ласкай ее с Зарой. Я видел вас на днях вместе, вы долго беседовали под кленом. Да если бы Муслим гулял там по Парижам, а она вышла бы замуж за другого, тогда можно было бы понять. Но где она была сердцем в тот день, когда Муслим и я, плывя на пароме через Каспий, насмерть бились с уголовной братвой, когда братва и мы, как звери, рвали друг друга? Где она была, когда я и Муслим, по воле этой кремлевской крысы, Ески, по вечной мерзлоте прокладывали железную дорогу, ведущую черт знает куда? Шашни разводила

с кем-то там. А теперь Муслим живет в хорошей квартире, на набережной Сунжи. Птичка хочет в теплое гнездо. Наталья, не лелей и не причесывай эту легенду. И я запрещаю тебе общаться с ней. Да, детей жалко, Тамару жалко. Но она уже взрослая и должна понимать, – Николай встал, – что у нас, у мужчин, – он ударил кулаком по груди, – вот тут, помимо прочего, еще есть и мужская честь. Наталья! – Вдруг Николай побледнел, приложил обе ладони к груди.

– Коля, Коля, – бросилась жена к нему, – сядь, сядь. Валидол, валидол, ой, где же он? – шарила она в шкафу. – Вот, нашла. – Наталья дала Николаю валидол и массировала ему грудь. – Не принимай ничего близко к сердцу. Успокойся.

Через минуту Николай сказал:

– Не принимать близко к сердцу? Как не принимать, если ничего мимо сердца не проходит в этом мире. Все бьют по сердцу, все норовят ударить по сердцу.

– Успокойся, успокойся.

– Да я уже спокоен. Только ты эту забунташку, если есть таковая, которая смутила сердце Муслима, найди, не откладывая в долгий ящик. Если б он женился, гора бы с плеч упала.

– И у меня тоже, – сказала Наталья и заплакала.

– Ты почему плачешь? – удивился Николай.

– Не знаю, так, все вместе, да и ты напугал, – ответила, продолжая всхлипывать, Наталья.

– Не пугайся, мотор иногда пошаливает, ничего, отремонтируем. С Муслимом разберись. Тебе он выдаст все тайны сердца.

– Хорошо, хорошо. Успокойся. Может, чаю тебе принести?

– Нет, не надо.

Первая мысль, когда проснулся, была: разведать все – кто она? чья? и т.д. «Но тут нужна женщина. Наталья – друг, но не знаток тонкостей чеченских родословных». Перебрал всех родственниц и всех отщелкал от памяти по разным психологическим и прочим причинам. «А, вот Бану...» Двоюродная сестра, серьезная и друг искренний. Но живет в селе. Это теперь, в начале третьего тысячелетия, можно с мобильного позвонить на луну и приказать: срочно доставьте в ресторан свежих овощей и рогатого черта в корзине веселить публику. А в начале шестидесятых живущего в селе можно было вызвать только цыганской почтой. Кто-то поехал, кто-то передал и т.д. «Да, именно Бану, через кого-то вызову», – решил он и прошел в ванную, долго стоял перед зеркалом, рассматривая свое лицо и особенно усы, на которые напала эта насмешница. Несколько раз подносил бритву, чтобы сбрить их, и каждый раз какое-то неясное чувство останавливало руку. «И до Гитлера носили такие усы», – сказал он себе и побрился, не трогая их. С «почтой» в село, к Бану, тоже решил повременить. Пожить в мечтах ведь тоже сладостно.

Он взял недельный отпуск. Мог и не брать отпуск, сказать, что работает дома, но взял, чтобы его не беспокоили телефонными звонками. И цель была одна: походы в магазин. И он стал ходить. Заходил в магазин, когда там накапливался народ, и становился в хвост очереди. Когда очередь подходила близко, покидал свое место и снова становился в хвост. Он готов был делать свои пустые рокировки хоть сто лет, лишь бы видеть ее, ее лицо, ее прекрасные глаза, ее руки, когда она подавала товар покупателям, формы ее тела, когда она иногда за чем-то шла в другой угол. Но однажды, на третий день с начала его походов в магазин, отвлеченный мыслями и вдруг пролившимся сильным дождем за окном, он прозевал свой верный ход, не заметил, что стоявшие впереди него покупатели отошли, и он оказался лицом к лицу с нею. Она глядела на него, как ему показалось, насмешливо и как будто еле сдерживала смех.

– Вам конфеты, ваши любимые? – спросила она. Он растерялся и от волнения не смог сказать ни да, ни нет. Она взяла газету, хотя на прилавке лежали и пакеты, свернула огромный кулек, наполнила его, чуть коснулась им весов и подала.

– Пожалуйста, ваши любимые. С вас десять рублей.

Он неловко, одной рукой прижимая кулек к груди, другой стал искать в карманах деньги. Наконец, уже вспотевший от волнения, нашел и подал двадцать пять рублей. Она дала сдачи. Но женщина, которая стояла за Муслимом, строго объявила Марьям:

– Вы взяли с гражданина лишние деньги, эти конфеты не стоят десяти рублей.

– Гражданочка, не беспокойтесь, это мой дядя, мы с ним как-нибудь разберемся. Говорите, вам что?

– Ах, дядя, ну тогда... – смущенно замяла речь правдолюбница. А Муслима это «дядя» больно хлестануло по сердцу. Кабы не это «дядя», он еще постоял бы в магазине, пока дождь не ослабел, но теперь он вышел под дождь и не побежал от него в укрытие, а ровным шагом прошел под второй клен и застыл под ним сиротой века. На сердце были только грусть и обида. «Дядя» летало в голове.

Через некоторое время под клен, спасаясь от дождя и шумно смеясь, забежали несколько девочек-пионерок. Той, что была ростом повыше своих подружек, он отдал кулек.

– Все? – удивилась девочка.

– Да, – сказал он, вышел из-под шатра клена под дождь и зашагал к дому, не слыша «спасибо», брошенное девочками ему вслед.

Дома переделся в теплый спортивный костюм и лег на диван лицом к стенке.

Какие мечты строил, когда узнал, что она свободна, что у нее нет детей. Мечтал о женском тепле, под крылом ее золотого смеха хотя бы подлечить побитое жизнью сердце. И писать, писать, писать. Возвести в литературе пусть не Эльбрус, ну хотя бы несколько скифских холмов, объективно описав боль и трагедию народа. А она – «это мой дядя». Какое одиночество! Он чувствовал себя как никогда одиноким. Сравнил себя с одиноким саксаулом в пустыне, к которому даже птица с поднебесья не слетает, потому что он совершенно одинок и в одиночестве своем никому неинтересен. Только одна ящерица на заре поутру вползает на верхушку, чтобы согреться в первых лучах солнца. Заплакал бы, но откуда взяться слезам в сухой, как пустыня, душе? И почему, почему не погиб в сталинских тюрьмах и лагерях? И почему не был сбит братвой в том далеком октябре с паромом в холодные воды Каспия?

«Дядя» – прошептал он, и было одно желание: закутаться в мантию Земли и больше не слышать ни голосов, ни звуков этого мира.

Да разве для себя хотел я жить и писать? Никогда! Ведь в моем сердце стояла и ее боль. Есть же и у нее боль. А она – «дядя».

Он смотрел на книги, стоявшие в шкафах. «Читал. Все перечитал, и что? Сухая теория, а древо жизни требует любви и счастья. И вот итог: у зайца больше хвоста, чем у меня счастья». И опять это чувство одиночества. Пустыня. И он сидит в этой пустыне рядом с одиноким саксаулом. И на него, путая его с саксаулом, взбирается на заре, чтобы согреться в первых лучах солнца, ящерица, тоже одинокая.

Два дня он лежал на диване, не читал, не писал, не брился.

– Папа, ты здоров? – спрашивала дочь Тамара.

– Здоров, не беспокойся, – отвечал он.

– Папа, ты от меня ничего не скрываешь? Если ты заболел... все говори.

– Я здоров.

– Значит, в тебе песня зреет, как выражаются поэты.

– Да, зреет песня, – улыбнулся он дочери.

На третий день утром он побрился, надел свой лучший костюм, синий, повязал лучший галстук, надел серую шляпу, темно-синий плащ и вышел на улицу. Он знал, что магазин открывается рано. Дорогой рассуждал воинственно: «Я войду в магазин, займу очередь, если есть народ, дойду до нее и холодным

голосом попрошу что-нибудь. Не важно что, но что приглянется. Четко отдам деньги... Ах, где они? – он искал, нашел деньги и положил их в передний карман. – Да, четко отдам деньги и выйду. Я покажу ей, что если это самое и подлетело к сердцу, то оно уже отлетело. И писатель с гитлеровскими усами больше не будет ее беспокоить».

Он вошел в магазин, была очередь, он встал в хвост и не смотрел туда, где была она. Он был уверен, что все сделает так, как задумал. Но получилось совсем по-другому, получилось, как получается в жизни, которая бьет теорию и в правое ухо, и в левое. Заметив его, она свернула, как и в тот раз, большой кулек из газеты, наполнила его.

– Извините, – сказала она ближайшей покупательнице, – я отпущу дядю, он у меня хворает в эти дни. – И подойдя через прилавок, протянула ему кулек. – Ваши любимые. Десять рублей.

Застигнутый врасплох, он опять растерялся, принял кулек и никак не мог отыскать деньги. Он забыл, что сунул их в передний карман, но вспомнил и отдал и вышел из магазина с чувством, что его просто насмешливо выгнали оттуда.

Он пришел домой, бросил кулек с конфетами на стол, переоделся, лег на диван и вслух сказал:

– Все, Петрарка, твои походы к Лауре завершены.

Он слышал, когда пришла дочь. Через некоторое время дочь сначала окликнула, потом постучалась и вошла в кабинет.

– Папа, спасибо за конфеты, мои любимые – «Птичье молоко». Но, папа, у тебя невеселое настроение, это видно по твоим глазам.

– Ты же сказала, что во мне зреет песня. Не спешит созреть, оттого, наверно, и грустен

– Если это что-то творческое, тогда твоя грусть – благо.

– Творческое, творческое, не беспокойся, поди, займись конфетами.

Тамара засмеялась.

– Ну, я им покажу. Я же сластена!

Муслим прекратил походы в магазин, а Наталья начала. Что Муслима взволновала женщина, а именно Марьям, обозвавшая его Гитлером, она поняла еще в тот вечер, когда он сам рассказывал про это. Несколько дней назад, заслышав, как хлопнула дверь и шаги Муслима по лестнице, она быстро оделась и вышла во двор, потом на набережную, и держалась в отдалении следом за Муслимом, который шел неспешной походкой впереди. Муслим дошел до магазина. «Все ясно и понятно», – с каким-то ликованием в сердце сказала Наталья себе и вернулась домой. В магазин она не вошла: «Взрослые – разберутся».

Но вот зашла Тамара.

– Тетя Наташа, папа что-то хандрит. Почти не ест, ничего не пишет, все лежит на диване. Допытывалась, не болеет ли, говорит, что нет. Но я чувствую, что он как-то внутренне изменился.

– Да ты не волнуйся, наверно, что-то обдумывает, новое произведение.

– Вы думаете? – спросила Тамара.

– Но раз не болеет, что другое может быть, как не это? – сказала Наталья.

Тамара ушла, а Наталья подумала: «Значит, там сорвалось». Наталья вспомнила час перерыва и пришла в магазин.

– Ой, здравствуй, Наташа, ты давно не заходила к нам.

– Здравствуй, здравствуй, Марьяша.

– У нас сейчас перерыв, пообедай с нами в закутке, – предложила Марьям.

– С радостью, спасибо, – согласилась Наталья.

В закутке был поставлен стул вместо стола, коробки вместо стульев. Но было уютно и радостно, потому что настроение у женщин было хорошее.

– Я сейчас к вам шла и встретила писателя Мадаева, – забросила крючок Наталья. – Лицо было очень печальное.

– Ха-ха-ха! Я тебе сейчас расскажу, как я его дважды опешила, – залилась своим смехом Марьям.

Но в это время в дверь черного хода постучали. Асма пошла открывать, вошли несколько женщин, это были родственницы из села.

– Приходи завтра, я тебе расскажу, эти до конца перерыва не уйдут, – шепнула Наталье Марьям.

Войдя к себе, Наталья крикнула:

– Коля, ты дома?

– Нет, в Париже, на набережной Сунжи.

– А ты хочешь увидеть ту, которая, как ты выражаешься, размозжила сердце Муслиму?

– Где она? – пошел навстречу Наталье Николай.

– Да не со мной, а через час ты можешь увидеть ее.

– Говори сразу, забунташка?

– Это ты сам решишь.

Через час Николай шел к магазину. А Наталья остановилась на набережной.

– Голубоглазая, на ней красное платье с черными цветами, – подсказала Наталья.

Через десять минут парадным шагом с сияющим лицом шел от магазина Николай. Он подошел к Наталье, крепко сжал ее локоть и торжественно объявил:

– Великолепная женщина! Брать надо. Немедленно брать! А то подлетит к магазину какой-нибудь дутый соцгерой и уведет. Потом ищи вторую такую... Век будешь искать – не найдешь. Брать надо. Немедленно брать. Пасть коршуном.

– Ну, Коля! Как ты говоришь о женщине? Брать, брать. Как о преступнице.

– А по правде, Наталья, все ваше племя преступное. Соблазнили Адама, и с тех пор весь этот ералаш и идет.

– А я думаю, все это позднее сочинение мужчин.

Николай от удивленья остановился, с минуту смотрел на Наталью, потом рассмеялся и сказал:

– Ишь ты, какие клыкастые мысли сидят в твоей голове, ты и студентам своим, читая лекции, говоришь их?

– Нет, я все оставила как есть. Бог разберется. – И вдруг добавила: – Коля, скажи, что я забунташка в седьмой степени.

– Ты, забунташка в семнадцатой степени, – рассеянно ответил Николай.

– Нет. Нет. Не надо так много, скажи, что я забунташка в седьмой степени.

Николай внимательно посмотрел на Наталью и сказал:

– Вот последнее откровение моего сердца. Ты забунташка в седьмой степени.

– И засмеялся.

– Коля, а знаешь, за что я тебя люблю?

– Не знаю. И не говори. Держи это в глубокой тайне. Только скажешь – все, труба, капут и прах. Все рассыплется. Подожди, мы для чего здесь? А ты увела меня в другую степь. Я сам займусь этим делом.

– Каким делом?

– Ну, вот этой самой Марьям. Я скажу ей... – волновался Николай, еще крепче сжимая локоть Натальи и почему-то ускоряя шаг.

– Ой, мне больно, отпусти локоть, – вскрикнула Наталья. – Что ты собираешься сказать Марьям?

– Все! Я скажу ей, что, и перекопав весь Северный Кавказ, второго Муслима она не найдет. А если заартачится и побежит в ущелье, арестую и приведу к Муслиму.

– Коля, о чем ты говоришь? Какой арест? Тут любовь.

– Ах, любовь, любовь. Огонь когда разгорается? Когда сложишь полена. Поженятся, и разгорится любовь. Не зря в старину говорили: стерпится – слюбится.

– Коля, оставь это дело мне, – сказала Наталья. Дальше Николай шел молча. Когда поднялись на площадку, у двери квартиры Муслима остановился, потер руки и сказал:

– А-а, попался, мустанг, – иногда в шутку Николай называл Муслима мустангом. А дома лег на диван и тихим голосом произнес: – Наталья, заплети в одну судьбу Муслима и Марьям. И, если это случится, какая гора спадет с моих плеч.

– И с моих тоже, – сказала Наталья.

– Ведь почему мы с тобой сидим здесь, в теплой квартире? Потому что в тот далекий октябрьский день на пароме рядом со мною оказался Муслим, который сам превратился в сверхзверя и в остальных вселил сверхзверей. Наталья, соедини их.

– Их, думаю, Бог уже соединил.

– Дай мне валидол.

На другой день в закутке магазина все и решилось. Сначала Марьям, заливаясь смехом, рассказывала Наталье, как она дважды «спешила с коня» писателя, вручая ему кульки. Потом как-то незаметно перешла на свою судьбу. Наталья узнала, что она в молодости заканчивала педагогический техникум, некоторое время работала учительницей, преподавала литературу и русский язык в школе. Потом вышла замуж.

– Работать по профессии не смогла, муж был столбовой, – сказала она и засмеялась.

– Что это значит – столбовой? – спросила Наталья.

– Старых правил. И второй муж был столбовой, – сказала Марьям. – Я бы, может быть, и жила с тем или с тем. У меня характер покладистый, но вот детей Бог не дал. Эту часть моей жизни ты знаешь. Я тебе как-то говорила. Ха-ха! Писатель. Я у него, я почувствовала, на примете. Как он теряется. Ну, эти поэты, дома жена, дети, а у этого, может быть, уже внуки, а они на стороне ищут зазнобушку для своих утех.

– Он не женат, – сказала Наталья.

– Как, откуда ты знаешь?

И Наталья коротко рассказала судьбу Муслима и кто для нее и для мужа Муслим.

– И ты на примете с того дня, как ты его обозвала Гитлером.

– Как? Да я его никогда не обзывала Гитлером.

– Ты же сказала ему вслед: а усы точь-в-точь, как у Гитлера. И конечно, закатилась своим смехом.

– И он слышал?

– Слышал. А я ему поведала, что ты не замужем. Вот вы и приехали на станцию.

– На какую станцию?

– На станцию судьбы.

– Это еще...

– Подожди, – положила руку на руку Марьям Наталья. – Ты можешь пойти ко мне сейчас. Асма, отпусти Марьям со мной на один час.

– Пожалуйста, я справлюсь, – ответила Асма.

И час, и два просидела Марьям у Натальи. Марьям сначала дурачилась.

– А пусть он меня украдет. Пусть подлетит, и обязательно на тачанке, к магазину, и сам пусть будет в бурке, папахе и с кинжалом на поясе. Пусть схватит и увезет. Я, Наталья, дважды очень серо, прозаично выходила замуж, а теперь хочу с помпой. Ха-ха-ха!

– Перестань, Марьям, какая тачанка, где он ее возьмет? Да и тот ли у него возраст?

– Он поэт, а другой поэт сказал: «Любви все возрасты покорны». Это значит, что, если кто любит, ему семнадцать лет, ну, или двадцать пять. Одним словом,

пусть увезет, налетев коршуном. Ха-ха-ха! Так и скажи ему. Ха-ха-ха! В бурке, папахе и с кинжалом на поясе. Ха-ха-ха!

– Посиди, я сейчас, – сказала Наталья, вышла на площадку и позвонила в дверь к Муслиму. Разумеется, Наталья не говорила Марьям, что Муслим живет на одной площадке с ними. Муслим открыл дверь.

– А, Наталья, заходи, – сказал он.

– Нет, это ты зайди ко мне, – сказала Наталья. Муслим послушно пошел за нею.

Он вошел в прихожую, потом направился в зал, ожидая встретить там Николая. И вдруг остановился как вкопанный: на диване сидела Марьям. Как поверить, разумеется, он не поверил, он принял ее за мираж. Он закрыл глаза, и когда он открыл их, увидел, что Марьям поднимается ему навстречу, тоже удивленная нежданной встрече. Ни он не приветствовал ее, ни она его. Они только смотрели друг другу в глаза. Она женским чутьем и духовным взором увидела его одиночество, его боль и печаль. И первое, что она почувствовала, – это острое чувство материнства, ей захотелось придти ему на помощь, подарить ему материнскую ласку, а он и хотел именно материнской ласки. Но, конечно, не сознавал этого теперь, потому что сердце его убежало, страшно оробев куда-то на небо, взорвалось там и разлетелось на осколки. «Да, да, он одинок, ужасно одинок, – пролетело в ее голове, – но ведь и я одинока, ужасно одинока. Я только внешне храбра. А ночью, в бездне тьмы, я трусиха и очень одинока». И поразительно, почти то же думал и он. «Если бы ты знала, хозяйка золотого смеха, как я одинок, как жестоко побито мое сердце жизнью, которая не поняла меня или я не понял ее. И как я искал тебя в этом мире, я искал тебя в тюрьмах, лагерях, в вечной мерзлоте, на орбитах всех звезд, на улицах городов и на вершинах Кавказа».

Долго длилось молчание. Они не проронили ни слова друг другу. И странное дело: тоже молча, с небывалым напряжением в теле стояла и Наталья. И она знала и даже слышала, о чем говорят их сердца. Наконец, Марьям тихо прошла в прихожую, долго обувала туфли, и когда она чуть наклонилась вперед, две крупные капли слез хлопнули об пол, и Муслим и Наталья услышали это.

– Мне когда быть готовой? – не оборачиваясь, тихо спросила Марьям. Муслиму показалось, что шар земной раскололся по экватору. Но и медлить с ответом, он почувствовал, было смерти подобно.

– Сегодня, – сказал он, не чувствуя, каким голосом говорит эти слова.

– Сегодня приедут к твоему отцу, завтра, – поправила Муслима Наталья. Наталья и Марьям вышли на площадку. Марьям сделала отрицательный жест, запрещающий Наталье провожать ее, и медленно стала спускаться по лестнице. Наталья стояла, пока не затихли шаги Марьям. Когда она снова вошла к себе, она увидела, что Муслим стоит на том же месте и смотрит на дверь, куда ушла Марьям.

– Садись, Муслим, – сказала Наталья, тот машинально сел.

Наталья опустила в кресло, и оба долго молчали.

А через час, когда Муслим, побыв у себя и не веря своему счастью, снова вернулся к Наталье, она заразительно смеялась и говорила:

– Ну что вы за существа, мужчины? С Чингисханами, Тамерланами, Наполеонами и Имамами рубитесь, бьетесь, на стены лезете, города берете, а приходит любовь, то есть мы, Евы, и вчерашние львы – просто воробьи. Бери вас и сажай в клетку. Мы, Евы, – сила, ха-ха-ха!

– Ты права, права, права, – говорил Муслим, который в нынешнем состоянии принял бы любое обвинение, даже гильотину. – Но скажи, что говорит твое сердце? Не раздумает она, будет она моей женой?

– Вас уже повенчали – Бог и я. Бог не раздумает и я тоже, – засмеялась Наталья. – Это не женщина. Это сокровище, верь мне, я хорошо разбираюсь в людях, – добавила Наталья.

– Верю, верю тебе, но еще не верю своему счастью, – вздохнул Муслим.

Муслим ушел организовывать делегацию к отцу Марьям, и вскоре вернулся Николай. Наталья рассказала все. Николай подошел к окну:

– Я ей буду таким братом, каким ни один брат не был своей сестре. – И долго стоял, глядя в окно, а потом добавил: – Бог создал людей, чтобы иногда видеть, как один кладет живот свой за други своя.

Наталья не поняла, к чему эти слова, но почему-то заплакала. Николай обернулся:

– Наталья, не плачь, ты настоящая забунташка. Ты, наконец, устроила в этом мире друга моего и своего брата, по его сердцу, – Николай подошел и положил руку на голову Наталье.

Отец Марьям, человек мудрый, сватам, прибывшим к нему, заявил:

– Я знал отца Муслима, хороший был человек, и Муслим – известный человек. Марьям правильно решает свою судьбу. И я не хочу противиться этому.

А на следующий день без тачанки, пулеметных и ружейных выстрелов, на такси, Наталья и Бану, которую Муслим вызвал по такому случаю к себе, привезли Марьям. Дочь Тамара объявила бунт и ушла к матери, сын Умар отнесся спокойно. Но через месяц Марьям нашла общий язык и с Тамарой. Велика была обаятельная сила этой женщины.

Наконец, судьба подарила Муслиму золотые годы. Марьям помогала творить, угадывала малейшее его желание. И часто в ночное время, глядя в звездное небо с балкона и после беседы с вечностью, он благодарил небо за Марьям. И у Николая, его единственного друга среди множества его знакомых, тоже все было хорошо. Так прошло почти десятилетие, золотое, как считал Муслим, десятилетие его жизни.

Но однажды у Николая случился инфаркт. Он отбил от первого удара подземных темных сил. Но через полгода его схватил второй инфаркт. Страстный правдолюбец, он рубил ее и дома, и на работе. Забывая, что падший мир, харц дуэне – лживый мир, по-чеченски, – не любит правду-матушку – ни правду-матушку его, Николая, ни правду-матушку самого Господа Бога. И часто вдохновенно и масштабно громит и топчет ее.

Была весна. В палате не было никого, кроме Николая, лежащего на высоких подушках, и Муслима, сидящего на стуле у его изголовья. И Николай говорил и спрашивал:

– Муслим, если бы не тюрьма, лагеря, кто бы мы с тобой были?

– Страшно даже подумать.

– Так что, страдания и муки во благо, что ли?

– Это кому как. Для иного страданье – бегство назад, в животный мир, для другого – бег вперед, к Богу.

– Для нас, конечно, дорога к Богу.

– К Богу.

– Тогда в следующем мире попросим для себя лагеря и тюрьмы.

– А если их там не будет? – засмеялся Муслим.

– Попросим построить, – слабо улыбнулся Николай, но две слезинки катились по его щекам. Муслим делал вид, что не замечает слез Николая.

– Да ты не делай вид, что не замечаешь моих слез. Смотри на них прямо. Это не слезы слабости. Это священные слезы. А почему они священные, не скажу тебе.

– Да я и так знаю, – сказал Муслим.

– Знаю, что знаешь, а потому и не говорю. Я тут прочитал в журнале, – перевел разговор Николай, – написано: в одной капле воды столько атомов, сколько капель воды в Средиземном море или травинки на всей нашей планете. А в нашей галактике 250 миллиардов звезд. А галактик, как наша, тоже миллиарды и миллиарды.

– В Махабхарате сказано: Брахман меньше самого меньшего и больше самого большего, но он все творит и всем управляет.

- Парадоксы.
- А мы с тобой, которые мыслим эти парадоксы, гораздо большие парадоксы, чем эти парадоксы, – улыбнулся Муслим.
- Да, верно.
- А еще говорят, что Бога нет, а есть Маркс, Энгельс, Ленин.
- Солнце над головой зажег нам Маркс.
- Да уж.
- Завтра не смогу прийти, у меня встреча со студентами.
- Что ты им скажешь, что Маркс врал?
- Конечно, нет, лишат насущного хлеба.
- А за это, за эту ложь кто ответит?
- Брахман, творец парадоксов. Ну, тот, кто поместил в одну каплю воды столько атомов, сколько капель воды в Средиземном море, – засмеялся Муслим. Засмеялся и Николай.
- Ладно, иди. Не мы с тобой ткали эти парадоксы и не мы с тобой их будем развязывать.
- Но на своей дороге мы были порядочными людьми.
- Вот с этим мы и придем к Богу, – сказал Николай.
- Завтра не смогу прийти, – повторил Муслим.
- Ничего. Придут забунташки, – он имел в виду Наталью и Марьям. – Будут складывать обвалившиеся стены моего сердца и доливать туда мужество. Стой! Какой я видел сон: голубое небо. Народ. Много народа. Впереди низкий зеленый холм. Над холмом синий шар. И голос из шара. Голос обращен к Марксу – он стоит впереди народа.
- А ну, иди сюда, борода. Ты там все долдонил, долдонил: Бога нет, Бога нет. А я кто, по-твоему. Отправьте его к проводникам.
- Какая-то сила подхватила Маркса и понесла в небо. А Маркс: Я... я... я... – и больше ничего сказать не может.
- Муслим чуть не взорвался смехом, но вспомнив, где он находится, придушил смех в груди, но продолжал смеяться упруго и длинно, иногда повторяя сквозь смех и слезы: «А ну, иди сюда, борода». Уборщица, заглянувшая в палату, увидев со спины трясущегося Муслима, решила, что тот плачет и побежала с этой вестью к дежурной сестре. Та прибежала и тоже решила, что Муслим плачет.
- Товарищ, товарищ, вы волнуете больного, ему нужен покой. Пожалуйста, покиньте палату.
- Но, взглядевшись, сестра поняла, что Муслим смеется.
- И смешить нельзя больного, – сказала сестра, – идите, идите.
- У двери Муслим обернулся.
- А что Бог? – спросил он.
- Голос из шара:
- «Вот дарю вам этот светлый мир. Любите друг друга. Сострадайте друг другу. И если хотите быть вечно молодыми, не грешите ни мыслями, ни словом, ни делами».
- Последние слова и сестра выслушала, собрав морщинку у переносицы. И совсем другим голосом уже сказала:
- Тут не место разным анекдотам, идите, идите, пожалуйста.
- Но не успел Муслим дойти до конца коридора, как его нагнала сестра.
- Он просит Вас вернуться на минуту. Только на минуту, пожалуйста.
- Когда Муслим вошел в палату, Николай, как-то странно глядя, спросил:
- Муслим, а не смешно цепляться за жизнь, когда она уже не цепляется за тебя?
- Ты это брось, – тревожно и строго проговорил Муслим. – Вспомни октябрь сорокового. Паром. Холодные свинцовые волны Каспия. И уголовную братву, бросившуюся на нас. Как мы с тобой в тот день держались за жизнь? Как звери. Так и теперь держись за нее. А к перевозчику Харону еще никто не опоздал.

Тебе не время к нему. Когда придет время, я тебе скажу, – улыбнулся Муслим. И непонятно, из каких ассоциаций, совсем не к месту вдруг добавил: – Я слышал, скоро твоим начальником будет Кириллов, – Николай не сразу отреагировал на его слова, но потом, как будто очнувшись от каких-то своих видений, ответил:

– Рожденный ползать доползет, дополз и этот. – И тут же как будто забыл эту информацию. – Иди, – ласково сказал он.

Муслим шел по коридору так быстро, как будто он убегал от величайшей опасности в жизни. Но быстрый топот ног, приближающийся к нему сзади, парализовал его, он остановился и ждал, не оборачиваясь, он почувствовал, что этот топот несет ему страшную весть.

– Вернитесь, – запыхавшимся голосом не крикнула, а прошептала незнакомая женщина в белом халате и побежала назад, и он побежал за ней. В палате вокруг койки Николая возился персонал. И он дважды услышал: «Обширный». А через некоторое время: «Все. Нет жизни».

Вселенная обвалилась на Муслима. Он не участвовал в движении внешнего мира. Он стоял и смотрел в окно на тополь, рядом с которым прямо в воздухе стоял Николай и улыбался ему.

Прошло три года.

Неделю назад рано утром он проснулся от глубокого толчка в теле.

«Сердце, что ли», – сразу сказал он и долго прислушивался к нему. «Как будто не сердце», – успокоил он себя. Полежав еще некоторое время в вакууме мышления, он стал думать о романе, который вдохновенно писал уже несколько месяцев. Однако скоро почувствовал, что у души нет никакого вкуса к роману. Это несколько удивило его, но он решил, что это равнодушие оттого, что он еще не вполне проснулся. Но и тогда, когда он после легкого завтрака вернулся в кабинет и взялся за черновик, ни одна искра к труду в душе не вспыхивала. Душа как будто перешла в другой план бытия. Что-то там у самого корня души и у самого корня сердца изменилось. Это был тревожный сигнал для многоопытного в мышлении человека. Но он не придал ему рокового значения. «Я устал. Просто накопилась усталость. Надо поехать в село, в горы, развеяться и набраться сил», – сказал он себе. Он лег и хотел забыться. Из этого ничего не получалось. Душа не хотела работать здесь и теперь, а стала лихорадочно перелистывать прошлое. Всплывали такие картины, которые он забыл и не помнил. Протекающая жизнь стала засасывать его сознание. Через неделю он не только не сопротивлялся новой работе души, но и сам, увлекаясь и любопытствуя, вызывал картины прошлых лет. Иные картины огорчали, за другие было стыдно, и тогда болезненное покаяние обкладывало сердце. Да, кто-то стремительно листал протекшие годы и дни. «О, сколько ошибок, сколько ошибок», – говорил он себе и думал, как многое, многое можно было сделать по-другому, масштабно и более человечно. А ведь душа человека больше царств и целых галактик, а люди живут узко, мелко, но почему, что ослепляет человеческие души? «И у меня – о, сколько ошибок, сколько ненужного совершил я». Нет, никак сознание не возвращалось на прежние круги.

В одно утро, проснувшись, он по привычке взглянул в окно и увидел на том берегу Сунжи белый фэтон. И возничий тоже был весь в белом и, как ни странно, в треугольной шляпе, тоже белой. И конь, впряженный в фэтон, тоже был белый. Никакого движения фэтон не делал. Муслим закрыл глаза и долго не открывал. А когда открыл, не увидел фэтона. Этому видению он не придал большого значения. «Мало ли миражей гуляет по свету, да и параллельные миры существуют, которые иногда всплывают в наш мир», – подумал он. Но в течение дня, а потом вечера фэтон иногда тревожил воображение.

Это же видение повторилось и на следующее утро, и на третье утро. Он ничего не сказал об этом Марьям, не хотел пугать ее. Но на четвертое утро

он не увидел белого фэтона, не видел его потом и неделю, и месяц, смутная тревога исчезла, но прежнего ритма в душе не было, она поднялась на большую орбиту и созерцала новые миры.

Месяца через полтора, проснувшись до зари, он поглядел в окно и опять увидел белый фэтон, тот неподвижно стоял. И вдруг слетел с неба крылатый белый конь. Он проскакал далеко вперед, вернулся к фэтону и стал позади него, и почти человеческими глазами, изогнув дугой шею, смотрел на Муслима. Потом, несколько раз побив копытом землю, длинно заржал. Муслим понял, что его зовут...

«Я искал большое слово и большие мысли. И кажется, нашел их и хотел отдать их людям. Но Бог, видимо, решил иное», – мелькнуло в сознании.

– Марьям, – позвал он.

Он слышал, как на его зов Марьям подошла к двери кабинета, но не обернулся к ней. Белый конь приворожил его.

– Марьям, мне подали белого коня, – сказал он.

Что-то упало на пол, раскололось на разные голоса. Он понял, что Марьям уронила тарелку, и она разлетелась на осколки. Но и на эти звуки он не обернулся: белый конь не отпускал, гипнотизировал.

– Марьям, мне подали белого коня, – повторил он.

– Нет, – вскрикнула Марьям и бросилась к нему. Но, посмотрев по направлению его взгляда в окно, увидела и белый фэтон, и белого коня. Белый конь заворожил и ее, она не могла проговорить ни слова, ни сделать какое-нибудь движение.

– Мне подали белого коня, – повторил Муслим. Но эти слова были обращены не к Марьям, а к кому-то другому, дальнему.

– Я забираю твой смех с собой на небо. А душа твоя взлетит ко мне позже. Спасибо тебе. За все. Будь мужественна. Все уходит. Вот и мне подали белого коня.

Он почувствовал, как по телу его прошли волны, сначала горячие, потом холодные. Вслед за этим он опустил голову на грудь. И тут же увидел, что его тело лежит на фэтоне, на высоком одре. Вокруг фэтона народ. Потом фэтон поехал в сопровождении этого люда через город, потом за городом, прибыл в его родное село: тело его опустили в могилу, накрыли вечным одеялом земли. Говорили хорошие речи о нем. И народ разошелся.

Вдруг под ним оказался крылатый белый конь. Он длинно заржал. В мгновение ока проскакал вершины Кавказа, взвился в небо и мимо луны, мимо солнца поскакал в те волшебные миры, которые он созерцал в минуты вдохновения и мечтал подарить человечеству.

Грозный, сентябрь 2013 г.

¹ Еська – от Йося (Иосиф Сталин).

² Калган (жарг.) – голова.

Абу Исмаилов**ЭДАЛ**

Драма в стихах (в двух частях)

Продолжение. Начало в № 9.

Действие происходит в одном из горных селений

Чечни в середине XVII века

Картина вторая

*Лесная поляна. Появляется Эдал.
Садится на траву
под сенью старой груши. Внезапно
вскакивает. Появляется Салихат с
кудалом и черпаком в руках.*

ЭДАЛ (*растерянно*):
Добрый вечер, незнакомая девушка,
Я случайно здесь оказался...

САЛИХАТ (*стыдливо*):
Живи с добром и в радости
беспечной.
Я тебя узнала – ты зазнался
И друга детства позабыл, конечно.

ЭДАЛ (*задумчиво*):
Пускай тяжел десятилетний камень,
Мы встрече с детством
бесконечно рады...
...О тех счастливых днях
одна лишь память.
...Моей подругою была...
дочь Ады...

Салихат! Правда иль во сне
Тебя я вижу? Объясни же мне.

САЛИХАТ: Пасли козлят
мы на поляне этой.
Ты помнишь свои вечные забавы?
Цветы мне приносил
в больших букетах –
Я их раскидывала в сочных травах.

ЭДАЛ (*в порыве*): Салихат!
Я тебя прошу
Этот сладкий сон не прерывать.

САЛИХАТ (*наполняя черпаком кудал*):
И горького немало хранит память:
Как сейчас, твою я вижу мать.

Нас она любила и боялась,
Как бы мы с тобою не расстались.

ЭДАЛ: Не надо, хватит раны
раздражать!

САЛИХАТ: Не хочешь,
я не буду вспоминать,
Если причиняю тебе боль.
Где находился ты все эти годы?

ЭДАЛ: Как только мать
мою похоронили,
Отец отправил к старому Наже
Меня, где целых десять лет растили
И где готовят доблестных мужей.
Сейчас с отцом живую
в родимой башне.

САЛИХАТ: Ты бледен весь
и, видимо, уставший.
Откуда и куда ты держишь путь?

ЭДАЛ: Поймет ли кто
боль моей души?
Три дня скитался я в седых горах
И грусть свою пытался заглушить
Охотой с кремневкою в руках.

САЛИХАТ (*нежно*):
Ах, чтобы за тебя мне умереть!
Мой горе-охотник, неужели
Пуля твоя зверя не догнала?

ЭДАЛ: Любовался я лесной косулей,
Утолявшей жажду
Чистой водой из родника.
Но, меня завидев,
с трепетным испугом
Скрылась в зарослях орешника она.

Появляются Кюйра и Тапа. Они слышат последние слова Эдала.

КЮЙРА (с ехидной улыбкой):
 Добрый вечер! Вашим сердцам
 Желаем скорей породниться.
 Просим позволить и нам
 Водой родниковой напиться...

*Салихат черпает воду
 и подает Кюйре.*

...Извините. Пусть, кто любит воду,
 И тебя полюбит...

*Кюйра пьет воду и возвращает
 черпак девушке.*

До свиданья... Да...
 За нижним бродом...
 Что за зверь нам встретился в пути?

ТАПА (удивленно):
 Их ведь сколько было. Ты о ком?

КЮЙРА: Кто на белом скакуне
 промчался,
 Скрывши лик
 под черным башлыком?

ТАПА: В целом табуне не затерялся б
 Мяхты-одиночки верный конь.

КЮЙРА: В то время когда
 некие охотники
 За козами следят на водопое,
 Лаская взор виденьями бесплодными,
 Могучий лев отважен и спокоен.
 Чего ему бояться?

Оба смеются и уходят.

САЛИХАТ: Не обращай внимания
 на них.

ЭДАЛ: Я знаю, что люди за глаза
 Ведут немало пересудов злых.
 И тут, конечно, не при чем коза,
 И долг свой осознаю, но часто
 Я просил Всевышнего, чтоб он
 Наши с Мяхтой не скрестил пути.

САЛИХАТ: Не могу советовать,
 прости.
 Хочу, чтоб был ты на людей похожим.

ЭДАЛ: Не могу, Салихат!
 Быть похожим на тех,

Кто, насытившись,
 голод совсем забывает.
 А голодным любого обидит, и грех
 Не хочет признать,
 к правоте призывает.
 Быть похожим на этих волков
 без стыда
 Не хочу, Салихат, никогда!
 Никогда!

Картина третья

*Двор Оздамира. Под навесом лежат
 войлочные ковры. На миндарах сидят
 Идарз, Абди и Оздамир. Жена
 Оздамира уносит посуду с едой.*

ИДАРЗ: Пусть благодать пребудет
 в этом доме!

ОЗДАМИР: Пусть в каждом доме
 селится она!

ИДАРЗ (немного помолчав):
 Я чувствую твою большую рану
 И разделяю тяжесть той утраты.
 Что делать? Рок свершился
 слишком рано.
 Но никому не миновать расплаты.
 Виновен Мяхта в том, что рядом был.
 Весь род его перед тобой в долгу.
 Они прислали нас: я верю клятве –
 Не верить, потому что не могу.

ОЗДАМИР: Идарз, я вижу,
 куда тянешь нить,
 И знаю, даже тысячею жертв
 Невозможно мертвых оживить,
 Потому что неизбежна смерть.
 Мне надо доживать свой век земной
 Среди людей, а их язык коварен.
 Вы оба, уважаемые мной,
 Вершите суд – я буду благодарен.

АБДИ: Когда их можно
 пригласить сюда?

ОЗДАМИР: Поговорим об этом
 тогда,
 Когда все станет более ясней,
 Я думаю, не надо торопиться.
 Что скажут люди за спиной моей?

ИДАРЗ: Оздамир, тот,
 кто душою честен,

Только добрым словом
тебя вспомнит.
А того, кто ржавчиной известен,
Даже слушать никогда не стоит.

ОЗДАМИР: Пусть будет так,
беря на душу грех,
Несчастному я дам свое прощение.
Но если подлость вдруг
всплывет наверх,
Ждет его жестокое отмщенье.

ИДАРЗ: Спасибо, Оздамир,
тебе за честь,
Которой одарил сегодня нас.
Нам к родственникам
Мяхты эту весть
Необходимо отнести сейчас.

Гости поднимаются. Хозяин тоже.

ОЗДАМИР: Чего мне эти
стоили слова,
Только лишь один Всевышний знает.
Пусть чужая злобная молва
Следующий день не омрачает.

ИДАРЗ: Да будет так.

Прощается.

ОЗДАМИР: Я провожу вас.

Все трое уходят.

*Появляется Эдал с седлом в руках.
Вешает сбрую на гвоздь. Взволнован
и расстроен.*

ЭДАЛ: Неужели, где правда
и ложь разбирая,
Ища свою цель в темноте, возле скал,
Я должен скитаться, всегда ощущая
Этого времени злобный оскал?

*Появляется Букари
на своей «кобылице».*

БУКАРШ: Иноходь хороша
у моей кобылицы,
Ее привезли из страны кабардинцев.

ЭДАЛ: Или отстал я от этих людей?
Поторопился походкой своей?
Я недоволен игрою их в прятки,

Что ясно ребенку – мне непонятно.

БУКАРШ: Чтoб не отстал ты –
здоровый ребенок,
Тебе кобылицы моей жеребенок.

*Подает ему короткую палку,
которую держит в руке.*

ЭДАЛ: Ровесники, девушки думают, я
Стал юродивым, даже отец
Мне не поможет. Был у меня
Друг лишь Нажа. Где он, наконец?

БУКАРШ: Нажу я считаю
кумиром своим.

ЭДАЛ: Но человек еще на свете есть,
Который и меня поймет, наверно.
Неспроста в смятении я весь...
Чувство это было непомерным.

БУКАРШ: За семью горами
Маьлх-Аьзни живет.

ЭДАЛ: Да, она на них и не похожа.
Не верится, что среди людей росла.
И нежный голос слух тревожит,
И взглядом мое сердце обожгла.

БУКАРШ: Надо это бы иметь в виду.

Уходит на своей «кобылице».

ЭДАЛ: Все мелкое теряет
смысл при ней –
– И светлых мыслей
рой вокруг кружится.

*Появляется Оздамир. Садится.
Помолчав, спрашивает.*

ОЗДАМИР: Так где же ты скитался
столько дней?
Что видел? В этом мире
что творится?

ЭДАЛ: Искал себя я
на звериных тропах.

ОЗДАМИР: Не встретил никого?

ЭДАЛ: Купца нездешнего
в лесу я повстречал.

ОЗДАМИР: Наверное,
как испуганный
Олень, ты от него бежал?

ЭДАЛ: Но почему?
Он шел своей дорогой.

ОЗДАМИР: С охраной?

ЭДАЛ: Нет. Он был один, с парой
Навьюченных мулов.

ОЗДАМИР: И что ты взял
на память у него?

ЭДАЛ: Не мог же я
огрбить человека!

ОЗДАМИР: А что они нас грабят,
ничего?

ЭДАЛ: Я должен их теперь
остановить?

ОЗДАМИР: Пусть ходят,
но за это платят дань.
Ты думаешь, что все богатство наше
Свалилось с неба в утреннюю рань?
Все, что имею, своды этих башен,
Богатство, уважение людей –
Добыл мечом я и рукой своей.

Выхватывает меч, висящий на ковре.

ЭДАЛ: Я должен был убить его
в тот час?
О люди, не могу понять я вас...

Опять появляется Букари.

БУКАРИШ: Если ты людей
понять не можешь,
Я тебе, наверно, помогу.

ОЗДАМИР: Для них лишь только
кулаки красивы,
Сердца людей не тронешь добротой.

ЭДАЛ: Знать, я должен был
жестоким силой
Все забрать, что нажил он с трудом?

БУКАРИШ: Я удачный миг
не упустил бы.

ОЗДАМИР: Скоро ты узнаешь
цену хлеба,
Тебе придется все же
спуститься с неба.
Ведь для того, чтобы не знать нужды,
Пустыми чаще ножны быть должны!

ЭДАЛ: О, если б боя избегал бы я,
Не удержал оружия в руках –
Мужчиной не считают пусть меня,
И пусть забудут
мой несчастный прах.
Но быть вором не говорите мне!

ОЗДАМИР: Молчать, щенки!
Ты слишком говорлив.
В кого ты уродился,
Я не знаю...

Картина четвертая

*Лесная поляна. Под старой грушей
сидят Кюйра и Тапа. Перед ними
лежат мешки и переметные сумы.
Торопливо вытаскивают они из них
ткани, посуду и делят между собой.*

ТАПА: И потомков наших разодеть
Можно будет этими шелками...

КЮЙРА: Нечего за них
душой болеть,
О себе заботятся пусть сами.

ТАПА: Видно, очень эта
ткань длинна...
Как ее разделим мы с тобой?

КЮЙРА: Тебе оставим тот
рулон сукна.
Этот же кусочек будет мой.

Кладет в мешок рулон шелка.

ТАПА: Несправедливость
ты творишь!

КЮЙРА (*хохочет*):
Ну ты загнул! А если бы не я
Возглавил дело, не ограбил
Того купца,
Ты даже этого бы не имел.

ТАПА: Ладно, ладно...
Продолжай лежать.

ТАПА: Отец твой и мать
Пусть прокляты будут,
Если ты не прекратишь
эти разговоры.

*Хватается за кинжал.
Но, обнаружив пустые ножны,
озирается кругом.*

КЮЙРА: Я сейчас исполосую тебя.

*С кинжалом Тапы в руках бросается
на него. Подбегает Эдал, хватая
его за руки и останавливает.*

КЮЙРА: Отпусти! Отпусти!
Будь проклят твой отец!

ЭДАЛ (*стискивает руку Кюйры, тот
роняет кинжал*):
Я так закрою
Ядовитый твой рот!

*Сильным ударом кулака откидывает
Кюйру. Тот ударяется головой об
дерево и медленно сползает на пол.
Тапа хватает свой кинжал и стоит
в ожиданье.*

ЭДАЛ: О чем вы спорите?
Откуда все это?
Несчастливого кого-то обобрали.

ТАПА: Это добыча. Купца растрясли.

ЭДАЛ: Кто дал вам право?

ТАПА: Какое там право?
В своем ты уме?

КЮЙРА (*приходя в себя*):
Знаешь что, юноша,
Не лезь, куда не просят.
А лучше отомсти
За кровь своего брата.

ЭДАЛ: Не твое это дело.
Я сам разберусь –
Убить его или в живых оставить.
Мне лучше знать.

КЮЙРА: Мы тоже сами
разберемся тут,
Нам не мешай и отправляйся в путь.

ЭДАЛ: Что с вами говорить...

Уходит.

КЮЙРА (*вдогонку*):
И знай – тропинки узкие в горах.

Садится, обращаясь к Тапе.

Иди сюда, ведь я же пошутил.

ТАПА: Такие шутки
не всегда умны...
...Кто-то, кажется, сюда идет.

*Оба встают. Появляется Усам.
Обводит взглядом вещи и садится
под деревом.*

УСАМ: Опять ребячеством занялись?
Спрячьте все и домой снесите.

*Кюйра и Тапа начинают
рассовывать вещи в мешки.*

Что оба здесь вы – это хорошо.
Слышал я трагическую новость.

*Оба внимательно слушают,
оставив свое дело.*

Говорят, что славный Оздамир
Простить собрался Яндара-убийцу.

ТАПА: Не вижу в этом
ничего плохого,
Известно ведь, что он не виноват.

УСАМ: Ты молод, веришь
каждому на слово.
А дело ведь касалось и тебя.

ТАПА: При чем тут я?

УСАМ: При том, что Яндар
так же, как и Мяхта,
В Салихат влюблен был безоглядно,
Которая, минуя оба этих дома,
Могла бы стать достойною снохой
В доме твоего отца Абди.

Тапа стоит, потупив взор.

УСАМ: Не отрекайся, знаю, что и ты

О ней мечтал с такой же
пылкой страстью.
А если Мяхту Оздамир простит,
Тебе придется с той мечтой
расстаться.

КЮЙРА: Но что же делать?
Подскажи, отец.

УСАМ: Доказать, что Мяхта
из-за ревности
Друга и соперника убил.

КЮЙРА: Этого не видел ведь никто.

УСАМ: Но могли ведь видеть!
И очевидцем мог быть сам Тапа.
Решайся, счастье не давай в обиду.
Ведет к нему лишь узкая тропа.

ТАПА: На подлость никогда
я не пойду.

УСАМ: И будешь вечно
пожинать нужду.

КЮЙРА: Что делать?
Я для друга постараюсь.

УСАМ: В тот день вы оба
были на охоте
И Мяхту вместе с Яндаром застали,
Вы слышали решительный их спор
И видели, как Яндара в упор
Мяхта застрелил. Теперь все ясно?

КЮЙРА: Да, отец.
Мы можем подтвердить.

УСАМ: Наконец-то!
Будет все прекрасно.
Эдал тогда кровника убьет.
И Тапа невесту обретет,
Не опасаясь никаких врагов.
А теперь домой скорей идите
И эту правду всюду разнесите.

*Тапа и Кюйра берут мешки
и скрываются.*

УСАМ (*протирая руки*):
Ну, родственник мой дальний,
Оздамир.
Готовься пожинать кровавый пир.

Отважный Мяхта Эдала прикончит,
И тем подрежет Оздамира корень.
Очаг его погаснет. Самому
Ему недолго дней прожить осталось.
Я, как сосед и родственник его,
Наследником единственным

лишь буду,
Того богатства. А его забудут...
...Мяхта и Тапа врагами станут...
А дальше... дальше –
поживем, увидим...

Абди ведь тоже не богат сынами:
Один Тапа... и больше никого.
...А у меня их – семеро сынов.
И в каждом моя яростная кровь!

Картина пятая

*В башне Оздамира. Хозяин в
раздумье сидит на войлочном ковре.
Слышен гул голосов. Входят Идарз и
Абди. Оздамир встает.*

ИДАРЗ: Оздамир! Прошу
в последний раз,
Ведь мы не дети – прожили свое.
О будущем заботиться сейчас
Мы должны. И, уважая нас,
Себя, людей и оставляя право
Для мирной жизни, ты прости его.
Не надо крови! Ждет тебя толпа,
Стоя на коленях. Выходи!

ОЗДАМИР: О, как себя обманом
превозмочь
И чище стать, оправданным толпою?
Боль сердца и души сомненья –
прочь!
Иди Идарз – я следом за тобою.

Почти врывается Усам. Он бледен.

УСАМ (*расставив руки*):
Оздамир! Постой!

ОЗДАМИР: Что случилось?
Ты бледен весь.

УСАМ: Несу я тебе печальную весть.

ОЗДАМИР: Неужели печальнее
дни меня ждут?
Я думал – одна только смерть
Осталась врагом у меня.

УСАМ: Садитесь, все сейчас я
объясню.
Абди, ты тоже здесь? Я рад,
Что наши с тобой дружат сыновья.

АБДИ: В них общего не больше,
чем у нас с тобой.
И мне не очень льстит такая дружба.
Ну что там у тебя? Говори.

УСАМ: Я торопился,
чтоб предупредить
Это безрассудное прощенье.
Мой брат, не можешь ты
его простить!

ОЗДАМИР: Сквозь боль
пришел я к этому решению.

ИДАРЗ: Я думаю, не надо повторять
Одно и то же. Кончим это дело.

УСАМ: Как хочешь, Оздамир,
свое я сделал.
Тебя предупредил: решай теперь.
Но перед правдой не закроешь дверь –
Яндар был убит коварным Мяхтой
Не случайно. В ревности слепой,
В зависти и в малодушье
Он поскупился честью, дружбой
И из-за девушки убил его.

АБДИ: Все это ложь, Усам,
Как можешь ты
Разносчиком быть грязной клеветы?!

УСАМ: Твой сын, Тапа,
тому свидетель был,
Как Мяхта в лесу Яндара убил.

Открывает дверь и кричит.

Сюда идите оба, расскажите,
Как все произошло!

Входят Кюйра и Тапа.

ОЗДАМИР (*грозно*):
Говорите!

КЮЙРА: (*с наглым видом*)
Мы с ним в тот день
охотиться пошли
И на лесной поляне возле груши
Услышали мы голоса людей.

Это были Яндар и Мяхта.
И спорили они о какой-то
Девушке Салихат.
Яндар был спокоен.
Мяхта резко выхватил ружье
И выстрелил в упор...

ОЗДАМИР: Что...о-о... Вон отсюда!
Все! Все!..

ИДАРЗ: Это ложь!
Тапа, ты видел это?

*Тапа молчит, потупив взгляд. Абди
поднимает свой посох и бьет им по
голове сына.*

АБДИ: Вон отсюда,
негодяй паршивый.

Тапа выбегает из комнаты.

...Оздамир, все это только ложь!
...Усам, ты стар и тебе не стыдно?
О Боже, что же в мире происходит?!

ИДАРЗ: Ты, Оздамир,
не веришь этой лжи?
Забудь об этом, выходи со мною.
И людям свое слово сам скажи.

ОЗДАМИР: Вот, чего всегда боялся я.
Идарз! Абди! Вы видите сегодня.
Не могу то слово я сказать.
И верить никому я не могу.
Мой сын убит и дух его взывает,
Чтоб мог в глаза я людям посмотреть,
Убить врага, и всех нас оправдает
Только Мяхты смерть, только смерть!

Перевод с чеченского автора

Продолжение следует.

Гочдар

Екатерина Габашвили

Екатерина Габашвили йина 1815-чу шарахь Гори-гIалахь. Тбилисехь, гIалин училище чекхъяьккхина. Цул тIаьхьа Гори-гIалахь хьехархочун болх бина. 1871 шарахь дуьйна шен дерриг дахар литературан дIа ло. Произведенеш: «Тамара теяр», «Дидихевехь безаман марзо», «Ворданчий ойла-наш». Кхелхина 1938 шарахь.

Тинин хелхар

Дийцар

I

Ноябрь бутт, везчу Гиоргин де. Вуно шийла ю. Iа доьлла дацахь а, амма цуьнан геланчо – кIацо – шурул-кIайн йина Зедашени юрт.

Шело дегIах чекхийолу, стаг чебаво, сихдойту, куьйгаш чета а доьхкина дан Iемина, гуьржичун болар. ХIора цIийнан тхов тIехула ирх оьхуш бу кIур. Малх, дегабам бина нускал санна, мархашна тIехьа дIалечкьина, цунна хIуьттаренна массара а це латийна, цIарна хьалха мукъане а жимма вохвала.

Ерриге эвлахь а цхьа Тимин кхерчахь яц це, цуьнан цхьаннан кIентан бераш ду сенделла, зарзделлачу юргIанех а хьаьрчина, шийлачу кхерча хьалха мацалла, берзан кIезий санна, цIийзаш Iаш.

– Шелделла, баба, тхо, шелделла! Баьпкан юьхк мукъана лохьа.

ХIун дийр ду мискачу Тинас? Мичара тардийр ду дечиг, хьаьнга йоьхур ю баьпкан юьхк? Хьанна тIегIур ю, хьаьнга доккхур ду орца? КIордийна хIара лулахошна а, цIарна алу йоьхуш, нехан ков-керташкахула чIеш лехьош. Мосазза дов дина, кхуо, кертах даха а дахий, серий дIакхоьхьу бохуш, ткъа кемсашна доьгIна хьокхий деза къа хилла кхунах хьаьрчина дукха хан ю.

Бакьду, яьшки чохь масех кана хиллал ахьар-м ду, амма бепиг муха доттур ду? ХIара шолгIа де ду Тина ладоьгIуш Iа: лулахойх цхьамма кхаллар дотту пеш латор яцар техьа бохуш – царел тIаьхьа мукъана а масех хьокхам батта. Мичара! Массара хьалхе деттина дезчу денна бепиг, цундела цхьана а хIуманна саготта бац хIинца.

– Декъачу ченийн цIов бан, я коьллаш яха хьуьнах яха ницкъ мукъана белахьара. Цхьана ханна кхачо хир яра, – шабарш до Тинас. – Давелла диссарг, дог ду-кха сагатдеш, настарш ю аьлларг ца деш, пхьаьрсаш охьадаханчуьра хьаладахийта а ца ло. Цкъацкъа тохало дог, хорам бо легашна, хIан, хIинца-м чекхдели шадерриг, аьлла, хобгуйтуш! Балано тIаьхьхьара ницкъ а дIабаьккхина. НеIалт хуьлда хьуна, нус, хIара кегий бераш суна, кIелейисинчу йоккхачу стагана а кхиссина, ша маре яхана, эхь дицделла.

– Баьпкан юьхк лохьа, баба, баьпкан цхьа цуьрг! – цIогIаране дехарш до бераша.

– Везан Дела! ХIун де техьа ас, муьлхачу хи чу эькха-те со? – доIане мохь болу Тинин кийрара. – ДIо элашна тIеяха а карх ца дели, церан ялхошна гIодийр дара ас – Гиоргий вина де даздеш бу уьш, хьеший богIур бу. Цхьа шикхо шай доккхур дара, цхьажимма дечиг доьхур дара. ХIокху сайн дагца ломан боьххье а муха ер яра со? Детталуш ду-кха чIогIа.

– Баба, бепиг лохьа!

– Везан Дела! ДIаэцахь сан са, яккхяхь со кху балех хьалха! – амал дайначу

глийлачу озаца доьху Тинас Лекхачуьнга. Ур-аттала, берашна а хаабелира цуьнгахь бала, уьш кхин а члогла делха хлиттира.

– Хлунда, баба, хлунда? Оха хлун дийр ду хьо ца хилча? Тлаккха тхуна юург хьан йийр ю?

Цеххьана элан кертара схьахезира хьеший длакхойкхуш самукьанечу зурманан аз. Иза Иблисан глалдахначу делакажарца дийкира кху мискачу хлусамехь, мещачу берийн цийзарна оьглазечу кхардаман озаца жоп луш даьржира.

И абзнаш хезча Тинина цхьаь дагадеанчух тера дара, цуьнан можачу, чичикьа яханчу юьхь тлехула елакьажар хьаьдира. Дуьненах догдиллинчу дагчохь дегайовхонан сирла злаьнар кхерстира, цунна керла ницкь луш.

Текьамаш совцийра Тинас, хьалаглаьтира, юьхь-марш йилира, месаш длахуьлира, кога пазаташ юьйхира, цул тлехьа тиша тударгаш. Зурманан аз долчу аглор новкьа елира.

Элан доккха ков-керт дика лекхачу гу тлехь дара. Даккхий синош дохуш, хьуьхйоьлла, хала длатекхара. Цуьнан иэсо хьалха оьхура кьегинчу басаршца кечдина исбаьхьа сурт, – цо тидам ца бора хьере детталучу деган, шок етгачу саделаран. Иза ерриге мерзачу дагалецамийн йийсаре яханера.

Кьеналлина бляьрса эшначу цуьнан бляьргаш чохь цлеран суйнаш кьегира, лаьттан баса йирзина цуьнан юьхь алонан басахь йогура, тлехьевлина балдаш делладелира, чукхетта, багахь цхьа а церг йоцу бат елаелира.

– Эх1, хлинца мичахь ю тохарлера зама! – доккха садольура декьазчу Тинас. – Нийсса шовзткьа шо даьлла хлетгахь дуьйна, амма шерра дагадоглу и де, селхана хилла долуш санна. Вуьшта, муха дицлур дара иза суна? Цул дика цхьа а хлума ца гина сан бляьргашна. Тхан керлачу хьоладас ден ков-керт, шордеш, басар хьаькхна кьагош циндинера. Иза хлинца а циггахь лаьтташ ду, шен локхаллера Чартулан лине бляьрг а бетгаш. Дика стаг вара иза. Кьеначу иэсо хлинца дагалоьцу и хьолада, комаьрша доккха ловзар а хлоттийра – дикачу тайпанах йолу сов хаза йол ялийнера цо. Бакьду, оцу дийнахь иштта шийла а яцара, ноябран шелонаш тлехьхкинехь а. Ловзарга, элий боцурш, ворх1 эвлара ахархой а кхайкхинера. Со марехь йолу цхьа шо дара. Эх1, зама я1, со яцара, ткьа, тайна йол?! Суна тлехь яра некхан ваза тлехь цлен бустамаш а долуш дарин баьццара коч, юкьах шуьйра доьхка, ахальцихахоша бина тляьрсканан цлен клархаш. Вукхарна юкьахь со, дешин тлулг санна кьаьсташ яра, леро схьалоьцуш дерг цхьаь дара: «Дала сийдойла хьан ден-ненан!» – ткьа со, петламанатан зезаг санна, цийлора. Тлаккха цеххьана марненан аз деара:

– Гайтал вайн нускална мехкарийн хелхар!

Тхо а чудахкийтира кегий нах болчу. Корта охьа а бахийтина, нехан баккьашна тлехьа ддалечкьина лаьттара со, ткьа кхечу эвлашкара мехкарий шайн тоба а йина лара. Тхуна тлехьа бара марда а, марнана а, ханна бакхий зударий а. Вотанан тата делира. Рог1-роглана, цхьацца йолуш, гона юкьа дуьйлора тхо а.

Сан раг1 тлехьечира. Настарш егон юьйлира, дог тохаделира, ткьа юьхь шаерриг цле летта йогуш яра. Хлун дийр дара аса? Гона юкьаелира, корта лоха охьабохуьйтуш, массо аглор куьйгаш дласа а дахийтина, ког шаршийра. Массо аглор маьхьарий дуьйлора: «Машшалла я1! Машшалла я1», – бохуш. Пондарчаша сихйира йиш, кхин а члогла детта долиьра тлараш. Цул тляьхьа айса хлун дира дага ца доглу суна. Со метта еара марнана сайга кхайкхича: «Схьалахьаде ахча. Иза хьуна совлат ду. Дикачу нахана баркалла а ала».

Лаьттахь лохкура жлар тлехь йолу ялх-ворх1 шай, ткьа гуьржийн шовзткьаэппазнаш мел дара!..

Циггахь хедира Тинин самукьане дагалецамаш: иза хала синош а дохуш, цийнан неларехь лаьтгаш яра. «Хлара хлун ду суна хилларг? Иштта сан дог

цкъа а деттаделла ма дац, х1инцца садукълур ма ду сан-м, пхъарс меттахъаба а ца ло, пхенашкахъ ц1ий шеллуш ду. Ма хан йоцуш т1екхочуш доллу-кха сан т1аьхъара де. Ткъа бераш? Везан Дела! Царех х1ун хир ду?»

Сенъелла Тина, схъалелха дохкучу б1аьргашца, керарчу г1ожах а тевжина, чохъаволучу ламин терхи т1ехъ хиъна Iара. Даго хьохура герга г1ерташ Iожалла хилар, кхераелла, дерриге дег1 дегадора. Гонах цхъа а са а дац. Верриге самукъано яккхинчу чохъ вара, дууш-молуш, я дууш-молуш болчаьрга хьуйсуш Iаш.

Ехха лаьттира Тина дахарний, Iожалний юккъе тоьхначу зилехъ. Эххар а дог детталучуьра сецира, пхъаьрсашкара лазарш д1адевлира, цаьрца цхъаьна д1абелира Iожаллах кхерам. Меллаша чохъа а яьлла, ялхойн тобанна юкъаийра Тина.

II

Даарша саттийна ду шаннаш! Вайх, вайн ширачу г1иллакхехъ, г1овг1ане а, самукъане а! Комаьрша, доггаха шун х1оттийна х1усамда, векхавелла, малх санна, хьогамечу безамца гуош туьйсуш, чот йина цаваллал дукхачу хьешашна, берриге цхъаьна а, ша-ша а тайп-тайпанчу даарех чам баккха д1акхойкхуш, хъаьддий-веддий ву. Цхъана маьл1ехъ д1айолало к1еда-аьхна хаза йиш, вукхузахъа – дехна-г1орг1а «х1арий-х1арало». Стаг цхъана меттехъ хиъна ца Iалуш, когаш к1амлуш, кхин а доккха самукъане, дезачу т1ег1ане даьлла той.

– Х1ей, Иосеб, хелхаран йиш д1алакхяхъа! – мохъ туьйхира цхъамма.

Хьеший шайн-шайн меттара хъалалилхира. Дерриге изделира. Даарх йобттина хилла стоьлаш, х1инцца т1ехъ берзальной яьжна аьлла хетало, юьстах уьйзира. Массо д1асаволавелла, велавелла, забарш еш вара. Ц1еххъана бийкира хелхаран юкъа кхойкхуш пондаран мукъам.

Сихха бинчу гона юкъахъ нисвелира цхъа тайна жима къонаха. Аьрзуно т1емаш санна, д1асадаржийра цо шен онда куьйгаш, товш охъабахийтира корта, т1аккха, шен дерриге дег1 дегош, т1ома вала санна, ши куьйг д1асалестош, гуонехъ когаш шаршийра. Шен хаза Iаьржа б1аьргаш мехкаршка кьерзабора цо, х1оккхул хаза кхоьллинчу царех муьлха къастор яра-те ша, муьлха кхойкхур яра-те шеца хелхаяла, бохуш.

Залан д1айиллинчу неIарехъ гулбелла дуккха а ялхой, багош а г1овттийна, хьоладайша доккхачу самукъане, б1аьргаш кьерзош Iаш бара. Царна юкъахъ гуш дара ахархойн масех боьха чоа. Ткъа божарийн баккъашна т1ехъара эхъе схъахуьйсура миска зударий. Ц1еххъана, тобанах схъа а къаьстина, хъалхяхъа, д1айолаелира къена Тина. Керара глаж соне д1а а х1оттийна, когара тударгаш д1аса а кхисина, цхъана пазаташца, к1антана юххе а яхана, хелхарна ког шаршийра цо. Хьешаша г1овг1а эккхийтира. Бес-бесарчу духаршлахъ, коча кечбелла хьолахойн йоIарий, акъ а г1уш, бийлабелира. Ц1ийндена, воьхна, ша х1ун дан деза ца хаьара – ялхошка х1ара беркъа, эхъ доцу йоккха стаг аракхоссийта я, массара санна, вела а воьлуш, мохъ бета?

Ткъа Тина-м, х1умма а ца гуш, я х1умма а ца хилча санна, куьйгаш шуьйра д1аса а дахийтина, корта лаккха хъала а айьина, балдаш т1етт1а а гулдина, «давлури» хелхаран бал д1ахьош яра. Юкъ-кара охъа а лахлора, ширачу заманахъ санна. Шех б1обулуш волу тайна жима къонаха ца вуьйхира. Тишачу, йомеша къуьйлучу кучах йолчу йоккхачу стагаца хелхавалар эхъе ца хийтира цунна. Массара эккхийтинчу г1овг1ано оьглазвахийтинчу цо, т1етт1а шовкъе йохура шен исбаьхъа йоI, цуьннан г1одаюкьехула шуьйра даржадой куьйгаш д1аса а дохуьйтуш. Цуьнга безам бахана волуш санна, озачу, Iожалле можа бос тоьхначу Тинин юьхъ т1ера цо д1а ца дохура шен делакъежа б1аьргаш.

Чуьйраш а лаяцна, хьерабевлча санна, буьйлура хьеший, ткъа йо ларий бляргех хиш оьхура, божарша пенаш а дегош тлараш, маьхьарий деттара. Къайллаха, безачу хьешех дла а ийна, цхьацца хабаршка бевлла лара ялхой а. Цлеххьана йокккха стаг сацаелира. Гонаха блярг кхарстийра, куьйгаш шуьйра дласа а дохуьйтуш, доккха са а даьккхина, цленкъя охьякхийтира. Пондар сецира. Маьхьарий детта божарий а, мехкарий а, оцу акчачу сурто ладийна, длатийра. Хьере самукъадалар тийналлин лнчу дижира.

Цленкъяхь, къарзинчу бляргашца, куьйгаш шуьйра дласа а дахийтина луьллура деглера йовхо длайолуш шеллуш йолу Тина. Жларьяханчу цо, хьажа тамехь доцчу шен дерриге деглаца, гулбеллачийн дегнаш чу эхь доссийра. Цхьана а озо, цхьаннан а боларо метак ца доккхура и инзаре сурт.

– Баба, баба, хьо боккъала елла? Ткъа тхо хьан дузор ду? – схьахезира ладочу тийналлехь, тлаккха дерзина, шелоно сендина, бабига ладегла клордийна хьаьдда деана зала чу иккхина жима ши бер, делхаран маьхьарца шелделлачу деглах хьарчира. Ирча сурт дара иза. Жимма хьалха чохь хлоьттина хилла тийналла массеран белхаро юкбах яьккхира... Минот, ши минот хьалха беларо глэдбахийтина хиллачу наха хлинца боккъала блярхиш легадора.

– СагIина хIума лойша байшна, – кхайкхам бира цхьаммо.

Дог доьхначу хьешаша, бумаьштигашна чу а кхийдаш, комаьршша сагIа делира. Дала жоп делла хилла Тинин доIанна. Иза даимна паргIатъелира, ткъа цуьнан тIаьхьарчу хелхаро байшна баьпкан юьхк еара.

Гуьржийн маттера – МАРГОШВИЛИ Султан

Поэзи

Ца лаъа

Дика делахь олхазар, шен бешахь дека,
Дика велахь къонаха шен махкахь веа,
Цунна оьшуш ца хуьлу генара зурма,
Цо Даймохк ца хуьйцу

дуьненан рицкъах.

Боху соь Европехь хаза ду вехаш,
Америка ю боху инзаре ехаш,
Хьо цига д'аваг'ахь хира ву хьо вехаш,
Дуьйцу соь доттаг'ачо хийра мохк
марзбеш.

Ца лаъа Европе д'авеъна ваха,
Эшац Америка шен бахамашца,
Вог'ур ву хьшалг'а со шух
б'аьрг тоха,

Амма Даймохк д'атесна,
вог'ур вац ваха.

Бита лур бац соьга хьо,
сан Нана-Даймохк,

Мел къаьхьа хиларх хьо,
сан кхоллам, кхузахь,

Валанза ца ваьлла со гена ваьллехь,
Сагатдо ас хьуна, бери нанна санна,
Дала-ц б'аьргашчуьра

суна хьан сург' д'а.

Хама бо ас Даймехкан,
хастам бо Далла,

Хьо сайна баларна, нохчо со хиларна,
Дай баьхначу латта т'ехь, ваха йиш хиларна,

Со велча цуьнан кийра
верза йиш хиларна.

Ца лаъа Европехь ц'е йоцуш ваха,
Ца лаъа ненан мотт, бицбина байа,

Ца лаъа Даймахкахь каш доцуш вала,
Велча а лаъа суна цуьнан кийрахь Илла!

Малика Хамидова

Терк

1

Ахь човха ма делахь,
Чов хилла дог сан.
Хаалахь, дог эца йоцийла нана,
Да воцийла хаалахь яла дагана токхо
Нийса дош алалахь,
Яккхалахь новкъа.

2

Хаа суна, кхаьрдар дац
Добьначу дагах хьо,
Деган г'айг'а хьайга йийца
Хир ду хьо тешаме.
Ден метта да вина,
Йина хьобх нана,
Сайн дог хьоб делхадеш
Лаятта со х'инца.

3

Ахь кхоа ма белахь
Син кчаца цунна.
Дитта т'ера г'а санна
Ц'хьалха ду дог сан.
Ахь нахе йийцахь хьайн деган г'айг'а
Уьш дагахь кхаьрда хьох.
Букътоьхча – буьйлу.
Де тоьлла волчунна
Елайо церг' цара.
Де эшна хеталахь,
Хьобшу, некь санна.
Амма хьобца ю нийсо,
Добналлах дуьзна ду
И хууш еъна со хьобх дага яла
Хаа суна, хьайн ц'еначу дагах
Ахь, сан дог дуьстина,
Нийса дерг эр ду соь,
Йоккхур ю новкъа.

4

Сан дайша хьо лоруш даимна хилла,
Къонахчун васт дуьстух
цара хьобца хилла,

Лам санна собаре,
Лом санна майра,
Шуьйра бу хьан кийра
Тарбан са бала.

Муса Бухадиев**Нохчала**

Хьалхарчу Азера, Месопотамера,
 Тигран, Евфратан шеларшна юккьера,
 Цу шема-шумеран сийначу арара
 Адаман бераш ду, нохчий ду тхо!
 Элчанан умматах, ИбрахIман миллатах,
 Нохь-пайхамаран цIийнах, хурритийн орамах,
 Евзачу арара, бакъ болчу элех,
 Нохчалла ларийна, нохчий ду тхо!
 АллахI ша цхьаь винчех,
 Вайн Элча бакъ винчех,
 Устазаш лобручех,
 Нохчаллин новкъа тIехь, нохчий ду тхо!
 Нохь-пайхамаран цIарах цIе хоьгтинчу къоман,
 Цу цIеран сий лардеш, синош ца кхойна,
 Эзарнаш шерашкахь изъ-бехк ца дайина,
 Нохчалла совгIат долуш нохчий ду тхо!
 Кавказан лямнашка Дала ша далийна,
 Дуьненчохь массарел исбаьхьа мохк белла,
 И ларбан, къам лардан доьналла а делла,
 Дзурдзукаш, нахаш ду, нохчий ду тхо!
 Гергарло хуьгтучех,
 Хьаша-да лоручех,
 Харцо ловр йоцучех,
 Нохчаллин невкъа тIехь, нохчий ду тхо!
 Бакьонца, нийсонца доттагIий хиндераш,
 Машаре кхойкхучохь машаре догIудерш,
 ТIамций бен некъ бацахь, и некъ тIелоцуберш,
 Нохчала ца хуьйцуш, нохчий ду тхо!
 Адаман, Хьаван а берашна, адамашна,
 Дуьненчохь зуламца гIон доцу, ца дахна,
 Изъ-иман, Делера дуй хууш, лардина,
 Нохчаллин невкъа тIехь, нохчий ду тхо!
 Ден-ненан сий дечех,
 Йиша-ваша дезачех,
 Доьзалан дай долучех,
 Нохчалла сийлахь йолуш, нохчий ду тхо!
 Иманца, Исламца, собарца, гIиллакхца,
 Лерамца, тешамца, марзонца, безамца
 Лууш ду даха тхо дуьненчохь массаьрца,
 Адаман бераш ду, нохчий ду тхо!
 Дуьненахь, эхартахь, нийсачу невкъа тIехь
 Яхьаш тхайн кIайн йолуш, Къематан дийнахь
 Тхайна Хьо везачех, Хьайна тхо дезачех
 Дехьа тхо, я АллахI, цхьаь волу Эла!

VI Совещание молодых писателей Северного Кавказа**Молодые литераторы встретились в Грозном**

Начиная с 2008 года Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ (г. Москва) при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и литературных журналов «Арион», «Вайнах», «Вопросы литературы», «Дарьял», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Нева», «Октябрь», Интернет-издания «Пролог» проводит Совещания молодых писателей Северного Кавказа. Эти творческие встречи прошли последовательно в городе Нальчик Кабардино-Балкарии, в живописном горном ущелье Лаго-Наки в Адыгее, в изумительном по красоте горно-лыжном

курорте Домбай Карачаево-Черкесии, в строгих и суровых горах Цей Северной Осетии, на берегу Каспия в Дагестане.

Эстафету в этом году принял красавец Грозный, который как раз прихорашивался ко Дню города. 6-е Совещание молодых писателей состоялось с 21 по 25 сентября в высотном комплексе гостиницы «Грозный-сити». По конкурсу творческих работ рецензентами, в качестве которых Фонд СЭИП привлекает известных в России литературных критиков, прозаиков и поэтов, было отобрано 26 участников из всех республик Северного Кавказа.

На протяжении 4-х дней ребята активно обсуждали произведения друг друга в мастер-классах поэзии, прозы и литературной критики. Внимательно выслушивали мнения авторитетных руководителей – О. Ермолаевой, поэта, редактора отдела поэзии журнала «Знамя» (достаточно сказать, что в этой должности Ольга Юрьевна работает с 1978 года и через ее редакторские правки прошла целая плеяда выдающихся поэтов, вот лишь некоторые имена: Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Булат Окуджава, Бэла Ахмадулина, Кайсын Кулиев, Расул Гамзатов), Е. Ермолина, 1-го заместителя самого популярного за границей и любимого в России русского литжурнала «Континент», критика, искусствоведа, члена жюри ведущих литературных премий России – «Большая книга» и др., Л. Довлеткиреевой – литературоведа, заместителя главного редактора журнала «Вайнах», доцента Чеченского госуниверситета. Порой обсуждение доходило до высшей точки кипения, как на мастер-классе поэзии, где не все молодые поэты были готовы к столь «въедливому» анализу своих творений.

В перерывах между творческим «разбором полетов» проходили круглые столы по проблемам художественного перевода, северокавказской литературы, встречи с чеченской интеллигенцией и московскими гостями, презентация сборника молодых писателей нашего региона «Вкус айвы» (составитель – Л. Довлеткиреева), вышедшего в Москве. Программа была насыщенной, если не сказать загруженной. И все же молодые литераторы не могли уехать, не посмотрев города: вечерняя прогулка в парковой зоне мечети «Сердце Чечни» произвела на них самое приятное впечатление, а обзорная экскурсия по залам Национального музея расширила представление об истории и культуре чеченцев. Многие просили президента Фонда СЭИП С. Филатова в следующий раз выкроить в тесной череде мероприятий время для более широкого ознакомления с местом проведения Совещания.

По итогам 6-го Совещания четверо участников приглашены на Всероссийский форум молодых писателей в подмосковный пансионат Липки – Хава Гагаева (ЧР), Жанна Аппаева (КБР) в поэзии и Фатима Хубиева (КЧР), Алексей Козловцев (КБР) в прозе. Кстати, по итогам общего конкурса, на этот форум уже были отобраны трое литераторов – Кристина Елекоева (РСО-Алания) в поэзии и Адам Салаханов, Ася Умарова (ЧР) в прозе. Произведения ряда участников грозненского Совещания рекомендованы руководителями мастер-классов для публикации в сборнике «Новые имена», который выйдет в Москве после липкинских встреч.

Ну а мы сегодня представляем некоторые из них в нашем журнале, который и отвечал за прием гостей и выступил в качестве организатора этого важного в культурной жизни Северного Кавказа мероприятия в Грозном. Курировали Совещание от ЧР 1-ый замредактора «Вайнаха» Л. Довлеткиреева и редактор отдела прозы С. Алиев.

Благодарим за поддержку Правительство ЧР, председателя Парламента ЧР Д. Абдурахманова, Министерство ЧР по национальной политике, внешним связям, печати и информации.

Фото С. Алиева

VI Собрание молодых писателей Северного Кавказа**Насрудин Ярычев**
Чеченская Республика

Родился в 1983 году. Живет в Грозном. Окончил факультет социальной работы, педагогики и психологии ФГОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» (г. Москва). Доцент кафедры педагогики и психологии, заведующий кафедрой педагогики и психологии ГБОУ ВПО «Чеченский государственный институт повышения квалификации работников образования». Автор двух сборников стихотворений: «Мысли гранита» (Самара, 2003), «Мерцающий пепел» (Москва, 2010); автор 3 монографий и более 146 научных и учебно-методических работ; лауреат Всероссийской независимой литературной премии «Лира» имени О. Мандельштама.

Поэты*Александр Пушкину*

Пылает жизнь, покрытая запретом...
И плотский холод требует тепла.
Идут на плаху жертвенно поэты,
Сложив свои мятежные крыла.

И для себя они не ищут славы.
О, их удел – сражаться до конца!
Лишь им дано пророческое право –
Глаголом жечь остывшие сердца!

О мир слепой, и нежный, и суровый!
О слух людской, охваченный огнем!
Прислушайся к их благодному слову,
Что стало эхом будущих времен.

Скрежешут камни, усмиряя стены,
И древо судеб тлеет и горит.
А их сердца, как прежде, неизменно
Чуть слышным пульсом
бьются о гранит.

Они для нас, как высшее мерило –
Людских утрат и совести людской.
И души их – таинственная сила,
Что тщетно ищут призрачный покой.

Их плоть и кровь
с невежеством боролись
И были тенью в немощем миру.
Они отчизны утомленный голос,
Что призывает к правде и добру.

Их каждый вздох залечивает раны!
О сколько в них тревоги и потерь!

Бунтует век раскосый и упрямый,
И ветер бдит, как ветхая свирель!

Порыв

Тугой рукой захлопнув грозно дверь,
Шепчу себе, что клятву не нарушу!
И все иду по тропам, где потерь
Жестокий молох надрезает душу.

Тяжелый шаг! Знакомый мне тупик!
Высоким телом взывшая ограда.
Чего же ждет мой обозленный лик,
Лишенный воли, смежности,
пощады?!

Поникшим взором, шурясь,
вдаль гляжу!
И ропот мглы вдыхаю
полной грудью.
О суд земной! Я боле не сужу!
Моей утробе непокорны судьи!

Задетая, уходит мысль в пике!
Дрожит гортань, пропитанная силой.
Бессильный меч сомкнут в моей руке,
Что нынче вьется
немощим мерилом.

И грудь крошит негаданный удар!
И мой удел уже никто не кличет.
Я смерти жду – как таинство и дар!
О как ее призыв стал мне привычен!

И чем унять сей вымысел судьбы,
И как задобрить натиск повелений?!

Нет! Року мало воплей и мольбы,
Когда клубятся над главою тени!

И сходит с уст молитвенная песнь!
К чему теперь невежество заката?
Развеял ветер вызревшую спесь,
И я лежу, поверженный расплатой!

• ***

Так тяжело казаться одиноким
И ничего от жизни не хотеть!
Идти путем забытым и далеким,
Где тленный запах источает смерть.

Смеюсь невежей грозным
и счастливым!
Но нету сил отчаянно дышать.
Дрожит стопа, простертая пугливо,
Сквозь страх которой
суждено шагать.

К чему теперь победы... и удачи...
Надежды свет, взошедший, все кру-
ша,
Когда весь смысл таинства растрочен
И бьется птицей немощной душа?

Давит горло...

Давит горло липкая простуда.
Легкий вздох почти неуловим.
Кем я завтра в этой жизни буду,
Доживу ль или пройду, как дым?

Гложет слух расколотое эхо,
Кружит птицей медный листопад.
Труден путь! Вослед иду успеху,
Как незрячий нищий наугад.

Вьются нимбом выжженные тени,
Трепет мышц разбилась и утих.
Не боюсь ни бед, ни поражений!
Знаю, право, что нельзя без них.

В этом смысл я черпаю мутный
И иных щедрот давно не жду!
Стал мне ветер недругом попутным,
Взмахом крыл суля во всем беду!

Тщетно бьюсь холодными руками,
Хрящ груди уже совсем остыл.
Ходит тенью хищный Мураками,
Словно век мучительный прожил!

Мнется лик, воспрявший исподлобья.
И глаза – две млечные звезды.
Жду свой час! Он, может,
право, пробил,
Словно плод, созрев из пустоты!

Бродят вещие сны...

Бродят вещие сны по чаще!
Сладким ядом истек изумруд!
О, как немощен рев щемящий,
Диким хрустом поправший грудь!
Я иду по заросшим тропам:
Древней тайной вздыхает след!
Морщит ноздри сырая копоть,
Славя привкус былых побед!

Все застыло в безмолвной дреме,
Хищным взглядом горят огни,
Кружит туча над ветхим домом,
В долгий путь провожая дни.

О, как трудно с судьбой тягаться
(Все предписано долгим сном!)
Ночи сдобой сырой ложатся,
Словно машут тугим крылом.

Все по краю! (боюсь разбиться!)
Вешним взглядом парит беда!
Так хочу быть бескрылой птицей
И растечь, как течет слюда!

Жажду мести всему, что было,
И смеюсь, и томлю оскал,
Таят снегом весенним силы
(Я, как жертва, бессильно пал).

Тише! Тише! Молчи, живое!
Солнце щедро объяло высь.
Мякоть сердца стучит и ноет,
Будто снова разбита жизнь.

Не ходите ко мне, о други!
(Я от взоров чужих устал)
Нынче я одинок в округе,
Словно тихий, пустой вокзал.

VI Совещение молодых писателей Северного Кавказа**Айгюн Мамедова**

Республика Дагестан

Пишет прозу на русском языке в жанре рассказа и эссе. Живет в Дербенте Республики Дагестан. Студентка 4 курса русского отделения филологического факультета Дагестанского государственного университета. Принимала участие в V Совещении молодых писателей Северного Кавказа (Махачкала-2012).

**Стежки-дорожки,
или Путешествие
по родным местам**

У каждого из нас есть такой уголок на земле, куда мы – по разным причинам – возвращаемся снова и снова. Или там живут близкие люди, или с этим местом связано что-то важное, поворотное в жизни. Для меня таким местом стало родовое село с необычным названием Икра, куда на летние каникулы отправляют своих чад родители к дедушкам и бабушкам, как это принято у нас в Дагестане. Поэтому сегодня я приглашаю вас в путешествие по родным краям, где прошли мое детство и юность.

Каждое лето я езжу гостить к деду. Он живет в селе Икра Курахского района. О довольно странном названии я поведаю чуть позже. Для начала расскажу, как добираться до села. С Северной автостанции города Дербента каждый день отъезжают две маршрутки. Всего маршруток три, но они чередуются. Хуже всего, если попадешь к Исабегу. Это мужчина лет шестидесяти, шутник и душа компании. Когда я была маленькой и играла с братьями и сестрами на роднике, он любил шутить насчет монеты на дороге, которую никто не замечал, кроме него. Мы кидались искать денежку, которой на самом деле не было, а он хохотал...

Исабег не только шутник, но и человек, всегда готовый прийти на помощь. Тем, кто удобно устроился в салоне маршрутки, это доставляет множество хлопот, потому что по пути в село водитель подбирает всех, кто на дороге махнет рукой, так что внутри яблоку негде упасть. Мало того, что ты прижат со всех сторон и тебе жарко, так ты еще вынужден слушать допотопные мелодии на азербайджанском или лезгинском языке, которые он включает, и под завывание певицы хохотать над его шутками, бросаемыми невзначай через плечо. Тем не менее собеседники у него находятся: Исабег разговорит даже молчуна. В общем-то, такой расклад не устраивает только городских пассажиров, сельчане же не прочь поболтать в пути, послушать музыку, посмеяться над его шутками, познакомиться с теми, кого он подбирает на дороге и на прощание пожать руку каждому новому знакомому.

Водители всех трех маршруток непременно остановятся в Касумкенте, потому что в этом районном центре большой рынок и самая лучшая пекарня. Толпа из машины вываливается на площадь и разбредается минут на десять кто куда. Потом все вновь садятся на места: кто на сидения, кто на раскладные стульчики, кто и вовсе стоит, согнувшись в три погибели. Так мы и едем до самого конца.

Из окна открывается изумительный пейзаж: крутые склоны гор, полянки, бурная речушка, несущая свои мутные воды невесть куда, старые мосты, отары овец, небольшие села. Если повезет и ты усядешься у окна, то не пропустишь старого еврейского кладбища и полуобвалившейся синагоги без стекол в проемах окон и без дверей. Кстати, этой синагоге много лет. Местами у стен черный цвет, а местами строение будто проваливается в землю. Помимо дверей и окон,

здесь нет и крыши, а внутри все давным-давно заросло крапивой так, что даже не подступишься. Дедушка говорит, что трогать синагогу нельзя: разрушать место, где на протяжении многих лет молились люди, – грех. Синагога и старое кладбище находятся рядом с селом Араг. Араг – это заброшенное село Сулейман-Стальского района. Раньше там жили горские евреи и лезгины. Но теперь евреи разъехались, да и лезгины переселились после землетрясения. В Араге всего несколько домов, а вокруг синагоги вечно бегаёт пес, который лает и отпугивает непрошенных гостей. Если выйти из машины и посмотреть вниз, то может zakружиться голова. Там, внизу – быстрая река, скалы и колчугие кустарники. Туда ведет узкая дорожка, так что если захочешь спуститься, то почувствуешь, будто идешь по самому краю, с трудом балансируя над пропастью...

Проехав мост, маршрутка наконец оказывается в пределах села Икра. Коренные жители называют свое село Кири. Кириар в переводе на русский язык – плоды облепихи. Раньше здесь ее было много, теперь же практически не осталось. Но позже село переименовали в Икра, правда, по каким причинам – никто не знает. Могу лишь сказать, что икрой здесь и не пахнет. Поэтому официальное название так и не прижилось, хотя существует на картах и бумаге.

Село от земель для сенокоса отделяет большая бурная река Курах-чай. Она течет через весь Курахский район. Когда я была маленькой, мы с сестрами решили сходить на рыбалку. Сами понимаете, какие из нас рыбаки? Самодельные удочки, которые мы кое-как смастерили из подручных предметов, полудохлые червячки в консервной банке, кривые иголки вместо крючков... Рыбу мы поймать так и не смогли, хотя очень хотели. Но тут вдруг улыбнулась удача: в этот день на реке был соседский мальчишка. Он дал нам непонятно откуда взятую сушеную рыбешку. Мы, счастливые, забыв о неудачах рыбной ловли, вернулись домой и сказали пришедшей вечером тете, что мы – первоклассные рыбаки. Тетя, как я сейчас понимаю, притворно удивилась, обрадовалась, сказала, что хочет непременно попробовать рыбку. Однако наш обман длился недолго. Пришел мой старший брат – заядлый рыбак – и сразу сказал, что невозможно поймать рыбу и так быстро ее высушить. Родственники, которые совсем недавно восторгались нашей рыбой, еще долго вспоминали обман и подшучивали над нами, не говоря уже о соседском мальчике, подсунувшем нам ее.

Первое, на что обращаешь внимание, когда въезжаешь в село, – большое двухэтажное здание. Это будущий Дом торжеств. Обычно люди играют свадьбу у себя дома, танцуют во дворе, там же и едят, накрыв длинные столы. А ночью – снова танцы. Подобные танцы в ночное время называют демер. Демер устраивают на небольшой площадке возле магазинов. Ставят навес для танцующих и певцов, скамейки. Где-то к девяти часам вечера приходят люди. Кто садится, кто стоит. Образуется круг из девушек, женщин и детей. Мужчины стоят в стороне, они редко садятся. Иногда на демер приезжают ребята из других сел, что не совсем нравится местным парням. Мужчины подходят к музыкантам, заказывают песню, входят в круг и приглашают женщин. Одна из самых популярных песен – это песня «Кайфуюем!». Ее заказывают чаще всего. У ребят есть одна привычка: они входят в круг и очень долго бродят под музыку, почесывая лбы и подбородки, напрягая зрение в поисках красивой девушки. Найдя понравившуюся, машут рукой, приглашая на танец. Девушки же стоят, переминаясь с ноги на ногу, томительно ожидая, что рукой покажут именно на них, и тогда счастливица выйдет, пробираясь сквозь толпу, к тому, кто ждет ее...

Впрочем, недостроенное здание Дома торжеств остается позади, а мы движемся по главной дороге, которая поднимается вверх, в горы. Дома здесь стоят по обе стороны от нее: одни – ближе к реке, другие – к горам. Есть здесь и годекан, который сельчане называют кролкой. Думаю, что произошло это название от слова «караулка», переделанного на лезгинский лад кролкой. Это небольшое место, где стоят несколько скамеек под навесом. Туда приходят мужчины, старики. Там они разговаривают, обсуждают последние новости. Рядом с кролкой – остановка в виде каменного построения с табличкой «Икра». Одну из стен

его разрисовал мой дальний родственник из Москвы. Несколько лет назад он увлекался граффити. В село к своей бабушке он приехал с баллончиками краски и разукрасил стену остановки. Теперь рисунок и разноцветными буквами написанное «Икра» видны за версту.

Надо сказать, что село наше делится на верхнюю и нижнюю часть. В верхнюю часть ведут две дороги: можно пройти по дороге, ведущей к кролке, через свалку и выйти к роднику; а можно пройти по асфальтированной дороге и тоже выйти к роднику. Будучи маленькой, я предпочитала дорогу, узкую, заросшую высокой травой. По одну ее сторону – ущелье, которое местные жители и превратили в свалку, а по другую – высится большой двухэтажный мрачный дом, окна которого всегда закрыты.

Наша маршрутка проезжает и мимо дома моего дяди. Дом серого цвета с зелеными воротами. Чтобы пройти в большой сад, где у него созревают яблоки, груши, вишня, разбит палисадник и даже находится собственная небольшая пасека, нужно пересечь двор. Двор привели в порядок где-то год назад, когда неожиданно нагрянули сваты к его единственной дочке. Дядя решил выложить двор белым камнем. Волокиты было много. Смешных случаев еще больше. Он нанял рабочих, которые должны были привезти камень. Среди них был и Расим, которого за глаза сельчане называли Дьяволом. Стояла невыносимая жара, и уставшие рабочие выгружали белый камень. Мимо них проходила соседка, старуха лет восьмидесяти (местный долгожитель). Старуху эту в селе недолюбливают, потому что она известная скандалистка. Увидев груду камней, она обратилась с вопросом к Расиму-Дьяволу, по-бабы восклицая:

– Ву, ву! И къванер гьиниз я?¹

Расим-Дьявол был не в духе, его угнетали жара, усталость, да и время обеда близилось. Он посмотрел на старуху и выпалил:

– Ви сурол!² – и зловеще улыбнулся.

Старуха вмиг растерялась, не зная, что и ответить. Губы ее задрожали, будто она хотела заплакать или что-то сказать, однако она в страхе попятилась от Расима-Дьявола, повернулась и ушла к себе домой. Не удивлюсь, если они с тех пор больше не разговаривают...

Если подниматься постоянно вверх и останавливаться у каждого дома, то можно узнать, к примеру, что есть здесь и дом, который ограбил местный вор. Вора зовут Зумрад. Сам он, когда кому-нибудь представляется, говорит: «Я – Зумрад, погоняло – Меченый». Зумрад не похож на обычных воров, которые занимаются этим ремеслом, чтобы нажиться. Зумрад любит воровать, как любой другой любил бы, например, читать, слушать музыку или смотреть телевизор по вечерам. Любит он также находиться в тюрьме, как любой другой любил бы, например, возвращаться после долгого рабочего дня домой или уезжать в месяц отпуска на тропические острова. Он ворует вещи не особо ценные, а потому через определенный срок вновь и вновь возвращается в тюрьму. Все полицейские знают его. Недавно произошла какая-то путаница с приговором, и Зумраду за очередной грабеж дали условное наказание. Но позже, как оказалось, решение изменилось, и Зумрада должны были посадить. Полицейские нагрянули к воришке домой, где их встретила его мать.

– Странно, что вы пришли. Зумрад домой ничего не приносил, – сказала его мама с улыбкой. Люди в погонах все ей объяснили. Пришел Зумрад. Когда ему рассказали, зачем они пришли, тот кинулся их обнимать:

– Гьагь, чан стхаяр! Гьагь, чан стхаяр!³

А ведь раньше Зумрад был нормальным, как все. Он занимался починкой обуви. Но где-то к тридцати годам его будто переклинило. Теперь он постоянно либо ворует, либо сидит в тюрьме, напевая к месту и не совсем «Долю воровскую...»

Рядом с домом дяди – дом моего дедушки, белый, одноэтажный. Не буду добавлять что-то еще о нем. Лучше я расскажу вам о любимых песнях деда. Когда у него хорошее настроение, он поет старую-старую песню на лезгинском языке:

Вун сегънедин хъана билбил,
 Акъатна вун адад Суьльгъуьят.
 Мад манияр лагъ Суьльгъуьят,
 Галукъайла ви ширин сес
 Ачух жеда зи рикъин гъевес.⁴

Вообще, дедушка обожает петь. Всегда что-то напевает себе под нос. В детстве, когда мы приезжали к нему в гости, он готовил нам завтраки, обеды и ужины. А мы целыми днями играли на улице или во дворе. И вот, готовя нам что-то, он всегда напевал:

Красная розочка, красная розочка.
 Как нашего соседа доченька...

В прошлом году моя двоюродная сестра выходила замуж. Родители ее суетились, гости ели, пили, музыка играла. Все ждали жениха. Как и положено, наняли человека с камерой, который «ловил» людей, чтобы те пожелали что-нибудь хорошее новобрачным. Дедушка вместо пожелания спел ту самую песню – «Вун сегънедин хъана билбил...» – о девушке по имени Сульгият.

Песни любит не только мой дедушка, но и мать моего дяди, которую зовут Султанханум. Ей уже давно за восемьдесят. Но она все помнит и очень любит рассказывать всякие истории из своей жизни. Любит и петь. Недавно она вспоминала песню, которую раньше пели на свадьбах, когда жених ехал за невестой:

Загъадур загъ
 Бала Мирзегъа
 Баджи ваз къурбан
 Гада Мирзегъа.

В песне говорится о женихе по имени Мирзегъа и невесте по имени Баджи. Вообще, Султанханум любит свадебные песни, любит внимание со стороны слушателей, любит вспоминать былое время, свою молодость и людей из своего окружения. Сейчас поют совсем другие песни. Ее внук, мой младший двоюродный брат, как-то за завтраком что-то напевал себе под нос, а я, занятая своим делом, все никак не улавливала слов песни. Но вот в какой-то миг брат, забывшись, запел громче, и вот какими оказались слова: «Если деньги есть, то девушка придет...». Возможно, просто меняются ценности и интересы. И если раньше человека волновала внешняя и внутренняя красота, то нынче все упирается в деньги... Но, думаю, и у подобного правила есть свои хорошие исключения...

Конечно, я могла бы рассказать о многих людях из моего села, заглядывая в их дома, знакома с их жизнью, и, возможно, я это и сделаю, но как-нибудь в следующий раз.

Сейчас лучше идти дальше, подняться вверх по дороге, минуя школу, и остановиться у кладбища. В селе два кладбища: старое и новое. Старое кладбище давно уже заросло крапивой, редко встретишь могильные камни с именем усопшего, чаще – лишь торчащие то тут, то там почерневшие неровные камни на безымянных могилах. Правда, встречаются и сравнительно свежие могилы с черными мраморными плитами у изголовья. Если идти вглубь, то можно найти совсем старые могилы. Несколько лет назад сильные дожди размыли почву, образовалось небольшое углубление из щебенки рядом с кладбищем. В этом месте стали обнажаться могилы. В одно время дети гурьбой бегали на старое кладбище, чтобы посмотреть на человеческий череп, строя страшные догадки о его происхождении. Сейчас ничего подобного там уже нет, правда, я не приглядывалась, а дожди здесь всегда затяжные...

Недалеко от кладбища, рядом с бывшим колхозным строением, есть старое

полуразрушенное здание. Там ночует сельский юродивый. Его зовут Эмиралла. Днем до самого вечера он ходит по дорогам, покуривая сигарету и разговаривая сам с собой. Говорят, что раньше он был нормальным, помогал матери, колхозной доярке, был женат. Но потом что-то произошло (никто в селе точно не знает), и он, бросив семью, привычный уклад жизни, с накинутым на плечи пальто, пошел бродить по сельским стежкам и дорожкам. Обычно ему никто ни в чем не отказывает, многие сельчане дают продукты, угощают сигареткой. Когда моя двоюродная сестра была маленькой, она любила с ним заговаривать. Да и вообще, именно с детьми ему говорится легко и непринужденно. Но дети вырастают и, будучи взрослыми, в редких случаях первыми заговаривают с ним, даже если дело касается обычных «пакаман хийиарар», «нисинин хийиарар», «нянин хийиарар» (доброе утро, добрый день, добрый вечер). Обычно Эмиралла появляется там, где много людей, например, на свадьбах или на праздниках. Вообще-то, не всем нравится, когда он приходит туда, хотя, честно говоря, он никому не мешает. Как-то мое пребывание в селе совпало с праздником Ураза-Байрам. Мы все пошли на кладбище, где в беседке под молитву муллы раздавали всякие сладости. Эмиралла не сел, как все остальные, на скамейку. Он примостился на траве чуть поодаль и ждал, когда к нему тоже подойдут с конфетами. Сам он на общий стол ничего не приносит, потому что у него, кроме сигарет, ничего нет. Но его все равно не обделяют. Однако взрослые смотрят на него неодобрительно, ведь нередко все, что ему дают, он приносит своей собаке. В одно время он ходил с ней по дорогам. Это была большая рыжая собака, грозная на вид и такая же безобидная, как и ее хозяин.

Поднимаясь все выше и выше, мы оказываемся в старой части села. Раньше люди жили там. Но после землетрясения большинство из них, включая и моих дедушку и бабушку, бросили свои дома, разрушенные стихией, и переселились на земли, что идут ниже кладбища. Однако часть людей, несмотря ни на что, не решилась покинуть насиженных мест. На самом верху горы есть святое место. Туда люди приходят, чтобы помолиться, попросить о заветном и завязать платок на одну из веток небольшого деревца. Ниже святого места – мечеть. Второй этаж заново отстроен, а первый этаж хранит на себе отпечаток былых времен: большие двери с трещинами, каменные ступени, поврежденные то тут, то там стены. На первом этаже не делали ремонта, поэтому он так напоминает старую синагогу в Араге...

Для того чтобы уехать отсюда, надо встать рано утром, где-то к шести, собрать свои вещи и ждать на дороге маршрутку, которая выезжает из села к семи часам.

Мое путешествие по Кири (хочется называть село именно так) подошло к концу. Говорить о людях и красивых местах можно долго. Но зачем говорить? Достаточно съездить один раз и все увидеть собственными глазами. Если вам нравятся места, которые, несмотря на газовые трубы, что тянутся по всему селу, новые построения, вышки, засилье телефонов, модных машин, все же хранят на себе отпечаток нетронутости и дикости, то самое время познакомиться с ними поближе. Приезжаете, и вы не пожалеете, ведь гостям здесь всегда рады.

¹ Для чего эти камни?

² Для твоей могилы!

³ Ах, дорогие братья! Ах, дорогие братья!

⁴ Ты на сцену, как соловей,

Вышла, Сульгият.

Еще песни пой, Сульгият.

Когда слышу твой сладкий голос,

Радует мое сердце.

VI Совецание молодых писателей Северного Кавказа**Вадим Керамов**

Республика Дагестан

Родился в 1977 году в г. Махачкале. Окончил Литературный институт им. Горького. Пишет стихи и прозу. Участник Форума молодых писателей в Липках (2008, 2009, 2012), Совецания молодых писателей республик Северного Кавказа (Нальчик – 2008, Майкоп – 2009, Домбай – 2010). Публикации: в газете «Литературная Россия»; в журналах «Арион», «Нева», «Волга», «Тверской бульвар»; в антологиях современной поэзии.

Эти закатные отблески света...

Вот и время милый друг
на прощанье тугу
заплести руками круг
за спиной друг друга
всеми ветками поник
клен, пытаюсь слиться
на мгновение и миг
что не повторится
заблестели на пруду
листья позолотой
как слезу ронял звезду
во вселенной кто-то

С тобой теперь нигде и никогда
я был никто и канул в никуда
так бусинка мелькнет в калейдоскопе
знакомство не оставило следа
прощанье не составило труда
день замер в календарном гробе
и ночью длинной будет оживать
мой воротник задумчиво жевать
и предлагать сценарий примирения
с тобой, как будто время вспять
вернуть возможно или обменять
твои глаза, мое стихотворение

Она обрушилась в обед
архитектурным беспределом
одноименностью под мелом
неисчислимостью комет

победой белого движенья
апофеозом щегольства
она явила нам права
на долгодневное княженье
и в непочатые сады
влекла белилами, и снова
ты вспоминал, мешая слово,
искусство оставлять следы

Не стеклянным пузырем и током
Побеждают городскую мглу,
А свечой, зажженной в одиноком
Съемном обдуваемом углу.

Пламя-знамя вьется, бьется слепо
Не мешаясь с блеском москвичей.
Опустись ко мне, ночное небо,
Словно люстра в миллион свечей.

в коридоре цыкают часы
провожая взглядом торопливым
в гастрономе мясо и весы
и топор со взглядом терпеливым
шепотом озвучена цена
и не отмахнуться: «да иди ты»
обречен оплачивать сполна
человек чужие аппетиты

В селе захолустном, заброшенном, грустном
дорога железная шла
и в ней среди прочих, таких же рабочих
обычная шпала жила
Жила без учета какая по счету
где гравий, песок и бычок
но все изменилось, когда ты появилась
на шпалу ступил каблучок
И мир закружился все выше и выше
где синее небо ковром
висело и пело, но вдруг потемнело
и задрожало как гром
Как дивное диво и облако счастья
твой поезд ушел навсегда
и ты не подумаешь возвращаться
зачем, извините, куда
Вся доблесть – молчать, сквозь себя пропуская
вагоны нестаявших льдин
потом тишина и дорога пустая
и шпалами дни впереди

Эти закатные отблески света
искры последнего в мире трамвая
и фонарей длинная эта
линия огневая

люди и тени, скользящие мимо
воздух ночной от земли до вселенной –
есть лишь момент, что схватил фотоснимок
вспышкой мгновенной

Сила в гвардейце стальном и треножном
правда в бумажной альтернативе
птица застыла в крике тревожном
жизнь в объективе

VI Совещание молодых писателей Северного Кавказа**Мадина Абдувагапова**

Чеченская Республика

Живет в селе Знаменском Надтеречного района Чеченской Республики. Студентка 4 курса отделения журналистики филологического факультета Чеченского государственного университета. Пишет рассказы, ставит спектакли в любительском театре. Публиковалась в журнале «Вайнах».

Моя чеченская война...

Непросто говорить об этом. Ох, как непросто... Но я постараюсь.

Дети и война, война и дети... Нет ничего более кошунственного, чем соединение этих понятий. Война оставила мне совсем не детские воспоминания. Она попросту украла у меня часть жизни. Ту часть, которая никогда более не вызовет улыбку на моих устах. Мои детские воспоминания – это воспоминания эмоциональные, когда запоминается не целая картина, а какие-то отдельные эпизоды, образы, отзвуки жизни и смерти, терпения, боли и ненависти, смирения и желания жить – всего того, что никогда не должны видеть и знать дети. Всего того, чего я тогда еще не знала и не осознавала, но уже научилась чувствовать.

«...»

Первый, самый смутный, но еще не навевающий тоски образ. Перед глазами встает веранда нашего старого дома. Она была слишком узкая и тесная, чтобы что-то хранить там: сушить белье мешала растущая возле дома на удивление раскидистая сирень, загораживающая половину веранды словно диковинной ширмой. Зимой здесь было холодно, а летом жарко и всегда неуютно и грязно. И только я любила этот балкон. Это были мои владения, мой укромный уголок, мой маленький собственный мир. Мне было около шести лет и самым моим любимым занятием было разглядывание длинной, расстилавшейся серой лентой улицы и чужих окон. Я могла проводить так целые дни, самозабвенно придумывая свой собственный мир, пока уже мама, обеспокоенная долгим моим отсутствием, не начинала кричать на весь двор: «Мадина-а-а!.. Где тебя опять носит?!..». Но я являлась с повинной, отлично зная, что за строгим тоном скрывается улыбка и очередное угощение. Еще я дружила с соседским котом. Отношения, сложившиеся поначалу у меня с ним, трудно было назвать дружбой. Кот лишь высокомерно принимал из моих рук скромные угощения и за это позволял поверять ему все радости и горести, а я шептала ему в мохнатое маленькое ушко о самом сокровенном.

Позже, в самый разгар военных действий, мне пришлось отказаться от своих маленьких удовольствий. Не до того было... Уже не было вечеров, тихих и зачарованных, а только в мыслях иногда возвращалась я к безмятежному спокойствию, не понимая, почему все так... почему так непонятно и страшно... А холодный цементный пол давно уже засыпало сухими листьями...

А творилось нечто чудовищное, невообразимое. Только теперь, размышляя о прошедшем, я начинаю осознавать все в полном объеме. Как много было скрыто от на-

ших детских глаз усилиями родителей, старавшихся уберечь нас от войны, насколько это было возможно. А мы видели. Видели, слышали, жили этим...

«...»

В подвале нашего дома жило около шестидесяти человек. Не считая нас самих – родителей и меня со старшим братом. И не важно, что не было места. Люди просто подходили к воротам нашего дома, с пакетами, с узелками, держа за руки детей, мы обменивались с ними разве что единственным взглядом и молча указывали, куда пройти. Весь пол подвала был застлан одеялами, наложенными поверх друг друга, а полки были уставлены различными банками с консервированными фруктами и овощами. Мама всегда была образцовой хозяйкой, но никогда еще не получала столько благодарности за свои обычные обязанности, как в тот год. Не было ни света, ни газа, ни воды... Зимой из положения выходили, растапливая снег, а летом... Летом по ночам совершались самые настоящие партизанские вылазки за водой и, если повезет, хворостом. Везение бывало разным, а огонь надо было разводить всегда. Поэтому в ход шли книги. Мамина библиотека, каждую книгу в которой она, как филолог, собирала так бережно и с такой любовью, уцелела лишь на одну десятую часть... Помню лишь один взгляд, брошенный ею на страницы, догоравшие в огне самодельной печи. Корешок обуглился, и с трудом можно было разглядеть лишь часть названия «...на и мир»...

Наше село, Знаменское, находилось, если можно так выразиться, между двух огней... Слева, из-за Терека, наступали русские части, а оборона шла с тыла, позади нас. Я всегда панически боялась наступления ночи. Боялась до дрожи в коленях и успокаивалась, лишь крепко вцепившись в руку Артура, старшего брата, и слушая его. Не помню, что он мне говорил, да это и неважно. Главным было слышать голос, такой родной, успокаивающий, ощущать тепло руки. До сих пор не знаю, чего ему это стоило... Оставаться спокойным, когда ночное небо расцвечено добела раскаленными огнями ракет, а от грохота закладывает уши, и ты не знаешь, жив ли тот, кто не успел добежать до спасительного подвала, и не придется ли с утра закрывать глаза тому, кому еще вчера пожимал руку...

В один из таких вечеров, больше похожих на день, мы услышали какой-то особенно громкий треск и шум. Было похоже, что ракета попала совсем близко. Увы, это печальное предположение оказалось правдой. Совсем рядом, угодив в стог сена на соседнем дворе, она разожгла грандиознейший пожар. Языки пламени, справившись в мгновение ока с соломой, с жадностью лизали уже соседнюю изгородь. Не сговариваясь, все разом выбежали на улицу, нарушив одно из самых важных для сохранения безопасности правил. Во всем, в чем только было можно, носилась вода, и через мучительно долгое время общих усилий все же удалось потушить пожар. И никто не задавался вопросом, зачем... Иначе было нельзя.

«...»

Прямо по соседству с нами находилась школа. Школа, в которой учились все мы, в которой проработали столько лет и работают до сих пор мои родители. В школе расположились военные. Совсем юные, восемнадцатилетние ребята, чьей-то убогой и извращенной фантазией одетые в форму и с оружием в полудетских руках. Часто в относительно спокойные вечера мой брат с друзьями любили собираться неподалеку от школы и играть на гитаре. Редкое удовольствие их юности, самое большее, что они могли себе позволить. И, приходя домой, Артур со странной улыбкой жалости на лице рассказывал, как эти юные солдатики, в глубине души так же ненавидящие то, что им вменялось в обязанность, поначалу с робостью подходили к ограде

послушать игру на гитаре, и лишь через несколько дней, не выдержав, осмелились пригласить ребят зайти и сыграть для них...

«...»

Я ненавижу войну. Ненавижу за одно только то, что она открыла во мне способность ненавидеть. Война приносит боль, усугубляемую бессилием. Не знаю, кто и как воспримет эти слова, но, когда я начинаю думать о войне, во мне поднимается волна отчаянного бессилия, и других я подобрать не могу.

Создатели войны не только лишены души, но и отнимают ее у других, стирая улыбки с ртов ребяческих, смеющихся, делая из этих юношей машины, ведомые чувством долга, ломая их хрупкие судьбы в угоду неведомым целям. Долга, направленного на удовлетворение чьей-то ненасытной алчности, чьего-то непомерного тщеславия... Армия представляет собой странный шедевр расчета, при котором сила извлекается из огромной суммы бессилия... Так определяется война, затеянная человечеством против человечества и вопреки человечеству. Мы знаем, что существует философия, отрицающая бесконечность. Существует также философия, отрицающая солнце; эту философию, относящуюся к области патологии, именуют слепотой. Возводить недостающее нам чувство в источник истины, считая себя вправе распоряжаться чьей-то жизнью, – на это способна лишь дерзкая самоуверенность слепца.

Ведь если есть на свете что-либо ужасное, если есть действительность, превосходящая самый страшный сон, то это: жить, видеть солнце, быть в расцвете сил, быть здоровым и радостным, смеяться над опасностью, лететь навстречу ослепительной славе, которую видишь впереди, ощущать, как бьется сердце, как послушна разуму воля, говорить, думать, надеяться, любить, иметь мать, жену, детей, обладать знаниями – и вдруг, даже не вскрикнув, в мгновение ока рухнуть в бездну, свалиться, скатиться, раздавить кого-то, быть раздавленным, видеть небо над собой, цветы, листву, ветви и быть не в силах удержаться, сознавать, что оружие твое бесполезно, тщетно бороться, чувствовать боль, задыхаться, корчиться, лежать внизу и думать: «А ведь только что я еще жил!»

«...»

Пустота. Ключевое слово. Оно и определяет состояние моей души, которое я отчаянно пытаюсь заполнить... заполнить чем попало, в большинстве случаев – ерундой... Потому что прекрасно осознаю, что эта пустота – как шрам – невосполнима и неизгладима. Я смирилась с тем, что это уже неотъемлемая часть моей души. Моей и многих, многих других...

Но почему-то мы не задумываемся, почему, почему это чувство не стирается, а временами лишь притупляется боль, как от старого шрама, который будет ныть до конца дней наших. Быть может, это ощущение пропасти – всего лишь результат отсутствия в нашей жизни чего-то одного... того, чего уже не заменишь множеством других вещей. Никогда.

VI Совещение молодых писателей Северного Кавказа**Зураб Бемурзов**
Карачаево-Черкесия

Родился в 1976 году. Живет в ауле Али-Бердуковском Хабезского района Карачаево-Черкесской Республики. Окончил Карачаево-Черкесский государственный педагогический университет. Пишет стихи и прозу. Работает в газете Парламента и Правительства Карачаево-Черкесской Республики «Черкес хэку». Участник Совещения молодых писателей Северного Кавказа (Домбай – 2010, Махачкала – 2012).

Этюды

Кругами.
Кругами.
Кругами.
Дорога от дома.
Дорога к дому.
Ужин.
Сплетни.
Хлеба.
Зрелищ.
В трансляции очередная битва.
Популярная на ночь молитва:
«Боже, не дай проснуться воров!
Упаси от ленты новостной,
Не растерять жирок свой,
Кресло свое насиженное,
Отогретое.
Аминь».

Кругами.
Кругами.
Кругами.
Утро с рассветным обрядом.
Пастух уходит с загнанным стадом,
Оставив жертву
с подрезанной жилой,
На съедение обложившим гадам.
Впереди спокойные сутки:
«Что ж, ослабим коню подпруги.
Отдохнуть.
Поспать.
Проснуться.
Овцы сами не разбредутся
В страхе вечном перед волками»
Кругами.
Кругами.
Кругами...

Жизнь

Все солонуют наши души
И золотеют купола.
Или нас жизнь так злобно душит,
Или сердечно обняла...

Не хочется так быть героем
И сторониться пустоты,
Уж лучше выцвествь сухостоем,
Чем для царей горчить плоды,

По площадям хрипя бравадой,
По кухням связки матом рвать.
По датам собираться стадом
И в будни перстом подыхать.

У терминала жизнь наличить.
Работа. Пробки. Банк. «Магнит».
Оплачивать хлеб, соль и спички
И пересроченный кредит.

И просыпаться на секунды
От нищих, выброшенных рук,
И вспоминать о гневном судном
Вкупе с набором адских мук.

Совать монету в длань чужую,
И голову сломя бежать –
Обратно.
В суету людскую.
В привычный мир свой –
Засыпать.

Дозированный вой

На обед – лицемерие.
На ужин – притворство.
Даже маски не в моде – лишь наглость в цене.
Нету спроса на благородство
В обокраденной
на поколенья
стране.

И мужское начало на уровне бреда,
Площадная, бесполоя выползла рать.
Вместо смачного хруста костей под кастетом
Дай на Бога,
по-бабьи,
слезу пожевать.

Как разумно и ты в простоте малодушен,
Исстрадавшийся интеллигент!
Страх и серость твой образ ранимый душат
И причины для подвигов все еще нет.

Ведь на кухне же есть кусок ржавого хлеба,
Есть и царская водка и цирк за окном,
И с высот твоих мыслей все так же нелепа
Эта дикая оргия с политшутством.

Но, пока ты способен еще свою правду
В полупьяной истоме на кухне родить
И непыльных страниц виртуальную славу
Снизшедшими лайками слепо мостить,

Знай, я верю в твой крест,
в мазохистские муки,
Верю в лихость закинутых на ноги ног.
В индульгенцию страха,
В святые потуги.
Верю в слово!
И в то,
Что поможет нам Бог!

VI Совещание молодых писателей Северного Кавказа

Елена Милосердова
Кабардино-Балкарская Республика

Родилась в 1989 году, живет в г. Нальчике, окончила ПК КБГУ, ДПИКБГУ по специальности «художник по текстилю». Пишет стихи с 2004 года, тексты к песням; пробует свои силы в прозе. Участница совещания молодых писателей Северного Кавказа (Владикавказ – 2011). Публикации: «Стихийный мир» Литературное творчество участников ЛС «Свеча» (Нальчик, ЦРТДЮ МОН КБР, 2008), Интернет-журнал молодых писателей России «Пролог» (2011), журнал «Вайнах» (Грозный, 2012).

Быть мышкой

Иногда хочется затаиться в норке,
спрятаться от проблем,
под замок (под знаком
рта жующего верблюда,
выписывающего губами вечность,
бесконечную цифру восемь)...
смотреть на чужие ноги,
чужие заботы,
позабыв о насущном,
под запах сыра
желтого, с большими,
простреленными с ружья охотника
с белой собачкой, дырами,
как в мультике.
Быть мышкой
и ходить лишь изредка
на цыпочках
за начинкой от торта,
за мандаринками,
бусинками и лоскутками
и еще всякой всячиной,
чепухой, которой так не хватает
для радости маленькой,
спрятанной людьми специально,
чтобы грохнуть мышку!
не капканом и не ловушкой
с тем самым дырявым и желтым,
а тапком с протертой подошвой...
не романтично в общем...

А хотелось всего лишь пуговку
с краю шелкового лоскутка,
чтобы просто забыться
в этом огромном мире

и, как писала Лариса
в своих секретных записках,
«где-то под мостом
не застрелиться».

Твоих кистей жилистых,
твоих слов, эпитетов,
взглядов трезвых на жизнь,
но мечтательных,
настроений волнительных
не хватило мне
за десяток лет.
Поглощающей,
всеобъемлющей
болью, схожей с зубной,
но душевную,
изнутри разрывающей
и гниущею
расколото рассудок
надвое.
Принести мне жгуты – твои речи!
завязать узлом расстоянье,
и при встрече – не обжечься бы,
и при взгляде – не рассыпаться.
Твоих кистей не дотронуться,
на ладонях твоих не расплавиться...
Мне так стыдно признаться совести...
И с нелепостью созидания
не раскаться,
не обмолвиться
пред тобой

VI Совещание молодых писателей Северного Кавказа**Николай Редькин**

Республика Адыгея

Пишет стихи, прозу. Живет в поселке Тульском Майкопского района Республики Адыгея. Окончил Адыгейский государственный университет, учитель русского языка и литературы. Работает в ООО «РГС». Участник Северо-Кавказских совещаний молодых авторов (2008-2012); Форумов молодых писателей России в Липках (2008, 2009, 2012).

Веселые лоси

Рассказ

Если долго ехать по Сибири, обязательно встретишь заведение «Веселые лоси»: поворот налево – «Веселые лоси», 320 метров» (немец?). Поворачиваешь, но не потому, что надо (еще неизвестно, надо ли), а просто хорошо протоптано и упитано по бокам, как дома (т.е. в Европе).

Встречаются снеговики с шишками вместо моркови и хаером из иголок. Привет, снеговики! Но они внимательно молчат, и от этого жутковато...

А вот и лоси! Раз, два, три... четверо. Рога у всех выкрашены в красно-коричневый цвет, аккуратно: то ли лосей усыпляли, то ли лоси абсолютно ручные. Однако же не подходишь (была бы женщина под рукой, может, и подошел бы), идешь своей дорогой: осталось метров сто...

Завиднелось заведение!

Массивная изба с мансардой. В мансарде горит свет, про остальные окна, завешенные толстыми шторами, не поймешь. Впрочем, перешагнув порог, продравшись сквозь пар, оказываешься в муравейнике и так радуешься, что забываешь подумать: откуда?! ну откуда здесь столько народу?!

Снуют официанты, подавая друг другу знаки; сидят за столами, лежат на диванах различные люди: кроме прочих, слышны иностранцы – вплоть до китайца. Детей, кажется, нет. Во всяком случае, под ноги никто не кидается, за штанину не дергает!

Отличное место, просто отличное!

Ого, да я голоден! Официант, можно вас?

Хотите заказать? Талон, пожалуйста! Нет талона? Ах, вы новенький, тогда вам наверх: надо сначала пройти регистрацию. Получите талоны и милости просим!.. Что? Ну что вы! Тут все бесплатно!.. Не за что!

Что ж, регистрация – дело нужное!.. Только где же паспорт?.. Ох ты ж мать твою, паспорта нет! Где же ты... Неужели потерял?!

То ли бежать по собственным следам (да только есть ли смысл? когда ты в тайге последний раз паспорт предъявлял, а?), то ли понадеяться на счастливый случай: пожалуй, второе!

Поднимаешься по лестнице.

Долго поднимаешься по лестнице.

Спохватываясь, начинаешь перечислять ступени: начнем с 30-ти: тридцать, тридцать одна, тридцать две, тридцать три, 34, 35, 36, 37...

Устаешь перечислять, снова начинаешь думать про паспорт: может, вообще не брал – дома забыл? Да как же не брал! Не мог не взять!.. Уф, дверь!

Стучишься, заходишь – и вдруг светло! Странно, пока шел по лестнице, пока подходил к тяжеловесной двери, думал, что за дверью одно из двух: либо мрак, либо полумрак...

За столом – девушка (нет, женщина... или девушка? черт, это сложно, сразу сложно!).

Меня зовут Василиса Витальевна (ага, значит, все-таки немолодая!). Вы новенький? Желаете зарегистрироваться?

Да, здравствуйте... Я бы хотел, но.. кажется, потерял паспорт.

Паспорт ваш у нас (достает, показывает и прячет).

А...

Однако необходимо сдать кровь.

Кровь?..

Да. У нас тут, как видите, Сибирь, спартанские условия (разве?), поэтому нужна кровь!

А можно...

Пока в этом нет необходимости. Николай Германович, примите новенького!

Неожиданно появляется мрачный человек (старик?), он смотрит не в глаза, а в плечо, но этого почему-то достаточно, чтобы покорно раздеться и поделиться кровью...

Пока берут кровь (долго, опять долго!.. но не больно), рассматриваешь стены: на стенах висят картины. Разные, в разных техниках, разных размеров, но рисовал один человек – виден стиль.

Это вы рисовали? (ох, откуда такая наглая смелость!)

Нет, мне это не надо. Я беру кровь. Картины рисует Василиса Витальевна... Нравятся картины?

Да... Необычно: Сибирь, «Веселые лоси» и вдруг – картины!

Ей тут скучно (кажется, сказано с грустью.. нет, скорее, с грустным раздражением).

Она редко отсюда выезжает?

Никогда. Последние лет сорок.

Сколько?!

Не дергайтесь! Я скоро закончу.

(Как же так?.. Сколько же ей лет?)

Сколько вам лет?

Старик игнорирует вопрос, но сворачивает процедуру и разрешает одеться.

Василиса Витальевна записывает в книгу. Хрустко переворачивает страницу.

В углу (и как сразу не заметил?) стоит мольберт – лицом (листом) к стене.

Василиса Витальевна, вы учились на художника?

Рассеянно взглянула, снова погрузилась в записи:

Училась... Возможно, училась. Это все давно. Нравятся картины?

Да, это необычно. Особенно вот эта серия – люди с лосями: кажется, что и люди, и лоси довольны, даже улыбаются!

В.В. улыбается в ответ, но по-другому, чем на картинах:

Кстати, не хотите ли ПРИОБРЕСТИ ЛОСЯ?

Что?!

Приобрести живого лося.

Я не...

Лось стоит три тысячи долларов. Выбираете любого, который понравится. Если у вас нет при себе столько денег, можно перечислением: я дам наши реквизиты, вы позвоните тому, кто сможет перечислить. После поступления денег оформим договор купли-продажи.

Но мне не нужен лось! У меня... собака уже есть (какой-то нехороший холодок!).

Не торопитесь с ответом. Думайте сегодня, завтра скажете, что решили. Пока вот ваши талоны, можете отужинать.

Берешь талоны, некоторое время стоишь в недоумении, но В.В. уже не обращает внимания: достает краски, начинает смешивать...

Давайте, давайте! (вздрагиваешь: это старик подкрался!) Нечего задерживаться, регистрация закончена!

Выпровожен.

Вниз по лестнице.

Что за бред! Купить лося! Кому нужен лось?

...но вот же на картинах: очень реалистично! Неужели это люди, купившие лося?!

Дальше все в тумане: возвращаешься в зал, ешь, пьешь, спишь, пьешь на троих, потом остаешься вдвоем, и он (с сединой, с бесом) признается:

Я уже два года тут, эх. А у меня в Иркутске жена, дети... охота.

Так уйди в свой Иркутск!

Смотрит странно, наполовину трезвеет:

Дурак ты, куда я не пойду.

Сам дурак! Охота тебе на охоту? Так пойдешь вон лосей постреляй!

Вскакивает; стул опрокидывается с визгом:

Пошел ты!..

Уходит, шатаясь, и ты уже до ночи пьешь в одиночестве.

Наутро бодрость. Странно!

Кругом все лениво шевелятся: кто под столами, кто на диванах, кто, завернувшись в половик. Как черви, а я человек! Не нужен мне никакой лось, никакой Иркутск!

Взбегаешь по лестнице, вламываешься в злосчастную дверь и... Обнаженная Василиса стоит спиной, смотрит на снег: чудесно-молодое тело! И никакой реакции на твой абордаж!

Вы прямо с утра. Уже решили?

Что?.. А... Не нужен мне никакой Иркутск...

Иркутск?

То есть лось.

Вы уверены?

Медленно поворачивается.

Я... пойду.

Выскакиваешь; пытаешься урезонить бухающее сердце; чуть не сталкиваешься на лестнице со стариком. Загораживает проход:

Ну, покупаешь лося? Нет?.. А как тебе она?.. Тоже нет?

Грустный старик, Самсон Вырин какой-то, а с вечера казался перезрелым Воландом.

Я ухожу отсюда! Мне надо дальше!

Старик меняется в лице (ау, Вырин!).

Кое-как одевшись (в свое ли?), выбегаешь на улицу: снег, словно взорвавшись, слепит глаза! И натыкаешься на кого-то.

Человек медвежьего вида. На плече автомат:

Куда?

Я ухожу.

Предъявите договор!

Какой договор?! Пропустите меня!
Нельзя без лося. Вы купили лося?
Черт, да не нужен мне ваш долбаный лось! Я домой хочу!
Человек медленно снимает автомат:
А ну, пошел в дом!

В который, в который раз преодолеваешь лестницу, стучишься,ходишь (а вдруг она еще...). За ее столом – старик. Василисы нет.

Я хочу купить лося! Давайте договор!

Старик отрывается от записей, смотрит мутно:

Поздно (кажется, это он не только тебе, но и себе говорит)... Лось – дело добровольное. Мы никого не насилуем покупать лося.

Черт, я перечислю вам чертовы доллары! Без лося! Выпустите меня!

Поздно...

Хватаешь телефон, пробуешь дозвониться куда следует – связи нет!

Связи нет и не будет, подтверждает старик.

...Пьешь с Иркутском вторую неделю. Подбиваешь его на побег, он только криво улыбается.

Ладно. Я и один.

Ночью выбираешь время, когда самый храп. Переступаешь аккуратно, надежно (не пил весь день), одеваешься, выскальзываешь наружу – никого!

Но луна, но дорога как на ладони!

Будешь, как мишень в биатлоне!

Нет, надо в обход, через лес!

Бежишь, спотыкаясь, вбок! Сосны, чудные темные сосны! Дальше, дальше в лес! Но не терять из виду дорогу, не заблудиться!.. Хорошо: уже почти не видно злосчастного дома... Следить за дорогой... Не высовываться на свет.

Вдруг спотыкаешься! Падаешь лицом. Перевернувшись на спину, смахиваешь иглы. Что-то висится над тобой...

Лось!!!

Еле-еле... приходишь в сознание. Мотаешь головой, встаешь, кряхтя, со снега: вокруг сосны, но уже день, и... заведение – вот оно, совсем рядом! Черт побери! Почему?!

Что это: ходил по кругу? Или они нашли и приволокли? И оставили на снегу?..

Голова тяжелая! А ведь не пил вчера! Или... не вчера?!

Ох, тяжело! Что делать? Опять бежать?..

Но сил нет, надо отдохнуть.

Спина чешется... Притуляешься к сосне: чешешь спину.

И жажда... Наклоняешься мордой в снег...

Навстречу идут все четыре лося.

Подходят, грустно улыбаясь:

Ну что, парни, прибыло нашего полку! А рога-то у новенького солидные! Ты куда бежал-то?

Я... Может, в Иркутск?

Голоса друзей**Ангелина Ярославцева**

Родилась в г. Набережные Челны Республики Татарстан. В 2002 году окончила Камский политехнический институт по специальности «Автоматизация прогрессивных технологий», а в 2003 г. – тот же институт по специальности «Экономика и управление предприятием (в городском хозяйстве)». В 2010 году получила степень кандидата экономических наук. В настоящее время работает там же (ныне Набережночелнинский филиал КИФУ) доцентом кафедры «Производственный менеджмент». Первые стихи были написаны автором еще в пятилетнем возрасте, однако свои поэтические произведения нигде не публиковала. Есть научные публикации: статьи, методические указания и две монографии.

Рикошет

Любимым часто причиняем боль,
Сознательно их истязая.
На раны щедро сыплем соль,
Парадоксальности не замечая.

Задумываться не спешим
За суматохой будних дней,
Сильнее дьявола грешим,
Чтоб сделать боль еще больней.

Удар тягчайший нанесем.
Он дважды нам отрикошетит.
Быть может, руку отведем?
Нет, дальше будет третий.

У колыбели белоснежной
На сына спящего смотрю:
То жар, то боль, скользя небрежно,
Терзают крошечку мою.

В изнеможенье опускаю
Колени на холодный пол.
Молитву тщетно вспоминаю,
Спасающую от всех зол.

Вот так всегда приходим к Богу,
Пренебрегая всуе дней
Молитвой, стелющей дорогу,
Без ям, ухабов и камней.

Когда ж мы, наконец, оценим,
Избавившись от жалких слез,
Что нет желанней и бесценней,
Чем жизнь, пусть и не в мире грез.

Ночные бдения

Как тень от пламени свечи
Дрожит, подсвечник искажая,
Пугает и манит в ночи
Твой взгляд, тоскою истязая.

В багряно-золотых тонах
Мерцают блики хаотично.
Беснуются. И жуткий страх,
Рожденный тьмой, им безразличен.

На миг все стрелки на часах
Застыли. Сердце не стучит.
Спокойствие в моих глазах,
Скорей, безумие сулит.

Твое дыхание ощущаю
Натянутой струной души.
И с наслаждением внимаю
Я шорохам в ночной тиши.

Всему конец. Свеча погасла.
Рассеялся густой туман.
Порой мгновенье так прекрасно –
Пусть это все самообман.

Возрождение

Из-под опущенных ресниц
Слеза стелила пелену.
Теряя праведность десниц,
Мир искажался наяву.

Я думала, что рухнут стены.
Весь мир погрузится во тьму.
Все звуки стихнут во Вселенной.
И все умрет... Но я живу!

И жизнь идет. За мигом миг,
Теряясь в череде событий;
А жизнь идет! За веком век,
Сквозь глубину былых открытий.

Рожденье сменит час ухода.
А счастье вмиг притупит боль.
Мы рождены, чтоб год за годом
Играть начертанную роль.

Вновь вспоминая этот день,
Меня пронзит тупая боль:
Весь мир был черный, словно тень,
И только белый саван твой.

В тот миг, когда я ощутила,
Что рядом ты в последний раз,
Твой путь к Творцу благословила,
Лишь слезы полились из глаз.

Я долго в пустоту смотрела,
Пытаясь наконец понять,
Где я ошибку допустила,
Тебя позволив отобрать?

И от бессилия и злобы
Я проклинала белый свет
За то, что я стою у гроба,
Любя того, кого уж нет.

И, мысль ужасную поймав,
Чего я в жизни вмиг лишилась,
Мне голос чудился впотьмах,
Просивший, чтобы я смирилась.

Не в силах думать, слышать, видеть,
Свое решив отвоевать,
Судьбу я стала ненавидеть
И с болью на нее кричать.

То был не крик, не стон, а вой,
Прорвавший тишину глухую.
Ты не узнал в нем голос мой,
Не слышал, как тебя зову я.

Кричит так раненая птица,
Волчица воет на луну...
А женщина с разбитым сердцем
Хоронит так свою мечту.

Муса Багаев

Этнопедагогика и чеченцы

Для декана исторического факультета ЧГУ, доктора педагогических наук, профессора, академика Международной академии педагогики и Международной академии наук педагогического образования, члена-корреспондента Академии наук Чеченской Республики и почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Шавади Мадов-Хажиевича Арсалиева, 2013 год начался с замечательного события – в Москве издательство «Гелиос АРВ» выпустило в свет его книгу: «Методология современной этнопедагогике»¹. В ней рассматривается проблема методологических оснований этнопедагогике в контексте современной картины мира. Автор особо подчеркивает, что методология современной этнопедагогике опирается на богатейший теоретический и практический опыт этнопедагогов прошлого и настоящего, а также на законы постнеоклассической научной парадигмы. В русле этой проблемы представленные в книге теоретические и практические основы разработки и реализации этнопедагогических технологий способствуют развитию этнопедагогике как науки, вносят вклад в формирование и успешное функционирование поликультурного образовательного пространства как залога укрепления межнациональных и межкультурных связей. В этой связи, можно полностью согласиться с мнением профессора и доктора педагогических наук В.И. Писаренко о том, что современный этап развития цивилизации характеризуется активизацией процессов унификации и в то же время стремлением к сохранению этнокультурной самобытности народов. Мировой опыт показывает, что подготовка высококультурных и образованных членов общества, способных жить и работать в полиэтнической среде, знающих и уважающих не только свою этническую культуру, но и культуру других этнических групп, способных сочетать национальные и интернациональные интересы, является залогом дальнейшего успешного развития любого общества. Интеграция, сохранение собственной культурной идентичности личности наряду с овладением ею культурой других этносов решает проблему формирования личности, способной успешно функционировать в условиях неоднородной этнической среды, обладающей высоким уровнем этнокультурной компетентности.

Необходимость решения указанных проблем в Северокавказском регионе с применением достижений таких областей наук, как философия, антропология, этнография и культурология, стоит особенно актуально. Все это учитывается в рассматриваемой монографии. Поэтому и неудивительно, что профессор Ш.М-Х. Арсалиев главное внимание уделил решению теоретико-методологических проблем этнопедагогике. При этом за основу своих взглядов на рассматриваемую проблему ученый взял один из главных выводов своего учителя, академика Г.Н. Волкова: «Если народная педагогика имеет отношение к опыту и эмпирическим сведениям и знаниям по вопросам воспитания, которые обычно распространяются устно, то этнопедагогика – сфера теоретической мысли, сфера науки»². Исходя именно из этого посыла, Шавади Арсалиев подчеркивает, что народная педагогика – это исторически сложившаяся совокупность педагогических сведений и воспитательного опыта, сохранившихся в устном народном творчестве, героическом эпосе, своде правил традиционного поведения и воспитания, обычаях, обрядах, традициях, детских играх и игрушках. Народная педагогика содержит как идеал воспитания, так и пути и средства его достижения. Ценности народной педагогике помогают направить современный учебно-воспитательный процесс на

формирование этнического самосознания у подрастающих поколений, развитие у них понимания роли своего народа, этнической группы в социальном окружении, в мировой культуре.³ И завершая эту мысль, педагог констатирует, что этнопедагогика – это наука об эмпирическом опыте этнических групп в воспитании и образовании детей, о морально-этнических и эстетических воззрениях на исконные ценности семьи, рода, племени, народности, нации. С другой стороны, этнопедагогика – междисциплинарная область научного знания, сформировавшаяся на стыке философии, педагогики, этнографии, этнокультуры, этнопсихологии, изучающая традиционную культуру и педагогику этнических общностей с целью выявления общих закономерностей их становления и развития, возможностей использования их богатого воспитательного потенциала в современных учебно-воспитательных системах.⁴

Мне, как читателю, нравится, как автор рецензируемой книги подбирает яркие и убедительные примеры из истории чеченского народа и тем самым подтверждает мнение известного российского ученого Д.С. Лихачева о том, что «каждый крестьянин, наследственно владевший своей землей (а таких было немало!), получал от своих родителей и соседей знания, по своему объему не уступавшие знаниям, получаемым интеллигенцией в университетах»⁵. Да, действительно, это было настоящее всенародное воспитывающее обучение! Это было трудовое воспитание не одного человека, а части этноса или целого народа. Воистину, крестьянская жизнь – начало земной жизни человечества, голова вечной человеческой жизни. Классический пример тому – знаменитый Гесиод и его поучительная книга «Работы и дни», где возвышается и защищается сельский труженик.⁶ В своих предыдущих монографиях⁷ и научных статьях Ш. Арсалиев много внимания уделил сущности трудового воспитания в народной педагогике, потому что труд человека любой специальности был формой жизни, существования, основным занятием народа. Трудовое воспитание не прерывалось, оно было повседневной естественной жизнью народа. «Взаимодействие с ребенком, – пишет Ш. Арсалиев, – происходил все время, дети постоянно видели родителей, других членов семьи что-либо делающими, изготавливающими. Действительно, народная педагогика Чечни располагает колоссальным опытом организации воспитания трудом и в труде во все времена», – замечает автор в другой книге.⁸ Чеченцы считали, что труд – главное в воспитании, он сопровождает человека всю жизнь,⁹ трудолюбие – это национальное качество чеченцев. Поэтому и неудивительно, что в многовековом опыте трудового воспитания чеченцев выкристаллизовывались такие моменты, как:

- четко выраженный возрастной подход;
- дифференцированный подход к мальчикам и девочкам;
- заблаговременная психологическая и нравственная подготовка детей к выполнению ими новых трудовых обязанностей;
- сочетание полезного с приятным;
- воспитание воли и характера в труде и др.¹⁰

Чеченцы исторически придерживались известной народной мудрости: «в семье каждый ребенок до 5 лет должен быть царем, с 5 до 15 – рабом, с 15 и далее – другом». На таких жизненно важных основах складывались национальные традиции и обычаи, которые со временем становились эталоном, по которому люди оценивали свои поступки, свою жизненную позицию. По ним была видна и степень нравственного воспитания чеченца. Безусловно, речь идет о прогрессивных традициях и обычаях. И использование их в наши дни, когда они востребованы как никогда, в нравственном воспитании молодежи Чечни архиважно. «Объясняется это, прежде всего, – как подчеркивает Ш. М-Х. Арсалиев, – тем, что прогрессивные традиции и обычаи чеченцев связаны со многими сторонами мировоззрения и взаимоотношений людей; в них наиболее ярко и своеобразно отражен накопленный и умноженный

тысячелетиями народный опыт, человеческая мудрость, выражается характер и душа народа, лучшие черты истории семейно-бытовой жизни чеченского общества. А это и есть этнопедагогика, которую следует усвоить и знать наизусть». ¹¹ Однако сделать это не так легко, как кажется на первый взгляд, иначе Шавади Арсалиев и не написал бы рассматриваемую монографию, которая посвящена специальному решению именно теоретико-методологических проблем этнопедагогике. Даже беглый обзор структуры книги говорит нам об актуальности поднятой проблемы: предисловие и обширное введение уже завораживают читателя и настраивают на вдумчивое чтение последующих разделов, а их аж три главы – «Современная этнопедагогика как наука»; «Методология этнопедагогике в контексте современной картины мира»; «Разработка и реализация этнопедагогических технологий как теоретическая и прикладная проблема». Далее заключение и обширная библиография из 529 названий, в том числе 14 на английском, французском и немецком языках, – тем самым ученый проанализировал состояние этнопедагогике в мировом образовательном пространстве.

Безусловно, монография рассчитана, прежде всего, на педагогов-исследователей, а также на учителей, руководителей образовательных учреждений и на специалистов, занимающихся межнациональными и межкультурными проблемами. Но, несмотря на сложность самой проблемы методологии современной этнопедагогике, книга читается легко, ибо написана на высокопрофессиональном и легкодоступном языке. В то же время, вслед за автором уместно отметить, что методология любой науки, в том числе и этнопедагогике, формируется постепенно, когда наука достигает определенного уровня развития, обобщения эмпирических данных, формализации фактов. Для формирования методологии необходимо обобщение теоретических и практических аспектов функционирования научного знания, что блестяще показано в трудах учителей Шавади Арсалиева, академиков В.А. Слостенина ¹² и Г.Н. Волкова. ¹³

Ш. Арсалиев уверен, что этнопедагогика становится, с одной стороны, наукой национального спасения, а с другой – залогом межнациональной гармонии, межэтнического экономического и культурного единения, которые как никогда востребованы современным мировым сообществом, при этом ученый напрочь отвергает нивелирование этнических групп и этносов. Здесь я еще раз сошлюсь на мнение профессора В.И. Писаренко, согласно которому «замечательные иллюстрации народной педагогики в действии, приведенные Ш. М-Х. Арсалиевым, позволяют не только почувствовать всю силу и глубину народных воспитательных традиций народов Северного Кавказа, но и ощутить особенности их этнокультурного пространства, о котором автор монографии говорит с особой теплотой и уважением, приводя многочисленные примеры из литературных источников, устного народного творчества, традиций, обычаев». Приведу лишь один из многих примеров, приводимых Ш. Арсалиевым: «Среди чеченцев храбрость и бесстрашие превозносились превыше всего. О сынах народа слагали легенды, они стали героями эпических песен чеченцев. Самым первым кьонахом был, говорят, турпал (богатырь) Нохчо, о котором народ сложил героическую песню еще в средневековье. Вот слова этой песни:

Споём про турпала Нохчо!
Неохотно приближаешься к старости,
неохотно удаляешься от молодости,
Не хотите ли, добрые молодцы,
про турпала Нохчо послушать песню?
Как искры сыплются от булата,
Так мы рассыпались от турпала Нохчо.
Родились мы в ту ночь,

Когда от волчицы родятся щенки.
Имена нам были даны в то утро,
Когда ревел барс:
Таковыми мы произошли от предка нашего
турпала Нохчо!

Эту песню знают у нас все маленькие дети, и она звучит как клятва, являясь, по сути, программой самовоспитания чеченца»¹⁴. В таком духе написана вся вторая глава, она читается, как поэма.

Отдельной строкой надо отметить и такое достоинство монографии. Ш.М.-Х. Арсалиев предлагает всем, кто занимается этнопедагогикой свой особый подход, с помощью которого можно не только реализовать предложенные им в своем исследовании технологии, но и разрабатывать свои собственные. «В этом, – подчеркивает В.И. Писаренко, – состоит логическая завершенность данного труда, позволяющая проследить весь путь от теории к практике и подтвердить сформулированные теоретические положения. Подробно останавливаясь на понятии «технология» в современной педагогической науке, автор анализирует различные трактовки и особенности использования данного термина, который, кстати, до сих пор остается дискуссионным в психолого-педагогических науках».

Ко всему сказанному осталось добавить: монография Ш.М.-Х. Арсалиева «Методология современной этнопедагогике» – это глубоко научное исследование, которое не имеет аналогов на всем Кавказе и не только.

В заключении книги приведены слова одного из величайших писателей XIX века Виктора Мари Гюго (1802-1885): «Нет ничего прекраснее идеи, время которой пришло» – и далее Ш.М.-Х. Арсалиев добавляет: «Нам представляется, что время этнопедагогических технологий пришло и за ними – будущее».

Литература:

1. Арсалиев Ш.М.-Х. Методология современной этнопедагогике. – М.: Гелиос АРВ, 2013. – 320 с., ил., тираж 500 экз.
2. Волков Г.Н. Этнопедагогика. Чебоксары. 1974. -376 с.
3. Арсалиев Ш.М.-Х. Указ. соч., с. 7-8.
4. Арсалиев Ш.М.-Х. Указ. соч., с. 7-9.
5. Арсалиев Ш.М.-Х. Указ. соч., с. 12.
6. Гесиод. Работы и дни// Античная литература. Греция. Хрестоматия (составители Н.А. Федоров, В.И. Мирошенкова). – Изд. Второе. – М.: Высшая школа, 2002, с. 58-68.
7. Арсалиев Ш.М.-Х. Национальная культура вайнахов и педагогика учителя начальной школы. – М., 1996. Он же. Этнопедагогическое наследие чеченцев. – М., 1998. Он же. Этнопедагогика чеченцев – М., 2007.
8. Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогика., с. 116-127.
9. Арсалиев Ш.М.-Х. Этнопедагогическое наследие., с. 105.
10. Арсалиев Ш.М.-Х. Методология., с. 149-159.
11. Арсалиев Ш.М.-Х. Методология., с. 164-202.
12. Слостенин В.А. Педагогика: инновационная деятельность. – М., 1997. – 223 с.
13. Волков Г.Н. Указ. соч..
14. Арсалиев Ш.М.-Х. Указ. соч., с. 178.

Ваха Расумов

Чеченские народные танцевальные песни

Танцевальные песни занимают особое место в чеченской народной лирике. Впервые они были зафиксированы и выделены из огромного пласта народных лирических песен в особую группу исследователем чеченского фольклора О.А. Джамбековым. Первые 26 оригинальных танцевальных песен в его записи вышли в печать в фольклорном сборнике «Чеченский фольклор» («Нохчийн фольклор») [8, 493–498]. Год спустя под номером 27 новая танцевальная песня, записанная со слов И. Исраилова, им же опубликована в научно-публицистическом журнале «Прометей» («Пхьармат») [6, 100]. Все это позволило нам в какой-то мере завершить работу над классификацией чеченской народной лирики [3, 81–84], начатую первым исследователем чеченских народных лирических песен М. Дикаевым в семидесятых годах прошлого века. [2, 77–84]

Все тексты этих песен вместе с мелодиями в нотной записи композитора Р. Даудова вскоре будут опубликованы в печати отдельной брошюрой.

Танцевальные песни, по нашему мнению, имеют двойную функцию: во-первых, они расппеваются хором или сольно, их содержание выражают не только оригинальные тексты песен и яркие, колоритные мелодии к ним, но и весь их поэтический строй, основанный на танцевальном ритме; во-вторых, что очень важно, танцевальные песни призваны, при необходимости заменяя музыкальные инструменты (гармонику, дечиг-пондар, трещотки и пр.), «служить музыкальным оформлением танца». «Неразрывно связанные с танцевальным искусством народа, чеченские народные танцевальные песни немислимы вне самих танцев так же, как трудовые песни вне трудовой деятельности человека». [1, 84]

Важно отметить, что чеченский народный танец, как и любая танцевальная песня, выполняет различные функции. В первую очередь, обращает на себя внимание своеобразная форма гармонического физического развития, заложенная в танце (вспомним метафору, бытующую в народе, которая, как нельзя лучше, характеризует ментальную черту чеченских мальчишек: «Они раньше начинают танцевать, чем говорить»). С другой стороны, зажигательный танец дает выход энергии, доставляя как самому танцующему, так и зрителям здоровый эмоциональный заряд и эстетическое удовольствие. Не зря чеченский народный танец назван немой поэзией. По сюжетной завязке и поэтическим особенностям танцевальные песни близки юмористическим песням:

Катоьхна схьалаьцна
 Ин чу кхосса везара хьо,
 Паьххье чу иккхина
 Мийра бетта безара хьуна.
 Жанкаш кхехкинчу
 Хи чу волла везара хьо,
 Балгаш кхехкина
 Хи мело дезара хьуна.

Схватив неожиданно,
 В овраг тебя следовало сбросить,
 Спустившись следом,
 Отпинать тебя надо было.

Тебя следовало опустить в жидкость,
 В которой была отварена морковь;
 Тебя следовало напоить водой,
 В которой варили земляную грушу.

[8, 494]

На создание хорошего настроения в них нацелена не только живая, бодрая мелодия, но и все художественно-изобразительные средства (метафоры, эпитеты), использованные в тексте. На эту важную особенность обратил внимание в своей статье «Свадьба» («Ловзар») этнограф С.-М. Хасиев [7].

Шуточная по характеру, танцевальная песня апеллирует к абстрактным понятиям и ни в какой мере не задевает достоинство кого-либо. Их общий тон – жизнерадостный, жизнеутверждающий.

Чеченский танец «лезгинка», как известно, отличается быстрым темпом исполнения. Ритм танцевальной песни, как правило, поддерживает общий настрой собравшихся отдохнуть людей (скажем, на вечеринке, ловзаре или белхи).

В наиболее ритмически организованных танцевальных песнях наблюдаются богатые рифмы, в общем-то совершенно не характерные для народной лирики [4, 149–156]:

Куьйгаш ма хаза лиэладо,
 Когаш мел хаза лиэлабо,
 Хелха ма хаза волу хьо,
 Декъала, хьомениг, хуьлда хьо!
 [8, 493].

(Как) красиво руками водишь (ты),
 (Как) ногами красиво водишь (ты),
 (Как) танцуешь красиво ты,
 Не будь обездоленным, дорогой!

Их метрическая схема выглядит почти совершенной:

᠊᠊/᠊᠊᠊᠊/᠊᠊᠊᠊
 ᠊᠊/᠊᠊᠊᠊/᠊᠊᠊᠊
 ᠊᠊/᠊᠊᠊᠊/᠊᠊᠊᠊
 ᠊᠊᠊᠊/᠊᠊᠊᠊/᠊᠊᠊᠊

По своей композиции танцевальные песни-монологи девушек:

Ламанан леча санна,
 Аренан кхокха санна,
 Хъажалахь, нана, ла-ла-ла,
 Хинволчу невце, ла-ла-ла!

Как горный сокол,
 Как равнинный голубь,
 Посмотри, мама, ла-ла-ла,
 На будущего зятя, ла-ла-ла!

Но встречаются и песни-диалоги:

Куьйгаш хаза лиэладе,
 Когаш хаза лиэлабе,

Хью кхиинчу хьайн мамина
 Хаза нускал даладе.
 Куьйгаш хаза лелор ду,
 Когаш хаза лелор бу,
 Суо кхийначу сайн мамина
 Хаза нус ас ялор ю.

Руки красиво води,
 Ноги красиво води,
 Маме своей, воспитавшей тебя,
 Красивую невесту приведи.
 Руки красиво водить буду,
 Ноги красиво буду водить,
 Меня растившей (своей) маме
 Красивую невесту (я) приведу.

[8, 495]

В чеченских танцевальных песнях важную роль играет рефрен [5, 282–285]. В качестве повтора чаще выступают слова, не связанные с текстом. Эти словосочетания заменяют рифму и поддерживают ритм танца:

Цкъа хелхаваллалц
 Ши этка елара, ла-ла-ла!
 Цкъа велаваллалц
 Дашо церг елара, ла-ла-ла!
 Ла-ла-ла-ла! Ла-ла-ла-ла!
 Ши этка елара, ла-ла-ла!
 Дашо церг елара, ла-ла-ла!

Один раз станцевать
 Два сапога было бы, ла-ла-ла!
 Один раз посмеяться,
 Золотой зуб был бы, ла-ла-ла!
 Ла-ла-ла-ла! Ла-ла-ла-ла!
 Два сапога было бы, ла-ла-ла!
 Золотой зуб был бы, ла-ла-ла!

[8, 497].

Кйайн басар кхачийна, ла-ла-ла,
 Цен басар кхачийна, ла-ла-ла!
 Жероша шайн гиччош хьийзош, ла-ла-ла!
 Цъха миска стаг дакъаза ваьккхи,

Белая краска закончилась, ла-ла-ла!
 Красная краска закончилась, ла-ла-ла!
 Разведенки свои кудри завивая, ла-ла-ла,
 Одного бедного мужчину обездолили, ла-ла-ла!

[8, 495]

Со временем в танцевальных песнях использование параллельных строк увеличилось. Так появилась более сложная форма рифмы – смежная, тавтологическая – аабб.

Бакхийчу наха хьо ваккха, боху,
Кегийчу наха со яккха, боху,
Вуолалол, хьаша, цхьана дер вайша!
Хьо реза велахь, длагор вайша!

Пожилые люди тебя просят
пригласить потанцевать,
Молодые люди меня просят
пригласить потанцевать
Выходи, гость, потанцуем вместе!
Если ты согласен, уйдем вместе!

[8, 497].

В танцевальных песнях часто встречается простейшая форма рефрена – повтор, который, как правило, стоит в конце строфы. Рефрен повторяется иногда буквально, а иногда с незначительными изменениями, он является одним из древних элементов чеченской народной танцевальной песни. Чеченский народный танец неотделим от народной песни и народной жизни. Чеченская народная танцевальная песня наложила отпечаток на характер и манеру исполнения народного танца.

Танцевальные песни создавались на протяжении ряда столетий. Каждая эпоха вносила в них свои коррективы.

Литература:

1. Джамбеков О.А. Влияние женщины на общественное обустройство чеченцев (по материалам чеченской народной бытовой лирики) // История науки и техники. Развитие науки и техники в Чеченской Республике. № 3. – М.: Издательство «Научтехлитиздат», 2008.

2. Дикаев М. Чечено-ингушская народная социально-бытовая лирика // Ученые записки. Серия филологическая. Выпуск 15. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1968.

3. Расумов В.Ш. К вопросу о структурных особенностях чеченских народных лирических песен // Материалы I Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы северокавказских литератур в контексте общероссийского литературного процесса: перспективы развития на рубеже XX–XXI веков», посвященной памяти писателя Саида Бадиева. 22–24 апреля 2012 г. – Грозный, 2012.

4. Расумов В.Ш. О некоторых особенностях метрики чеченской народной лирики // Филологическте науки. № 3. – М., 2013.

5. Расумов В.Ш. Рефрен в чеченской народной лирике // Материалы 7-й ежегодной Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых и студентов «Наука и молодежь». – Грозный: Издательство ЧГУ, 2013.

6. Танцевальная песня № 27 // Научно-публицистический журнал «Прометей» («Пхьармат»). № 2. – Грозный: Книга, 1992. (На чеченском языке).

7. Хасиев С.-М. Свадьба («Ловзар») // Газ. «Отечество» («Даймохк»), 2010, 2 марта. (На чеченском языке).

8. Чеченский фольклор. Сост., научн. комм. О.А. Джамбекова. – Грозный: Книга, 1990. (На чеченском языке).

9. Чеченское устное народное творчество. Учебное пособие. Часть вторая. Авторы: Джамбеков О.А., Джамбекова Т.Б. – Махачкала: Алеф, 2012. (На чеченском языке).

Книжные новинки**Новые писатели**

В Москве, в рамках Федеральной целевой программы «Культура России», издан сборник лучших произведений писателей – участников Двенадцатого Форума молодых писателей России (2012) «Новые писатели», ежегодно проходящего в подмосковных Липках. Как отмечают составители книги, «новые авторы демонстрируют собственные взгляды на жизнь и творчество, расширяя таким образом литературное пространство. Подобно прежним выпускам, новый сборник включает в себя многие литературные жанры, представляя все грани литературного творчества».

В сборник «Новые писатели – 2013» вошли произведения, рекомендованные к публикации (кроме драматических произведений, которые выходят отдельной книгой – «Восемь»: Новые имена в драматургии») руководителями мастер-классов четырех литературных Форумов, прошедших в 2012 году: Девятого семинара детских писателей, Пятого совещания молодых писателей Северного Кавказа, Литературного Фестиваля в Казахстане и, конечно, Двенадцатого Форума молодых писателей России. Огромный социальный и возрастной охват – в книге собраны тексты и вчерашних школьников, и докторов наук. Для читателей же нашей республики будет интересным узнать, что в настоящий сборник вошел рассказ молодого чеченского прозаика Саламбака Алиева (под псевдонимом Айдамиров) «Цыгане».

К нашим иллюстрациям**Источник вдохновения**

Элита Дадакаева родилась 9 ноября 1969 года в старинном и живописном чеченском селении Гуни (Веденский район). Любовь к изобразительному творчеству привела ее в грозненскую Детскую художественную школу №1, которую она окончила с отличием в 1987 году. Кажется, с этого момента дорога ученичества, поиска себя и своего видения мира стала в ее жизни определяющей. В 1989 году она поступает на подготовительные курсы Высшего художественного училища им. Мухиной в г. Ленинграде. В 2004 году оканчивает Российский государственный педагогический университет им. Герцена, факультет ИЗО, а в 2008 – Северокавказскую Академию госслужбы при Президенте России, факультет ГМУ. Уже через два года после окончания подготовительных курсов в художественном училище имени Мухиной картины Элиты начинают выставляться на республиканских, городских региональных, зональных и международных художественных выставках. Ее творчество представлено в самых разных жанрах: пейзаж, портрет, натюрморт... Элита много работает в технике масляной живописи, а также отдельное направление в ее творчестве – графические произведения, выполненные акварелью и тушью. Заметно, что главной темой изобразительного творчества и источником вдохновения художницы является природа, причем это не только горные и равнинные пейзажи Кавказа, запечатленные сочными и яркими масляными красками, но и более serene широты России, для которых характерна особенная акварельная прозрачность.

Элита Дадакаева является членом Союза художников России с 2010 года, а с 2011-го по 2013 возглавляла молодежную организацию при Союзе художников ЧР. Получила благодарность за участие в выставке «Диалог культур в пространстве академической школы» от Российской академии художеств в 2010 году. Награждена дипломами ВТОО Союза художников России.

На обложке журнала представлены следующие картины художницы: 1 стр. – «Мелодия кувшина», 2 стр. – «Святой источник», 3 стр. – «Чертов замок. Теберда», 4 стр. – «Шепот ветра».

Роза Межиева

Сведения об авторах и переводчиках

Эдильбек Хасмагомадов (1957) – кандидат исторических наук, историк, публицист и общественный деятель. В 1975 году поступил в Краснодарский государственный институт культуры (библиотечный факультет), который окончил с отличием в 1979 году. Тогда же принят на работу в научно-методический отдел Чечено-Ингушской республиканской универсальной научной библиотеки им. А. П. Чехова (в настоящее время – Национальная библиотека Чеченской Республики). В 1988 г. окончил аспирантуру при Всесоюзной Книжной палате (г. Москва). С 1993 по сентябрь 2001 года являлся директором названной библиотеки. После 2001 года занимал должность главного редактора журнала «Вестник «ЛИАМ». В 2006 г. вновь назначен на должность директора Национальной библиотеки Чеченской Республики. Автор нескольких десятков научных работ, в том числе «История Чечни в XIX – XX веках» (в соавторстве).

Адиз Кусаев (1938). Родился в с. Шуани Ножай-Юртовского района ЧИАССР. Окончил Ростовский госуниверситет (факультет журналистики). В поэзии и журналистике – с 1957 года. Издал сборники стихов, поэм и переводов: «Характер», «Дороги», «Необходимость», «Горный сокол», «Единство», «Весенний край». Выпустил книги художественной и документальной публицистики: «Писатели Чечни» (I и II книги), «Чечня: годы и люди», «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения» и другие. Пишет на чеченском и русском языках

Умар Яричев (1941). Родился в селе Кулары Грозненского района. Член Союза писателей СССР. Первое стихотворение было опубликовано в 1963 году в Грозненской районной газете «Заветы Ильича». Входит в плеяду лучших чеченских поэтов. Автор пяти поэтических сборников, пьесы «Верность друга», песни на его стихи пели такие известные певцы, как Али Димаев, Александр Барыкин, Имам Алимсултанов, Бекхан Барахоев, Магомед Ясаев и другие.

Вахит Итаев (1940). Окончил Литературный институт им. Горького СП СССР. Член Союза писателей РФ. Пишет стихи, прозу. Автор фантастического романа «Майдан предков», вышедшего в Москве в 2007 году.

Абу Исмаилов (1949). Родился в Чимкентской области Казахской ССР. Окончил филологический факультет ЧИГУ в 1967 году. Первые стихи появились еще в школьные годы; в 1964 были опубликованы в газете «Ленинский путь», а в 1967 году – в альманахе «Орга», куда со временем пришел работать сам. Работал также корректором, редактором в Чечено-Ингушском книжном издательстве, корреспондентом радио, телевидения, газеты «Ленинан некъ» и других изданий. Автор многих книг прозы и поэзии, в том числе: «Бирдолаг» (1988), «Дош» (2005), цикла рассказов «Умар-Хаджи» (журнал «Вайнах», №№ 5-7, 2004), пьес и поэтических сборников.

Ваха Расумов (1988). Окончил филологический факультет ЧГУ (РВО) в 2010 году. Работает ассистентом кафедры чеченской филологии ЧГУ. В журнале публикуется впервые.

Муса Багаев (1941). Родился в г. Грозный. Среднюю школу закончил в Казахстане. В 1964 г., после окончания ЧИГПИ, был призван на срочную службу в ВМФ СССР. В 1967-1970 гг. учился в очной аспирантуре при институте археологии АН СССР под руководством выдающегося кавказоведа – Е.И.Крупнова. Работает на историческом факультете ЧГУ с октября 1971 г. по настоящее время (до 1976 г. старшим преподавателем, с 1976 по 1997 гг. – доцентом и с 1997 г. по сегодняшний день – профессором), доктор исторических наук, академик РАЕН. Автор более 150 научных и учебно-методических работ по археологии Северного Кавказа (в большей степени Чечни) и древней истории Востока и античного мира, в том числе и монография «Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековья VI в. до н.э.- XII в. н.э.» (М., Наука, 2008). Основные положения статей М.Х. Багаева отражены в коллективной монографии «История народов Северного Кавказа» (т. I, М., 1986) и «История Чечни с древнейших времен до наших дней» (2-х т. Т. I, Грозный, 2006) и более чем в 15 учебных пособиях для учащихся, студентов и преподавателей ЧР. Имеет многочисленные государственные награды.

Подписка на «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции журнала. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.